ВЕСТНИК БИСТ

(Башкирского института социальных технологий)

Учредитель:

Образовательное учреждение профсоюзов высшего образования «Академия труда и социальных отношений»

ISSN 2078-9025 **№ 2 (27) июнь 2015**

Серия «ЮРИСПРУДЕНЦИЯ» **Спецвыпуск**

Научный журнал
Издается с 2009 г. Выходит ежеквартально.
ПИ № ФС77-34653 от 02 декабря 2008 г.

Редакционный совет журнала:

Председатель

НИГМАТУЛЛИНА Танзиля Алтафовна, д-р полит. наук, канд. ист. наук, доцент (Башкирский институт социальных технологий)

Заместитель председателя

ВЕЛЬЦ Рахиль Яковлевна, канд. филол. наук, доцент (Башкирский институт социальных технологий)

Члены редакционного совета:

БЕЗЗУБКО Лариса Владимировна, д-р наук по государственному управлению, профессор (Донбасская национальная академия строительства и архитектуры, Украина)

ВАЛЕЕВ Хайдар Арсланович, д-р полит. наук, канд. юрид. наук, доцент (Центральная избирательная комиссия Республики Башкортостан)

ГАЙДУК Вадим Витальевич, д-р полит. наук, канд. юрид. наук (Башкирский государственный университет)

ЗУЛЬКАРНАЙ Ильдар Узбекович, д-р экон. наук, профессор (Уфимский государственный университет экономики и сервиса)

ИСМАГИЛОВ Наиль Амирханович, д-р экон. наук, доцент (Башкирский институт социальных технологий)

КЕРИМОВ Александр Джангирович, д-р юрид. наук, профессор (Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова)

КУРМАНОВ Альберт Сафуатович, д-р юрид. наук (ОАО «Социнвестбанк)

ЛЯНЧЕ Маргарита Леонидовна, д-р полит. наук, профессор (Научно-исследовательский институт проектменеджмента и инвестиций, Ганновер, Германия)

МАЛИКОВ Борис Зуфарович, д-р юрид. наук, профессор (Уфимский юридический институт МВД России)

МАЛЫХ Ольга Евгеньевна, д-р экон. наук, профессор (Башкирский государственный университет)

МАТВЕЕВА Любовь Дмитриевна, д-р ист. наук, профессор (Уфимский государственный университет экономики и сервиса)

МЕДВЕДЕВ Николай Павлович, д-р полит. наук, профессор (Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации)

МИХАЙЛОВА Наталья Вячеславовна, д-р полит. наук, доцент (Российский университет дружбы народов)

МУРАТШИН Фларит Рашитович, д-р юрид. наук, доцент (Башкирский институт социальных технологий)

РАХМАТУЛЛИНА Зугура Ягануровна, д-р филос. наук, профессор (Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации)

СМЕТАНИНА Ольга Николаевна, д-р техн. наук (Уфимский государственный авиационный технический университет)

САМИРХАНОВ Амирхан Миркадамович (Федерация профсоюзов Республики Башкортостан)

ТЕРНОВАЯ Людмила Олеговна, д-р ист. наук, профессор (Московский автомобильно-дорожный институт)

ТЮРИН Сергей Борисович, д-р экон. наук, профессор (Ярославский филиал Академии труда и социальных отношений)

ШАЯХМЕТОВ Ульфат Шайхизаманович, д-р техн. наук, профессор (Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы)

Редакционная коллегия:

Главный редактор

НИГМАТУЛЛИНА Танзиля Алтафовна, д-р полит. наук, канд. ист. наук, доцент (Башкирский институт социальных технологий)

Члены редакционной коллегии:

БОЧАРОВА Татьяна Евгеньевна, ответственный секретарь (Башкирский институт социальных технологий)

БЫСТРОВ Александр Ильич, канд. техн. наук, ст. научный сотрудник (Башкирский институт социальных технологий)

ГАЛИЕВА Гульназ Физратовна, д-р экон. наук, доцент (Башкирский институт социальных технологий)

КУЗНЕЦОВ Игорь Александрович, канд. юрид. наук, доцент (Башкирский институт социальных технологий)

НИЗАМУТДИНОВА Роксана Ильдаровна, канд. техн. наук (Башкирский институт социальных технологий)

СУЛЕЙМАНОВ Артур Рамилевич, канд. полит. наук (Башкирский институт социальных технологий)

ХОРОШАВЦЕВА Ольга Петровна, канд. культурол. (Башкирский институт социальных технологий)

Адрес редакции: 450054, г. Уфа, проспект Октября, 74/2
E-mail: vestnikBIST@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ И ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ИНТЕРЕСЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 7

Бурыкин А.Д., Вишневская М.Д. Обеспечение экономической безопасности инвестиционной системы региона. 7

Глинская И.Ю. Роль СМИ в информационно-психологической войне 19

Курманов А.С. Профилактика асоциального поведения молодежи как фактор патриотического воспитания 23

Ланда К.Г. Роль Дагестана в обеспечении национальной безопасности России в Каспийском регионе 26

Нигматуллина Т.А. Социально-политическая медиация в молодежной среде 31

Рахматуллина З.Я. Диалог культур как духовная основа национальной безопасности многонационального российского государства 37

Сулейманова Ш.С. Современное состояние этнополитической безопасности Российской Федерации 41

Терновая Л.О. Подготовка специалистов в области управления человеческими ресурсами в контексте кадровой безопасности 46

Тюрин С.Б., Бирко А.В. Угрозы национальной безопасности Российской Федерации 52

Аминов И.Р. О фундаменте национальной безопасности России 56

Арпентьева М.Р. Профайлинг в обеспечении национальной безопасности России 62

Иликаев А.С. Политический менеджмент в контексте проблемы национальной безопасности России. 69

Кузнецов И.А. Общественная палата как институт гражданского общества 73

Молодов О.Б. К вопросу о понятии и типологии экстремизма 78

Орлов М.О. Духовная традиция России как фактор национальной безопасности государства 83

Соколова М.С. Эффективность управленческих решений как один из факторов национальной безопасности государства 87

Сулейманов А.Р. Российский регион в системе обеспечения национальной безопасности страны. 90

Ангели С.С. Ксенофобия как угроза национальной безопасности государства: на примере России и Греции 95

Беляев М.А. Виды примирительных технологий как инструмент национальной политики 98

Каминский В.С. Метод правового анализа в исследовании экстремизма. 103

Лаушкина Г.А. Правосознание и правовое воспитание как элемент правовой культуры и как направление деятельности юридической клиники 111

Османов Р.А. Роль органов прокуратуры в борьбе с экстремизмом 116

Шафикова А.Р. Бюджетная грамотность как фактор экономической безопасности страны ... 120

Тимофеев С.Г. Краеведение как средство формирования гражданской позиции молодежи... 123

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ 127

Солодкая И.Н., Баскаков А.Т. Некоторые уголовно-правовые и криминалистические аспекты вандализма, совершенного несовершеннолетними 127

Мигунов А.С. К вопросу о давности образования следов рук 131

КОНСТИТУЦИОННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО....135

Фадеев К.В. Конституционная обусловленность трактовки посланий главы Республики Башкортостан в качестве политико-правового документа 135

Хасанов Ф.З. Качество товаров и услуг как составляющие конституционного права на охрану здоровья 139

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС 142

Горелов М.В. Проблема догматичной квалификации институтов вступления третьего лица в гражданский процесс Германии 142

Дебердеева Д.М. Проблемы реализации федерального закона «О бесплатной юридической помощи в Российской федерации» 147

ПОЛИТИКО-ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА И ИДЕОЛОГИЯ 150

Баскаков А.Т. Ценности абстрактного права: философско-правовой аспект исследования 150

Сулейманов Т.Ф., **Киричок Н.В.** Религия и право в системе социальной регуляции 154
Часть I 154
Часть II....161

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЕКТЫ БИСТ 167

НАУКА 169

ШКОЛА МОЛОДОГО ЛИДЕРА....170

К 70-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ....172

CONTENTS 173

АВТОРАМ 188

CONTENTS

NATIONAL SECURITY AND STATE INTERESTS OF THE RUSSIAN FEDERATION 7

Burikin A.D., Vishnevskaya M.D. Economic security of regional investment system 7

Glinskaya I.Y. The role of mass media in information-psychological war 19

Kurmanov A.S. A preventing asocial behavior among young people as a factor of patriotic education. 23

Landa K.G. The role of Dagestan in national security protection of Russia in Caspian region 26

Nigmatullina T.A. Socio-political mediation among young people 31

Rahmatullina Z.Y. Crosscultural dialogue as spiritual basis for national security of the multinational Russian Federation 37

Suleimanova Sh.S. The current state of russian ethnopolitical security 41

Ternovaya L.O. Training of specialists in the field of human resource management in the context of personnel security 46

Turin S.B., Birko A.V. Threats to national security of the Russian Federation 52

Aminov I.R. On the foundation of the national security of Russia 56

Arpentieva M.R. Profiling in provision of national security of Russia 62

Ilikaev A.S. Political management in the context of the national security problem in Russia. 69

Kuznetsov I.A. Civic chamber as civil society institution 73

Molodov O.B. On the concept and typology of extremism 78

Orlov M.O. Russian spiritual tradition as an attribute of the state national security 83

Sokolova M.S. Effectiveness of the management decision as one of the factors of the national security 87

Suleymanov A.R. Russian region in the state national security organization. 90

Angeli S.S. Xenophobia as a threat to national security: using the example of Russia and Greece. 95

Belyaev M.A. Types of conciliatory technologies as an instrument of national policy. 98

Kaminskiy V.S. Method of legal analysis in the study of extremism 103

Laushkina G.A. Legal awareness and legal education as an element of legal culture and as an area of legal clinic activity 111

Osmanov R.A. The role of the procuracy authorities at the struggle with extremism 116

Shafikova A.R. Budgetary competence as a factor of the state economic security....120

Timofeev S.G. Regional study as a means of youth civic position formation....123

CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY....127

Solodkaya I.N., Baskakov A.T. Certain criminal, judicial and forensic aspects of vandalism committed by minors....127

Migunov A.S. On time limitation of handprints formation 131

CONSTITUTIONAL RIGHT AND MUNICIPAL LAW....135

Fadeev K.V. Constitutional rendering of the head of the Republic of Bashkortostan address as political and legal document....135

Khasanov F.Z. Quality of goods and services as the elements of constitutional rights in health protection....139

CIVIL LAW AND CIVIL PROCEDURE....142

Gorelov M.V. The problem of dogmatic qualification of the institutes of the third party intervention in civil procedure of Germany 142

Deberdeeva D.M. Problems of realization of national law on free legal assistance in Russian Federation....147

POLITICAL AND LEGAL CULTURE AND IDEOLOGY....150

Baskakov A.Ti. The values of the abstract right: philosopho-legal aspect of the research 150

Suleymanov T.F., Kirichok N.V. Religion and liberties within the system of social regulation 154
Part I 154
Part II 161

SOCIAL PROJECTS OF BIST....167

SCIENCE 169

SCHOOL OF YOUNG LEADERS....170

TO THE 70th ANNIVERSARY OF THE GREAT VICTORY 172

CONTENTS 173

FOR AUTHORS 188

НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ И ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ИНТЕРЕСЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

УДК 338.242.4

БУРЫКИН Алексей Дмитриевич,
доктор экономических наук, профессор,
заместитель директора Ярославского филиала
ОУП ВО «Академия труда и социальных отношений»
e-mail: burykin.a.d@yandex.ru

ВИШНЕВСКАЯ Марина Дмитриевна,
студентка Ярославского филиала ОУП ВО
«Академия труда и социальных отношений», Узбекистан
e-mail: jaroslavl@atiso.ru

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ИНВЕСТИЦИОННОЙ СИСТЕМЫ РЕГИОНА

В статье рассматривается процесс создания и функционирования инвестиционной системы региона, а также предложены пути обеспечения ее экономической безопасности. Кроме этого в работе рассмотрены риски, которые могут влиять на эффективность инвестиционной системы и предложен механизм защиты от них.

Ключевые слова: *инвестиции, безопасность, риски.*

Под экономической безопасностью инвестиционной системы (ИС) нами понимается экономическая защищенность системы и интересов ее участников от внешних и внутренних угроз, влияние деструктивных факторов, позволяющая сохранить и эффективно использовать для исполнения своей миссии ее экономический потенциал [6; 7, 13]. Из данного определения следует, что проблема обеспечения экономической безопасности системы вытекает из структуры самой этой системы. Мы предлагаем рассмотреть ИС с позиций системного подхода, который нам представляется наиболее универсальным. Этот подход предполагает описание параметров «входа», «состояния», «выхода» системы, а также ее взаимосвязь с субъектом управления и внешней средой.

Параметрами «входа» для инвестиционной системы являются спрос на выпускаемые ценные бумаги, емкость рынка ЦБ, инвестиционные потребности региона, информация о соблюдении режима возвратности средств из инвестиций, «цена денег», т. е. стоимость заемных средств.

К параметрам «выхода» отнесем состояние проектов, величина минимальных кредитных ставок, гарантии надежности возвратов инвестиционных кредитов и процентов по ним, интервал времени между получением займа и его инвестированием и др.

Параметры «управления» представляются следующим перечнем: сумма инвестируемых средств и их стоимость. Структурные соотношения займов и инвесторов, эффективность и надежность инвестиционных портфелей, прозрачность рынка государственных обязательств, условия займов и возвратов средств.

Взаимоотношения с внешней средой характеризуются наличием правительственных гарантий для инвесторов и рациональностью законодательных актов. Особо детально следует рассмотреть параметры состояния ИС.

В различных источниках по теории и практике управления авторы, применяющие системный подход, именуют исследуемую систему в зависимости от стоящих целей и задач поразному [3, 24; 4, 36–44]. Экономисты рассматривают сложную систему как техническую, т. е. как комплекс технических средств, технологи именуют ее как технологическую, понимая под ней комплекс взаимосвязанных технологических процессов, социологи — социальной, исследуя социальные процессы, финансисты — финансовой, рассматривая совокупность финансовых потоков и отношений между людьми и т. п. Соответственно и при проведении смежных исследований система может рассматриваться как любая комбинация наименований (социально-экономическая, финансово-экономическая, организационно-технологическая и т. п.) Такое толкование не противоречит одному из правил системного подхода, а именно: выразить параметры рассматриваемой системы через параметры других систем с целью получения комплексной логичной модели. В нашем исследовании мы будем диагностировать ИС как финансово-экономическую.

Согласно требованиям системного подхода, характеризуя состояние системы, мы предлагаем описать элементы системы их свойства и связи. Исходя из сути финансово-экономической системы, основными факторами экономического роста, а следовательно, элементами системы, являются живой труд (квалифицированная рабочая сила), прошлый труд (средства производства) и деньги.

Очевидно, что свойства и элементы системы характеризуются соответственно уровнем развития: кадрового корпуса, технических средств (и новых знаний) и механизмом сохранения стоимости. В свою очередь, связи элементов характеризуются соответственно уровнем развития: организационного взаимодействия фирм-участников, коллективов и людей, технологических процессов и ноу-хау и финансовых отношений. Перечисленные свойства и связи могут быть избраны нами в качестве комплексных факторов обеспечения экономической безопасности.

Рассмотренные нами различные структуры, дающие представление об ИС как о сложной финансово-экономической системе, весьма тесно между собой связаны [2, 43].

Одна из центральных задач функционирования системы экономической безопасности инвестиционной системы региона может быть интерпретирована как задача повышения безопасности инвестиционной привлекательности региона [5, 16–28]. При всей многоаспектности такой задачи главным направлением ее решения следует считать снижение инвестиционных рисков.

Прежде чем рассматривать меры снижения рисков инвестора, которые можно предпринять на региональном уровне, кратко рассмотрим основные слагаемые понятия инвестиционных рисков.

Различают два принципиально разных типа рисков: коммерческие (или предпринимательские риски) и некоммерческие (или политические риски). Первые связаны с вероятностью потери инвестированных средств или недополучения доходов от вложений в зависимости от решений, принимаемых самими инвесторами, действий их контрагентов либо под влиянием рыночной конъюнктуры. Другими словами, коммерческие риски связаны с компетентностью принимаемых инвесторами экономических и технических решений.

К политическим относят риски, вызываемые неопределенностью действий государственных органов власти, изменений законодательства и других событий, находящихся вне контроля инвесторов.

Различают три уровня политических рисков. Риски первого порядка связаны с форсмажорными, внеэкономическими событиями (война, потери, связанные с изменением политической системы и т. п.). Риски второго порядка касаются ситуаций, когда разрушение грозит экономической системе, особенно стабильности денежной системы, включая галопирующую инфляцию или такое снижение производства, вследствие чего значительная часть производителей будет не в состоянии выполнять свои контрактные обязательства.

Политические риски третьего порядка связаны с неопределенностью действий органов власти и управления в части регулирования экономической жизни, а именно защиты прав собственности, законодательного и нормативно-правового регулирования и т. п. К политическим рискам третьего порядка относят также так называемое оппортунистическое поведение определенных органов власти. Оно, в частности, может заключаться в превратном толковании существующих законов и нормативных актов в своих интересах и т. п.

Очевидно, что в минимизации политических рисков именно третьего порядка роль региональных органов власти может быть существенной. Состоит эта роль в обеспечении благоприятных и стабильных правовых условий для инвесторов, ясности и последовательности при регулировании деятельности субъектов инвестиционного процесса.

Такими условиями являются требования по соблюдению прав собственности в широком смысле этого понятия, т. е. обеспечение полной реализации отношений владения, распоряжения и использования объектов собственности. В экономических категориях отношения собственности воплощаются в возможности управлять собственностью, распоряжаться полученной прибылью, продавать собственность. Основные элементы институционального обеспечения прав собственности и связанных с ними экономических отношений обобщены нами в таблице 1.

Следует также заметить, что среди различных объектов собственности важное значение имеют не только и не столько материальные средства. Организация прибыльного производства не обязательно требует наличия прав собственности на участок земли, где это производство размещено и на применяемое оборудование. И то, и другое могут быть арендованы. Более существенным является право собственности на будущую прибыль, которую получит инвестор благодаря своим вложениям.

Исключительно важным для инвестора является также охрана прав собственности на нематериальные активы: ноу-хау, торговые марки и т. п. Без гарантий соблюдения таких прав невозможно надеяться на привлечение инвесторов, обладающих новыми передовыми технологиями, т. е. тот вид инвестиций, который наиболее предпочтителен для региона.

Вывод, который можно сделать из рассмотрения задач по минимизации политических рисков, как главного фактора улучшения инвестиционного климата, состоит в том, что для инвесторов при принятии ими решений о вло-

Таблица 1 — **Институты, обеспечивающие права собственности**

Виды экономических отношений, вытекающих из права собственности	Обеспечивающие институты
1. Право управлять собственностью	• Правила регистрации и закрытия предприятий. • Законы, относящиеся к управлению предприятиями и финансами. • Регулирование производственных отношений (трудовой кодекс, лицензирование, экологические требования, требования по охране здоровья). • Антимонопольное регулирование и конкуренция. • Мониторинг и контроль (бухгалтерская отчетность, аудит).
2. Право получать и распоряжаться прибылью	• Налоговое законодательство. • Регулирование обмена валют и репатриации прибылей. • Закон о банкротстве. • Инвестиционные гарантии.
3. Право торговли	• Правила по идентификации собственности и лица-обладателя (регистрация). • Регулирование рынка ценных бумаг. • Судебное признание добровольных контрактов (процедура решения конфликтов).

жении средств более важен вопрос не наличия каких-либо особых льгот, а стабильность экономической политики, четкость законодательных и других регулирующих требований и мер.

Поскольку необходимый уровень такой стабильности в России не достигнут, необходимо отработать систему защиты инвестиций. Главная роль государственных органов различных уровней в такой системе должна состоять в обеспечении гарантий защиты инвесторов от политических рисков.

Система защиты инвестиций охватывает области страхования, залога и гарантий федерального и регионального уровней. В части защиты иностранных инвестиций действуют дополнительно международные соглашения и конвенции.

Базовые гарантии и меры по компенсации инвесторам предусмотрены действующими законами Российской Федерации «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации» и «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации». Этими законами устанавливается, что инвестиции в Российской Федерации не подлежат национализации и не могут быть подвергнуты реквизиции или конфискации кроме как в исключительных, предусмотренных законодательными актами, случаях, когда эти меры принимаются в общественных интересах. В случаях национализации или реквизиции инвестору выплачивается адекватная компенсация.

Законодательством определен порядок возмещения убытков, включая упущенную выгоду, причиненных в результате незаконных действий государственных органов, разрешения инвестиционных споров, гарантий перевода платежей в связи с иностранными инвестициями, гарантий использования платежей в валюте Российской Федерации на территории Российской Федерации.

Помимо национального законодательства функцию защиты прав и интересов иностранных инвесторов выполняют и международные договоры и соглашения Российской Федерации. К настоящему времени Россия заключила 33 межправительственных соглашения о взаимной защите инвестиций и поощрении капиталовложений, присоединилась к двум конвенциям — Вашингтонской конвенции о порядке разрешения инвестиционных споров между государственными и иностранными лицами и Сеульской конвенции об учреждении Международного агентства по гарантиям инвестиций (МАГИ). В основе защиты иностранных инвестиций МАГИ, к которой присоединилось 80 государств, лежит договор о страховании от некоммерческих (политических) рисков, по которому МАГИ — страховщик, а иностранный инвестор — страхователь, ежегодно выплачивающий страховой взнос в размере определенного договором процента с суммы гарантии.

В России первые шаги в области страховой защиты инвестиций были предприняты Государственной инвестиционной корпорацией. Для этого была создана Российская компания по страхованию инвестиций (РКСИ) и страховая компания «Инкорстрах». РКСИ создавалась для предоставления гарантий иностранным инвесторам от политических рисков. Капитал компании по требованию инвесторов был размещен за рубежом — в «Сити-банк» и «Каутс-банк». Компания «Инкорстрах» была создана в России для представления страховой защиты инвесторам и объектам инвестиций с последующим распределением страхового портфеля среди отечественных и иностранных страховых и перестраховочных компаний.

В целях консолидации усилий различных ведомств федерального уровня Указом Президента Российской Федерации от 26.02.93 № 282 было создано международное агентство по страхованию от некоммерческих рисков инвестиций в Российскую Федерацию.

Существующая система гарантий национального и международного уровня должна быть дополнена гарантиями регионального уровня. Действенность таких гарантий будет определяться тем, сумеют ли они убедить потенциальных инвесторов в защите его интересов по трем основным направлениям:

1) гарантии, обеспечивающие неприкосновенность собственности инвестора;

2) гарантии, обеспечивающие право инвестора воспользоваться результатами своей предпринимательской деятельности;

3) гарантии, касающиеся порядка разрешения инвестиционных споров.

В практике защиты инвестиций используются письменные гарантии администраций

субъектов Российской Федерации. В большинстве случаев эти гарантии не имеют имущественного обеспечения. На федеральном уровне предусматривается создание Фонда государственных гарантий высокоэффективных инвестиционных проектов. По аналогии необходимо создать Региональный фонд государственных гарантий для реализации приоритетных для области инвестиционных проектов. Тогда инвесторы смогут получить экономические и правовые гарантии под вложения средств.

В качестве примера одного из возможных подходов к обеспечению гарантий инвестиций на региональном уровне можно привести принятие регионального закона «О государственных гарантиях осуществления инвестиций в Ярославской области». Согласно данному закону источниками государственных гарантий являются средства областного бюджета, активы региональных бюджетных, государственных внебюджетных и других фондов, а также природно-сырьевые ресурсы, находящиеся в собственности Ярославской области [1, 76].

Среди важных законодательно-нормативных решений последнего времени, создающих предпосылки для улучшения инвестиционного климата в стране, можно отметить вступление в силу с 11 января 1996 г. Закона № 225-ФЗ «О соглашениях о разделе продукции» (СРП), Указ Президента Российской Федерации от 08.05.1996 «Об основных направлениях налоговой реформы в Российской Федерации и мерах по укреплению налоговой и платежной дисциплины», решение Правительства Российской Федерации о разработке плана мероприятий по реализации Комплексной программы стимулирования отечественных и иностранных инвестиций в экономику Российской Федерации.

До принятия Закона «О соглашениях о разделе продукции» в России не было законодательной основы для передачи государством частному инвестору прав на пользование своей собственностью. Государство могло продать свою собственность, но не было правового регулятора временной его передачи. С принятием закона о СРП этот пробел в законодательстве хотя бы в сфере недропользования устранен.

Несмотря на то, что отдельные положения Закона «О соглашениях о разделе продукции» вызвали много критики, в целом же специалисты расценивают его как «революционный прорыв». Отмечаются следующие преимущества Закона «О соглашениях о разделе продукции»:

- впервые предложен конкретный механизм договорных отношений государства и негосударственного инвестора вместо традиционно использовавшегося административного, лицензионного порядка;
- создана правовая основа для эффективного управления неприватизируемой государственной собственностью;
- появилась реальная альтернатива налогам — рентные платежи;
- создается режим привлечения крупномасштабных инвестиций через механизм проектного финансирования;
- предусмотрен новый уровень контроля за пользованием природными ресурсами: условия оговорены контрактом, и в случае их нарушения возможно обращение в суд;
- устанавливается стабильность контракта на весь срок его действия;
- открываются новые возможности для хозяйственной самостоятельности местных органов власти и их взаимодействия с Центром;
- во взаимоотношениях между государством и частным инвестором предусмотрено обращение в арбитраж (в том числе международный) для разрешения споров.

Наряду с происходящим процессом совершенствования законодательной и нормативной базы инвестиционной деятельности на федеральном уровне, власти многих субъектов федерации используют собственные законотворческие полномочия для улучшения инвестиционного климата в своих регионах. В Ярославской области также предпринимаются попытки принятия ряда региональных законов, которые бы способствовали привлечению отечественных и иностранных инвестиций в экономику области.

Среди факторов, препятствующих активизации инвестиционного процесса со стороны нормативно-правового обеспечения, находящегося в пределах полномочий региональных

органов власти, следует отметить тенденцию к установлению в Ярославской области максимальных ставок той доли налоговых платежей, которые зачисляются в региональный бюджет. Некоторые российские регионы, проводящие более гибкую налоговую политику, оказываются в этом отношении в более выигрышном положении с точки зрения инвестиционной привлекательности. Обычно главным аргументом против снижения каких-либо налоговых ставок или их дифференциации является проблема формирования доходной части бюджета. Однако с точки зрения не сиюминутных проблем, а долгосрочных стратегических интересов, переход к региональной налоговой политике, стимулирующей инвестиционный процесс, необходим и оправдан. Возможен также подход, при котором не уменьшаются поступления в бюджет, — предоставление налоговых преференций определенным вновь создаваемым предприятиям и производствам.

Литература

[1] *Бурыкин А.Д.* Кластерный подход как основа инновационного развития региональной экономики // Вестник Московского финансово-юридического университета МФЮА. — 2011. — № 2. — С. 70–77.

[2] *Бурыкин А.Д., Вишневская М.Д.* Влияние стабилизационных финансов на экономику России // Вестник БИСТ. — 2015. — № 1(26). — С. 44–49.

[3] *Бурыкин А.Д.* Интеллектуальная собственность как фактор повышения финансовой устойчивости предприятий // Труд и социальные отношения. — 2014. — № 2. — С. 108–117.

[4] *Нигматуллин И.Г.* Концептуальные подходы к исследованию финансовой политики: методология и необходимость совершенствования // Финансовая аналитика: проблемы и решения. — 2015. — № 21(255). — С. 36–44.

[5] *Нигматуллин И.Г.* Инвестиционные приоритеты финансовой политики Республики Башкортостан // Финансовая аналитика: проблемы и решения. — 2015. — № 14(248). — С. 16–28.

[6] *Тюрин С.Б.* Организационно-технологическая модернизация экономики как фактор ее экономической безопасности / *С.Б. Тюрин, А.Д. Бурыкин, Л.М. Клячко* и др. — Ярославль: ЯФ АТиСО, 2010. — 256 с.

[7] *Чуб Б.А.* Управление инвестиционными процессами в регионе. — М.: Буквица, 1999. — С. 56.

УДК 366.63

ГЛИНСКАЯ Ирина Юрьевна,
доктор политических наук,
доцент кафедры рекламы и бизнес-коммуникаций
Российского университета дружбы народов, г. Москва
e-mail: irina_glinskaya@mail.ru

РОЛЬ СМИ В ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ВОЙНЕ

В данной статье анализируется влияние средств массовой информации — как традиционных, так и новых — на общество в современной информационно-конструируемой мировой системе. Результатом анализа является выделение автором ряда основных принципиальных общих положений в сфере использования ресурсов СМИ для предупреждения сепаратистских и иных конфликтных ситуаций.

Ключевые слова: *средства массовой информации, новые медиа, информационно-психологическая война, технологии, противостояние, угроза, национальные интересы.*

В современном обществе СМИ играют одну из главных ролей в информационно-психологических войнах. Их даже называют четвертой властью, поскольку в большинстве случаев транслируемая в них информация воспринимается как истина, но при этом термин «четвертая власть» отражает лишь огромное влияние СМИ на общество. Однако СМИ не имеют реальной власти, так как не имеют законного права насильно принуждать к совершению какого-либо действия.

Широко используя свободу массовой информации, не следует забывать о ст. 4 Закона «О средствах массовой информации», которая закрепляет тезис о недопустимости злоупотребления свободой массовой информации.

Данная статья запрещает использовать средства массовой информации в целях совершения уголовно наказуемых деяний, для разглашения сведений, составляющих государственную или иную специально охраняемую законом тайну, для осуществления экстремистской деятельности, а также для распространения передач, пропагандирующих порнографию, культ насилия и жестокости. Запрещено использование в теле-, видео-, киноматериалах, документальных и художественных фильмах, а также информационных компьютерных файлах и программах обработки информационных текстов, относящихся к специальным средствам массовой информации, скрытых вставок, воздействующих на подсознание людей и оказывающих вредное влияние на их здоровье [1, 1].

Однако манипулятивные технологии, которые используют СМИ, влияют на сознание и подсознание граждан, внедряя в них новые установки.

Любая информационная война использует средства массовой информации для навязывания желаемой точки зрения.

Телевидение, газеты, журналы, радио все еще остаются главным источником информации, поэтому любое информационное воздействие будет с их стороны. Рассмотрим по отдельности основные традиционные СМИ и их роль в информационно-психологических войнах.

Печатная пресса. Газеты, журналы, листовки и другая печатная продукция всегда подвергалась информационным воздействиям. Печатную прессу можно назвать тяжелой артиллерией информационно-психологической войны. Она поддерживает основную позицию государства (если это война без реального военного конфликта) или оправдывает действия военных по уничтожению противника. Также в некоторых печатных СМИ появляется информация, которая позиционируется как закрытая или эксклюзивный материал с места собы-

тия. Чаще всего эта информация негативного характера в отношении оппонента. Затем эта информация разносится в массы с помощью серьезных изданий и в случае необходимости закрепляется рассылкой листовок и размещением плакатов.

Чтобы противостоять такому роду атаки, самым удачным вариантом является «доведение до абсурда» либо просто игнорирование, тем более что в нынешнем потоке компромата его ценность и социальное влияние существенно снизилось.

Радиовещание в современном мире потеряло свое сильное манипулятивное воздействие из-за широкого развития телевидения и Интернета. Однако его еще применяют в некоторых информационно-психологических конфликтах. Например, используется трансляция обращений лидеров государства либо авторитетных лиц (лидеров мнений) к населению. Данный метод чаще всего применяется государством в отношении своих граждан для формирования у них согласия с принятой политикой.

Единственный вариант противостояния данному воздействию — использовать другие СМИ, поскольку радиовещание жестко контролируется.

Телевидение является самым массированным методом. В информпространстве массово появляются материалы с «нужной» информацией об оппоненте (как на основе реальных, так и виртуальных фактов). Они транслируются по центральному телевидению внутри страны для формирования нужного представления и одобрения действий государства. Помимо этого, телевидение имеет возможность воздействовать не только визуально, но и аудиально. Следствием этого является то, что информация усваивается лучше. Доказано, что человек воспринимает и подсознательно доверяет информации через 25–30 минут просмотра. При этом телевидение увлекает человека, и он смотрит его гораздо большее количество времени. Для активного воздействия на массу государства увеличивают количество информационных выпусков с трансляцией одной и той же информации. Примером этому может служить информационное уплотнение новостного эфира на Первом канале, введение так называемой «новости часа». Если данная телепрограмма включена даже как фон и человек непосредственно не сидит перед экраном, а занят своими делами, происходит звуковое воздействие.

Как правило, некоторые каналы противоборствующей стороны транслируются в самой стране (например, Первый канал в странах Европы, Азии и т. д.). Тем самым они могут транслировать свою информацию, которая, по их мнению, является правдивой. Это создает некий информационный шум и информационное несоответствие. Именно поэтому для противостояния подобного рода воздействию противоборствующие стороны закрывают вещание таких каналов, чтобы предотвратить последствия несоответствия информации.

Иногда по отдельности печатная продукция, теле- и радиовещание не используются. В современном мире они создают некую синергию, которая усиливает эффект. Существует классическая схема: в зарубежных СМИ появляются две-три публикации скрыто негативного характера. Затем они широкомасштабно транслируются с усилением акцента на негатив и разворачиваются в массированную кампанию. Используется весь арсенал информационного оружия вплоть до пикетов и манифестаций. Однако данный способ достаточно дорогой.

Для противостояния подобного рода воздействиям используется метод затяжного информационного сражения до изматывания и недостатка информации у противника. Затем идет массированная атака. Этот метод поможет свести на нет ранние информационные послания.

Новые СМИ, или новые медиа — это термин, который в конце XX века стал применяться для интерактивных электронных изданий и новых форм коммуникации производителей контента с потребителями для обозначения отличий от традиционных медиа, таких как газеты. Этим термином обозначают процесс развития цифровых, сетевых технологий и коммуникаций. Конвергенция и мультимедийные редакции стали обыденными элементами современной журналистики [2, 45].

Сегодня серьезную конкуренцию традиционным СМИ составляет Интернет. Боль-

шинство людей, у которых есть доступ к глобальной сети, уже не пользуются традиционными средствами массовой информации, поэтому многие СМИ учитывают эту тенденцию и тоже выходят в сеть. Но в Интернете завоевать внимание читателя или зрителя гораздо сложнее.

Особое место в информационно-психологических войнах занимают социальные сети. В них каждый человек может выразить собственное мнение относительно какой-либо проблемы, может поделиться ссылками на какие-то информационные ресурсы, при этом это могут быть независимые источники. Здесь могут высказываться такие позиции, которые не выгодны ни одной стороне конфликта. Также реальные пострадавшие могут раскрыть подробности реальных событий. Именно поэтому контроль информации затрудняется, поскольку нельзя контролировать каждого человека и в современном обществе ограничивать его свободу слова. Это чревато возникновением всеобщего возмущения и появления нового конфликта в связи с тем, что в Интернете люди чувствуют себя намного свободнее и их страх о том, что им за их слова что-то будет, притупляется.

Помимо этого, новые медиа мгновенно передают информацию, имеют самую высокую отдачу. Более того, возможность целенаправленной доставки информации гораздо больше, чем у телевидения (даже если учитывать, что телевидение обладает большей аудиторией).

Анализируя роль новых и традиционных СМИ, можно подвести некоторые итоги:

1) иногда информация, которая сообщается в традиционных СМИ о боевых действиях в зоне конфликта (либо на фоне каких-то информационно-психологических воздействий), может играть более важную роль, чем сами события;
2) как новые, так и традиционные СМИ на ранних стадиях конфликта могут сформировать мировое мнение относительно агрессора;
3) как новые, так и традиционные СМИ используются в качестве инструмента создания необходимого общественного мнения всеми сторонами какого-либо конфликта;
4) традиционные СМИ являются базовыми и используются достаточно давно, в то время как новые медиа появились не так давно и начали активно использоваться только в первом десятилетии XXI века.

СМИ играют огромную роль в информационно-психологических войнах в современном мире.

От вида СМИ зависит характер информационно-психологического воздействия на противоборствующее государство. Упустив возможность вести информационную войну в средствах массовой информации, Россия начинает вести ее в Интернет-пространстве с помощью «медиа-солдат»: блогеров, журналистов, выкладывающих правдивую информацию на своих страничках в сети. Они стали призывать посещать сайты CNN и голосовать там за Россию, первыми предложили переводить свидетельства беженцев из Осетии на английский язык и выкладывать их на англоязычных форумах. Благодаря помощи таких «медиа-солдат», западная аудитория, пусть даже не очень многочисленная, начала смотреть на Россию другими глазами.

Конфликт между Грузией и Южной Осетией в 2008 году показал, что во многом Россия оказалась неподготовленной к крупномасштабной и ухищренной информационной агрессии со стороны Запада. Неспособность российских медиа четко отстаивать национальные интересы на информационных площадках стала серьезным недостатком для страны. По итогам данной войны решением российского Президента В.В. Путина были созданы специальные структуры для противодействия и противостояния информационной агрессии, отвечающие национальным интересам России.

Как известно, без информационных войн не обходится ни одна революция, ни одно вторжение, ни один переворот. Ситуация, развернувшаяся на Украине в начале 2014 г., также не обошлась без этого, а точнее сказать, именно в данном конфликте информационная война имеет огромное значение. Поддерживаемая Западом Украина не скрывает, что ведет жесткую информационную войну против России. Украинские СМИ активно используют технологии черного PR для разжигания антирос-

сийского настроения. Газеты, телевидение, Интернет, социальные сети ведут пропаганду против России. Пестрят такие заголовки: «Россия разжигает военный конфликт на Украине», «Россия ввела войска в Крым», «Россия оккупировала Крым». Вещание российских телеканалов, таких как «Россия 1», «Первый канал — всемирная сеть», «Россия 24», «НТВ-Мир», «РТР Планета» запрещено на Украине. Блокировка российских каналов преподносится как защита информационной безопасности Украины, при этом бегущей строкой украинские телеканалы запускают фразы: «Армия Соединенных Штатов готова помочь Украине», «Россия объявила войну Украине» — такое нагнетание ситуации оказывает давление на аудиторию, ее держат в постоянном страхе и напряжении. Украинские каналы ужесточили до крайностей фильтрацию всех новостей и выступлений гостей эфиров. Появился даже своеобразный список персон, которые были изгнаны из СМИ за то, что не поддерживали Майдан. Местных провайдеров заставляют отказаться от вещания российских каналов, а все сайты с доменом ru закрыть. Все официальные сайты украинских государственных учреждений работают только на украинском и английском языках. Западные СМИ также массово ведут антироссийскую пропаганду, формируя образ России как врага и агрессора. Особую угрозу это представляет для молодежи, поскольку она наиболее подвержена трансформации сознания и деформации психики [3, 159–171].

Информационная война является угрозой национальным интересам России, снижает имидж государства, подрывает авторитет его лидеров. Для противодействия информационной войне необходимо создать Институт, занимающийся контрпропагандой в СМИ, в сети Интернет. Необходимо ввести в школьную программу понятие «медиаграмотность», чтобы юное поколение могло ориентироваться в огромном информационном потоке, идущем из российских и зарубежных источников.

Литература

[1] Закон Российской Федерации от 27.12.1991 № 2124-I «О средствах массовой информации» // Российская газета. — 1992. — 8 февр.

[2] Новые медиа — миф или реальность? // Материалы выставки-конференции «Издательский бизнес 2006» [Электронный ресурс]. — URL: media-online.ru

[3] *Нигматуллина Т.А.* Медиакоммуникативные характеристики гражданско-политической активности молодежи в Республике Башкортостан: региональное исследование // Коммуникология. — 2014. — Т. 8. — № 6. — С. 159–171.

УДК 323:378(470)

КУРМАНОВ Альберт Сафуатович,
доктор юридических наук,
заведующий кафедрой гражданского права и процесса
Башкирского института социальных технологий (филиала)
ОУП ВО«Академия труда и социальных отношений» (г. Уфа)
e-mail: uristbist@yandex.ru

ПРОФИЛАКТИКА АСОЦИАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ МОЛОДЕЖИ КАК ФАКТОР ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ

Последние десятилетия наше общество переживало системный кризис в социально-экономической, политической и идеологической сферах. В сознании многих социальных групп стали распространенными такие негативные тенденции, как правовой нигилизм, цинизм, равнодушие, неуважительное отношение к интересам общества и государства. В данной статье рассматривается профилактика асоциального поведения молодежи через призму патриотизма.

Ключевые слова: *профилактика, асоциальное поведение, безопасность, воспитание, патриотизм, молодежь.*

Последние десятилетия наше общество переживало системный кризис в социально-экономической, политической и идеологической сферах. В сознании многих социальных групп стали распространенными такие негативные тенденции, как правовой нигилизм, цинизм, равнодушие, неуважительное отношение к интересам общества и государства.

Сложившаяся ситуация была обусловлена рядом факторов, такими как ломка политического строя, переход на «рельсы» рыночной экономики с одной стороны, а с другой — нестабильностью экономики в новых условиях, что неминуемо повлекло обнищание значительной части населения, ошибками, допущенными руководством страны во внутренней политике, в том числе существенными упущениями по воспитанию подрастающего поколения.

Проблемы патриотического воспитания имеют особую актуальность, поскольку от того, какой вырастет сегодняшняя молодежь, зависит будущее страны. Следовательно, как государство сформирует сегодняшних школьников и студентов через свои общественно-политические институты, так через какие-то два десятилетия, став взрослыми, полноправными, активными членами общества, заняв руководящие посты в органах государственной власти, бизнес структурах, политических и общественных организациях, они будут «формировать повестку дня» на внутренней и международной арене. Поэтому обществу не может быть безразлично, на чем будет основана эта «повестка»: на любви к Родине, трепетном отношении к ее наследию, либо на хищнической идеологии в стремлении разорвать страну на «куски» ради личного обогащения.

К сожалению, многие псевдореформы конца XX в. нарушили существующий уклад жизни нашего общества, затронув интересы всех социальных групп, в том числе и подростковых. Уничтожив молодежную идеологию социализма, зарождающееся российское государство взамен ей не предложило новую.

В последние годы многое меняется. Сегодня государство, осознавая ошибки прошлого, целенаправленно реализует стратегию по созданию здоровой молодежной среды в сфере физического и духовного воспитания. Молодежь вовлекается во все общественные институты и на всех уровнях — начиная от обществ, пропагандирующих здоровый образ жизни, и заканчивая «школами политического резерва». Конечно, рано говорить, что все трудности на данном пути позади, однако можно с уверенностью констатировать тот факт, что государ-

ство твердо встало на этот путь и уже не свернет с него. Президент Российской Федерации В. Путин не раз обозначал общенациональную идею, суть которой состоит в том, что необходимо обратиться к чрезвычайно богатой, самобытной и многонациональной отечественной культуре, одним из основных элементов которой является патриотизм. Именно патриотизм был и останется одним из важнейших источников, опорой и ресурсом развития жизнеспособности нашего общества.

Вместе с тем, существует твердая уверенность, что истинный патриотизм может быть только в нравственно здоровом обществе у социально ориентированных людей, поэтому особенно важно формировать у молодежи твердое убеждение необходимости внести свой вклад в развитие и могущество Родины. Такой вклад может быть проявлен в ратном деле, когда военнослужащие с оружием в руках встают на защиту Отечества. Но не менее значимый вклад может быть внесен и в мирное время, например, в науке, культуре, спорте и других общественно значимых сферах. Следовательно, чтобы молодежь была патриотически настроена, она должна получать только социально-полезные установки, воспитываться и получать образование в социально здоровой среде, кроме того, должны быть созданы все необходимые условия для самореализации каждого молодого человека.

Как оборотная сторона этой медали, государство и общество должно формировать нетерпимое отношение к любым асоциальным проявлениям в молодежной среде. В первую очередь, речь идет о профилактике подростковой преступности, наркомании, алкоголизма, проституции и пр. Сегодня в стране огромное количество тяжких преступлений, таких как кражи, грабежи, разбойные нападения, незаконный оборот наркотических средств, совершается лицами в несовершеннолетнем возрасте. При этом данные статистики не отражают реальную картину состояния преступности, потому что большинство преступлений так и остается латентными, часто встречается рецидив несовершеннолетних преступников. Особенно это касается преступных деяний, сопряженных с наркотическими средствами. Так, несовершеннолетние лица являются не только потребителями наркотических средств, их активно привлекают для вовлечения новых потребителей «смертельного зелья», а также для прямого распространения наркотиков в кругу знакомых, в учебных заведениях, досуговых местах и т. д. Часто подобные деяния совершаются самими лицами, потребляющими наркотики в расплату за очередную дозу или с целью наживы.

Сегодня в России по оценкам экспертов около 5 млн наркоманов, большинство — это молодые люди в возрасте от 14 до 25 лет. Причем считается, что один наркоман втягивает в потребление наркотиков от трех до пяти человек из своего окружения. Проблема наркомании — это страшная беда не только наркомана и его близких, но и общества в целом, потому что представители данной асоциальной группы представляют опасность для всего социума. Это связано с тем, что данное «социальное зло» напрямую порождает организованную преступность, провоцирует и создает предпосылки для совершения преступлений корыстной направленности. Кроме того, наркомания таит в себе и другие опасности для общества. Наркомания, как снежный ком, увеличивается в размерах, втягивая в свой круговорот все новые и новые жертвы, которые по понятной причине выпадают из привычных социальных связей, тоже становятся преступниками и жертвами новых преступлений. В большинстве своем наркоманы становятся носителями многих опасных заболеваний: ВИЧ-инфекции, гепатита, венерических заболеваний и других. Девушки, ставшие наркоманками, из-за отсутствия денежных средств часто зарабатывают на дозу проституцией. Многие из уличных проституток — наркоманки, страдают различными венерическими заболеваниями, становятся бесплодными, либо рожают больных детей, зачастую отказываясь от новорожденных.

Как известно, преступниками и наркоманами не рождаются, ими становятся. И становятся, прежде всего, в той среде, где царит нужда, имеются дефекты в воспитательном процессе, отсутствует внимание со стороны общества и государства. Один показательный пример: как объяснить то, что у нас установлена уголовная ответственность за организацию притонов и вовлечение в проституцию, и на этом

фоне абсолютно открыто действуют эти самые притоны, а молодые девушки вовлекаются в секс-индустрию? Такие объявления можно встретить во многих рекламных газетах. А государству в лице его правоохранительных органов до этого нет абсолютно никакого дела. Аналогичная ситуация состоит и с такими асоциальными явлениями, как бродяжничество и попрошайничество среди несовершеннолетних беспризорников. К сожалению, общество отворачивается от решения данных проблем, хотя в большинстве случаев виноваты не сами подростки. По самым скромным подсчетам таких детей в России насчитывается свыше одного миллиона. Подростки, прошедшие через круги «беспризорного ада», редко становятся нормальными членами общества, им присущи с малых лет многие асоциальные пороки: алкоголизм, токсикомания, психические расстройства, половая распущенность, склонность к насилию, наличие многих опасных инфекционных заболеваний и другие.

В связи с этим возникает вопрос, могут ли такие молодые люди считаться истинными патриотами своей Родины: несовершеннолетний преступник, систематически совершающий общественно-опасные деяния против интересов общества и государства; наркоман, вовлекающий в потребление наркотиков своих сверстников; проститутка, знающая о наличии у нее ВИЧ-инфекции и заражающая других людей? Думаю, что ответ однозначный — нет!

Таким образом, общество теряет большие группы молодых людей (как было отмечено выше, в стране миллионы наркоманов, беспризорников, несовершеннолетних преступников и представителей других асоциальных групп), кто в силу разных тяжелых обстоятельств оказался вовлеченным в такие жизненные условия. И если общество и государство не сделают все возможное и невозможное для их реабилитации, страна будет терять тысячи своих потенциальных патриотов ежегодно.

Для профилактики асоциального поведения подростков и их патриотического воспитания разработано множество программ на федеральном [5] и региональных уровнях [3], подготовлены научные статьи и пособия [1–2; 4], созданы многочисленные подростковые центры, имеются квалифицированные специалисты, однако для реального изменения ситуации этого оказывается мало. Для решения этой проблемы необходима консолидация политической воли государства и всего общества в целом.

Литература

[1] *Нигматуллина Т.А.* Механизмы формирования современной российской молодежной политики: региональный аспект. — М.: NOTA BENE, 2013. — 258 с.

[2] *Нигматуллина Т.А.* Общественно-политическая активность молодежи региона // Регионология. — 2013. — № 3. — С. 82–88.

[3] План мероприятий по патриотическому воспитанию граждан в Республике Башкортостан на 2012–2015 годы, утвержденный Постановлением Правительства Республики Башкортостан от 14.06.2012 г. [Электронный ресурс]. — URL: // http://www.pravitelstvorb.ru

[4] *Поддубный Е.Н.* Патриотическое воспитание школьников в изменяющейся России: автореф. дис. ... канд. пед. наук. — Ставрополь, 2004.

[5] Постановление Правительства Российской Федерации от 05.10.2010 № 795 «О государственной программе „Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2011–2015 годы”» [Электронный ресурс]. — URL: http://www.government.ru

УДК 327(470)

ЛАНДА Камиль Газимагомедович,
доктор политических наук, профессор,
кафедры национальных и федеративных отношений
Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (г. Москва)
e-mail: kamzes@hotmail.com

РОЛЬ ДАГЕСТАНА В ОБЕСПЕЧЕНИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ В КАСПИЙСКОМ РЕГИОНЕ

В статье рассматривается геостратегическое значение Республики Дагестан — как политическое, так и экономическое — для обеспечения национальной безопасности России. Автор приводит примерную схему мониторинга общественно-политической и социально-экономической ситуации, позволяющую прогнозировать потенциальные противоречия и выстраивать политику предупреждения противоречий.

Ключевые слова: *геополитика, стратегия безопасности, Дагестан, межнациональное общение, национальная безопасность, политика предупреждения нестабильности, баланс интересов.*

В современных условиях геополитическое положение Дагестана с точки зрения стратегии безопасности России на ее южных рубежах приобретает новое измерение. Стратегическая значимость Дагестана для России определяется, прежде всего, его геополитическим положением на стыке нескольких государств, с которыми Россия в силу целого ряда исторических факторов имеет самые тесные связи. Немаловажным историческим фактом является то, что Дагестан всегда играл ключевую роль на Кавказе.

Для привлечения наибольшего внимания в обеспечении национальной безопасности России в Дагестане необходимо учитывать ее геополитическое положение и весь спектр возможностей и направлений Республики. При реализации его транспортных коммуникаций появляются огромные возможности развития экономики, межгосударственного общения и сотрудничества в регионе для Российского государства. Существенно изменилась роль Махачкалинского морского порта, в особенности после его расширения и реконструкции в соответствии с новыми требованиями. Он расположен на пересечении морских путей в Астрахань, Актау, Шевченко (Красноводск), Баку, Пехлеви. В состав порта входят такие подразделения, как нефтеналивной и грузовой терминалы, база технического обслуживания порта [7]. Почти по всей территории Дагестана с севера на юг проходит железнодорожная магистраль (правда, пассажиропоток значительно уменьшился после начала контртеррористической операции в Чечне), имеются планы создания совместного предприятия для Кавказской железной дороги. Помимо этого комплекса проектов, осуществляется и ряд других проектов, призванных разрешить различные проблемы транспортных коммуникаций. Параллельно с железной дорогой проходит автомагистраль, связывающая Москву и основные районы России, а также Украину с Баку и дальше с Тегераном. На самой южной оконечности Дагестана через пограничную реку Самур обе магистрали проходят по крупным железнодорожному и автодорожному мостам — единственным связующим звеньям между Россией и Азербайджаном и Ираном по суше [1]. В свое время, с учетом ситуации в Чечне, построенная железнодорожная ветка (обход Чечни) на Кизляр, а также проложенная автомобильная дорога на Элисту с выходом на Астрахань и Волгоград стали полноправно функционировать. Подобные же изменения произошли в положении Республики Северная

Осетия, Краснодарского края, Астраханской области и др.

В создавшейся ситуации различным регионам юга России, в том числе и Дагестану, суждено играть возрастающую роль в налаживании партнерских торговых связей с зарубежными, особенно соседними, странами. В регионе накоплен многовековой опыт межнационального общения. Особенно велики значение и роль республик в налаживании взаимовыгодных экономических, культурных, языковых и иных связей со странами и народами Закавказья. Это становится очевидным при рассмотрении многосторонних традиционных связей народов двух регионов — от сугубо родственных до диаспор, национальных меньшинств, разделенных государственными границами народов (этой проблемы мы еще коснемся ниже).

Достаточно часто говорят, что Закавказье составляет часть южного «подбрюшья» России. Регион в целом является источником разного рода угроз для национальной безопасности России, которые проявляются, например, в агрессивном национализме, религиозном фундаментализме, контрабанде оружия и т. д.

Геостратегическое значение Дагестана состоит и в экономической роли, которую он может играть в развитии взаимовыгодных экономических отношений Российской Федерации с Закавказскими государствами и странами Среднего и Ближнего Востока.

Исключительную роль Дагестан может сыграть и в решении проблем России по использованию природных ресурсов Каспийского моря (Дагестан имеет более 400 км прибрежной зоны). Каспийское море дает до 80% черной икры на мировой рынок и 90% осетрины. В акватории Каспийского бассейна расположены огромные запасы нефти и газа, по некоторым оценкам со временем они могут стать главными в мире. За влияние в этом регионе уже ведется борьба между транснациональными монополистическими компаниями [3, 97–103; 5, 46–54; 6].

Основой национального самосознания дагестанцев является историческое понимание своей общности, а также нахождение в составе России как в едином Отечестве. Они получили право самостоятельного разграничения полномочий с федеральными органами власти и осуществления государственной власти и управления на территории республики в соответствии с Конституциями Российской Федерации и Республики Дагестан. Дагестан объединен единством целей и задач по сохранению, самобытному развитию и сотрудничеству всех населяющих его народов, укреплению своей государственности, сплочению усилий всех народов Дагестана по эффективному экономическому и культурному строительству благополучной жизни. Дальнейшее упрочение созидательных и добрососедских межнациональных отношений в Республике Дагестан во многом зависит от самочувствия каждого народа, дагестанца любой национальности в своей республике и России. Историческая роль в этом процессе принадлежит русской нации, преобладающей в Российской Федерации в целом[1]. Именно своевременное разрешение проблем обустройства и благополучия русских в Российской Федерации, учет и удовлетворение их специфических интересов в Республике Дагестан во многом будут влиять на характер и климат межнациональных отношений в Республике Дагестан.

Важным направлением снятия напряженности в этих регионах, недопущение ее перерастания в конфликт является политика предупреждения нестабильности. Прогнозирование потенциальных противоречий можно осуществить на основе постоянного мониторинга общественно-политической и социально-экономической ситуации. Примерная схема такого мониторинга должна включать в себя отслеживание ситуации по следующей схеме[2]:

1. Изучение и постоянный контроль над процессами, протекающими в межнациональных отношениях, в особенности вопросов, ка-

---

[1] Именно от благополучия русского народа как государствообразующей нации, увеличения его численности, укрепления национального духа всецело зависит сохранение целостности России и благополучие всех остальных народов Российской Федерации.

[2] Естественно, полная схема мониторинга должна быть более подробной. На основе мониторинга можно составить карту нестабильности с указанием реальных и потенциальных очагов противоречий.

сающихся распределения властных полномочий в районах компактного проживания разных национальностей. Это касается и русскоязычной части населения, включая казачьи формирования и некоренные национальности республики.

2. Отслеживание процессов, происходящих внутри исламских течений: тарикатов, вирдов, групп и других течений, в особенности на ту часть мусульман, которые поддаются радикальному сегменту ислама.

3. Изучение влияния нестабильных пограничных областей и государств региона на конкретные группы населения и республики в целом.

4. Мониторинг социально-экономической ситуации в республике (состояние хозяйства, проблемы собственности, безработицы, бедности).

5. Выявление методов и механизмов распространения коррупции, затрагивающей всех, начиная от уборщицы сельской школы до министра образования, от простого клерка государственной службы до высших руководителей республики.

Целью мониторинга является прогнозирование возникновения противоречий и проблем развития республики, грозящих перерастанием в кризисы и конфликты. Так, возможно возникновение межэтнических противоречий между национальными группами по территориальным спорам и притязаниям. Например:

– требование кумыкского национального движения «Тенглик» о депортации в основном аварской части населения, проживающей на низменных районах Дагестана, обратно в горы[1]. Эти требования в начале 90-х гг. в пригороде Хасавюрта привели к противостоянию аварцев (на стороне которых в большинстве выступили лакцы) и кумыков (которых поддерживала часть чеченцев), чуть было не вылившемуся в братоубийственный конфликт;

– «проблема лезгинской автономии», поднимаемая лезгинскими национальными движениями в зависимости от политической конъюнктуры и подогреваемая армянскими политическими кругами в зависимости от ситуации в Нагорном Карабахе. Оно требует воссоединения российских лезгин, проживающих в Дагестане, и азербайджанских лезгин, проживающих на территории Азербайджана, и создания Лезгинской автономии. Данное требование приводит к эскалации напряженности в самой республике;

– многолетнее саботирование процесса заключения, отсутствие межгосударственного договора между Россией и Азербайджаном о предоставлении учебной литературы, необходимое для изучения национальных языков представителями дагестанских национальностей в Азербайджанской Республике (аварцы, лезгины, цахуры и др.), плавно переходит в этноцид этих народов. С каждым годом в школах, где компактно проживают граждане Азербайджана дагестанских национальностей, уменьшается количество часов преподавания национальных языков в школе. Закрывают теле- и радиопрограммы на национальных языках, культурные и досуговые программы;

– нерешенные проблемы в Новолакском районе на границе с Чечней, где дагестанские чеченцы требуют восстановить Ауховский район, который был ликвидирован в 1944 году после депортации чеченцев, изъяв более 30% земель (в т. ч. пахотных) соседнего Казбековского района. Эти требования приводят к дестабилизации отношений с соседней Чечней и столкновению аварцев вместе с лакцами с дагестанскими чеченцами, которых поддерживают временами из соседней Чечни и разогревают разные деструктивные силы.

К существующим межконфессиональным противоречиям начинает присоединяться еще одна. Среди некоторой части мусульман-суннитов отчетливо проявляется нетерпимость к му-

---

[1] Требования были предъявлены сразу после распада СССР, но на сегодняшний день они потеряли свою актуальность, так как аварцы и другие проживающие в низменности горские народы республики предъявили встречные требования «Тенглику», в первую очередь, многомиллиардные компенсации за строительство городов, поселков и сел, которые останутся им после возвращения территорий, освоения земель и непроходимых болот. И, наконец, из государственных архивов были подняты документы, удостоверяющие, что эти земли (северная часть от Махачкалы до Хасавюрта) были куплены аварскими ханами у Шамхала Тарковского.

сульманам-шиитам, у одних — из-за усиливающегося влияния азербайджанцев в регионе, тогда как другие поддерживают позиции тех мусульман Ближнего Востока, которые имеют проамериканские взгляды на Иран. В конечном итоге, эти проблемы могут стать угрозой национальной безопасности России в регионе.

Уже по результатам первого анализа можно предложить:

– необходимо усиление и укрепление межконфессиональных отношений в целях недопущения их перерастания в проблемы острого характера;

– ограничение влияния на Дагестан соседних нестабильных республик и государств региона через постоянный мониторинг с привлечением соответствующих структур государства с целью прекращения дестабилизации в регионе и защититы народов Прикаспийского бассейна России;

– придание кадровой политике в республике завершенного смысла, в последующем — прием на государственную службу профессиональных кадровых менеджеров-управленцев, способных вывести республику из экономического и общественно-политического кризиса, сделать республику не дотационной, а самоокупаемой и в будущем — донором, используя ее природные богатства. Коррупция, представленная в форме продаж должностей и земель в республике, проникла на все уровни государственной власти. Как следствие, в республике возникают стихийные митинги, выражающие недовольство населения межнациональными и межрелигиозными отношениями, некомпетентными руководителями, которые пришли к власти незаконными методами, не имея достаточного опыта, навыков и необходимых управленческих знаний для руководства;

– выявление состава членов террористических групп, выяснение причин и отслеживание механизмов исполнения террористических актов по отношению к сотрудникам МВД, МО, ФСБ с привлечением местных органов власти, Духовного управления мусульман Дагестана (ДУМД), широкого круга общественности, бывших представителей «ваххабитских» течений, лояльных к России, и специальных структур (МВД, ФСБ) для обеспечения стабильности в республике и в целом в регионе, для решения задач по реализации национально-государственных интересов на южных рубежах России;

– руководству республики необходимо перекрыть те телепередачи, идущие по центральному телевидению, которые пропагандируют разврат, насилие и ложные ценности в общественном сознании. Заполняемость эфира подобными передачами вызывает наиболее отрицательные эмоции и раздражает население республики. (В свое время депутат Государственной думы Станислав Говорухин говорил о недопустимости трансляции таких передач на мусульманские субъекты России: Татарстан, Башкирию, Северо-Кавказские Республики);

– к переговорным процессам и другим формам взаимодействия в регионе крайне важно привлечь лидеров субъектов российского Каспия. И решения должны быть приняты с учетом интересов населения, проживающего в данном регионе, а не в интересах российских (тем более зарубежных) ТНК[1] [4];

– для стабилизации ситуации в Дагестане и на Кавказе в целом необходимо использовать (и восстановить там, где он утрачен) прошедшее испытание временем и сохранившееся по сей день уважение к старшим. В связи с этим, для решения острых противоречий, возникших в обществе, было бы целесообразно законодательно утвердить в республике Совет Старейшин в форме верхней палаты НС или консультативного органа при Президенте Республики Дагестан. Его можно формировать на основе выдвижения кандидатов от самоуправляющихся общин и утверждать Президентом или Народным Собранием. Решение Совета Старейшин являлось бы авторитетным, окончательным и подлежащим исполнению всеми ветвями власти и гражданами республики.

К сожалению, мы пока что вынуждены констатировать, что в Республике Дагестан стратегия государственного развития республики находится еще в стадии становления и поис-

[1] Автор в своей монографии приводил примеры учета интересов российских национальных компаний в ущерб местного населения и заповедных зон, в т. ч. при разделе Самурского водозабора на границе Дагестана с Азербайджаном. (См.: Ланда К.Г. Дагестан и геостратегия России на Каспии. — Махачкала: Наука-Дагестан, 2012).

ка ориентиров. Это в полной мере можно отнести и к геостратегии России в Каспийском регионе, которая на современном этапе подменяется отдельными решениями по тем или иным проблемам либо «пожарными» мероприятиями в условиях возникновения кризисной ситуации.

Что касается российско-американского и российско-европейского диалога по Кавказу, который приобрел регулярный характер, требуется высокая степень откровенности, любые действия должны быть транспарентны и предсказуемы. Россия открыта к взаимодействию с Евросоюзом, всеми государствами и международными организациями, которые хотели бы способствовать решению острых проблем Кавказа и развитию там сотрудничества, в первую очередь, экономического. Такова официальная позиция нашего МИДа, неоднократно им «озвученная» [2].

Делая вывод, становится очевидным, что для сохранения за Россией уникальных геополитических и экономических возможностей Каспийского региона, необходимо выработать геостратегию Российской Федерации, основанную на важнейшем базовом принципе, суть которого состоит в укреплении геополитического положения России в Центральной Азии, на Кавказе. В Каспийском регионе немыслимо проводить стратегию национальной безопасности России без укрепления политического единства и улучшения социально-экономической ситуации в приграничных с регионом субъектах Федерации. И в этом плане Республика Дагестан выступает в роли ключевого звена российской геополитики на Каспии. Добиваясь политической и экономической стабильности Дагестана, Россия добьется укрепления общероссийских позиций в Каспийском регионе, поскольку российский Дагестан является не только транзитной или приграничной территорией, но и, что самое важное, обширным полигоном, обеспечивающим формирование единого политического, экономического, культурного, информационного и др. пространств на территории государств Каспийского региона. Эта роль обусловлена высоким экономическим и социальным потенциалом Дагестана, его уникальным геополитическим положением, наличием устойчивых национально-этнических, конфессиональных и культурных связей со странами региона, колоссальным опытом в решении основных, типичных для региона, проблем социально-экономического и культурного развития и межнационального общения.

Таким образом, можно констатировать, что в современных условиях Республика Дагестан как самый южный российский субъект, непосредственно граничащий с некоторыми из участников международных и региональных центров силы, имеет значительный потенциал в определении и защите геополитических и геостратегических интересов России в Каспийском регионе. В ходе его реализации Дагестан в своих связях с внешним миром, во многом обусловленных приоритетами географического положения, придерживается основ единой внешнеполитической линии России на кавказско-каспийском направлении, ориентированной на учет и баланс интересов всех государств региона.

Литература

[1] *Гаджиев Г.Н.* Дагестан в XXI веке: приоритеты государственной экономической политики. — Махачкала, 1998.

[2] *Гушер А.* Геополитическая ситуация в Закавказье // Азия и Африка сегодня. — М., 2004. № 10.

[3] *Колчин С.* Нефть и газ Каспия: стратегические интересы России // Мировая экономика и международные отношения. — 1998. — № 3.

[4] *Ланда К.Г.* Дагестан и геостратегия России на Каспии. — Махачкала: Наука-Дагестан, 2012.

[5] *Мальгин А.* Каспийская нефть и безопасность России // Власть. — 1999. — № 3.

[6] *Фоменко О.В.* Каспий и «нефтяная дипломатия». — М., 2001. — 104 с.

[7] *Юсупова Г.И.* Дагестан в новом геополитическом пространстве: конструктивный потенциал и конфликтогенные факторы. — Махачкала, 2007.

УДК 32:34(470)

НИГМАТУЛЛИНА Танзиля Алтафовна
доктор политических наук, доцент, директор
Башкирского института социальных технологий (филиала)
ОУП ВО «Академия труда и социальных отношений» (г. Уфа)
e-mail: vova-velc@yandex.ru

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ МЕДИАЦИЯ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ

Проблемы молодежной конфликтности всегда вызывали повышенный интерес у научно-экспертного сообщества. На различных этапах развития государства и общества, используя разнообразные методологические подходы, исследователи занимались изучением процессов молодежной социализации в различных сферах жизнедеятельности (политики, бизнесе, культурной самореализации и т. д.). Нередко эти процессы сопровождаются возникновением конфронтаций и конфликтных ситуаций. Выступая одним из активных субъектов общественного процесса, молодое поколение трансформируется под реалии социально-политического пространства, взаимодействуют между собой, формулируя общие и индивидуальные интересы.

Ключевые слова: *политическая медиация, молодежь, молодежная политика, социально-политические технологии, конфликт, консенсус, воспитание, единство.*

В последние годы Российская Федерация все активнее включается в общемировые процессы. Однако следует отметить, что, наряду с положительными моментами — взаимодействием в сфере науки, образования и т. д., этот процесс имеет и достаточно ощутимое негативное значение. При этом радикальные изменения, происходящие в российском обществе, затрагивают в большей степени молодежь: исчезновение идеологизированного патерналистского государства, с одной стороны, освобождает молодых людей от страха перед политическим давлением, наказанием за инакомыслие, а с другой — усиливает социальное неравенство, требует от них большей самостоятельности и активности. Усугубляет ситуацию и то, что молодые люди дольше остаются в материальной и финансовой зависимости от родителей или попадают в зависимость от государства и кредитных институтов. В результате происходит трансформация системы всего общества и его наиболее динамичной части — молодежи [7, 11].

Активному включению молодого поколения в общественную жизнь способствует государственная молодежная политика, «предполагающая активное участие молодежи в жизни общества, создающая условия для предоставления молодежи прав и возможностей в самостоятельном решении ее собственных проблем, возлагающая на молодых людей и их объединения реальную ответственность, вовлекающая молодежь в созидательные процессы, в активную общеполезную деятельность» [4, 14–18]. Однако для активного и достойного включения молодежи в жизнь общества должны быть созданы, в первую очередь, определенные условия.

Е.Л. Левашова пишет, что отсутствие эффективной политики приводит к появлению конфликтов в молодежной среде. Большой интерес в этом отношении представляют суждения молодежи о том, что нужно в наше время для достижения успеха и от чего зависит достижение ими своих жизненных целей. Имеются веские основания утверждать, что саморефлексия современной молодежи носит в большинстве случаев изначально конфликтный характер [8].

В гуманитарной литературе, как правило, выделяют три основные функции конфликтности молодежных сообществ. Первая функция — это отрицание, то есть оппозиция гос-

подствующей системе. Вторая — оппонирование. Третья функция заключается в игнорировании чужих интересов.

Кроме этих причин и признаков более общего характера, заметную роль могут также играть мнимое или реальное ущемление в политических и социально-экономических правах; нестабильность в экономической сфере; проблема трудоустройства по профессии; пассивность профсоюзных организаций; слабость государственной социальной политики; отсутствие механизмов вертикальной мобильности; высокий уровень коррумпированности власти; стабильно высокое число граждан с низким уровнем жизни; внедрение ценностей западной политической культуры в сознание российских граждан; неразвитость структур гражданского общества; усиление авторитарных тенденций в государственном управлении; затянувшееся формирование общенациональной идеи.

К причинам возникновения конфликтности относят: вызов обществу, протест; вызов семье, непонимание в семье; нежелание быть как все; желание утвердиться в новой среде; стремление привлечь к себе внимание; неразвитость сферы организации досуга для молодежи в стране; копирование западных структур, течений, культуры; религиозные или идейные убеждения; дань моде; отсутствие цели в жизни; влияние криминальных структур, хулиганство; возрастные увлечения.

Социально-политическая медиация в молодежной среде — это особая технология согласования молодежных интересов в государстве, которая позволяет социализироваться молодому человеку с сохранением его целеполагания. Она представляет собой форму альтернативного экспертно-политологического разрешения споров, урегулирования конфликтов, добровольно избираемая конфликтующими молодежными сообществами, исходя из солидарного стремления к достижению соглашения, и социально-политической объективности и целесообразности, назначаемая уполномоченным органом и характеризующаяся следующими признаками: наличие третьей стороны (беспристрастного и нейтрального медиатора), выбранной по взаимному согласию тяжущимися сторонами или определенной для них компетентным органом и не управомоченной принимать собственные решения за тяжущиеся стороны, но призванной оказать профессиональное комплексное (разностороннее) содействие справедливому разрешению/урегулированию конфликта/спора и приходу прибегших к медиации тяжущихся сторон к стабильному и конструктивному диалогу и, в результате этого, к компромиссному, устойчивому и взаимно устраивающему стороны согласию для достижения целей предотвращения или редуцирования/купирования конфликта и его детерминантов.

При этом не следует путать понятия «разрешение конфликта» и «урегулирование конфликта». «Разрешение конфликта» — это результат, который достигается путем применения правовых норм и вынесения обязательного для сторон решения, основанного на законодательстве и других возможных источниках права. И в случае «разрешения конфликта» спор сторон сохраняется, так как возможны ситуации, когда его разрешение устроит только одно молодежное сообщество — одержавшую победу, либо не устроит обе стороны, поскольку принимаемое правоприменительным органом решение носит властный характер. В отличие от «разрешения конфликта» способы «урегулирования конфликта» основаны на достижении компромисса путем ведения конструктивного переговорного процесса самими сторонами либо при содействии независимого специалиста — медиатора. При «урегулировании конфликта» решение принимается самими сторонами, они самостоятельно определяют свои будущие отношения. Тем самым можно утверждать, что существующий между сторонами конфликт прекращается полностью или в части, согласованной сторонами [3, 155–160].

Медиация является следствием и выражением ряда конституционных прав человека, в том числе права защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом (ч. 2 ст. 45 Конституции Российской Федерации), право на охрану достоинства личности (ч. 1 ст. 21 Конституции Российской Федерации), а также рядом конституционных императивов, прежде всего примата интересов личности (ст. 2, 17 и др. Конституции Российской Федерации), но также и других императивов (ч. 1 ст. 55, ст. 18, ч. 1 ст. 19 Конституции Российской Федерации) [5, 226–234].

По мнению Н.С. Баребиной, в современном мире проблема конструктивного урегулирования конфликтов настолько актуальна, что ее решение осмысливается как залог комфортного существования человека в обществе, а медиация как форма альтернативного разрешения споров выступает в качестве способа, с помощью которого конфликтующие стороны могут прийти к соглашению, осуществить взаимоприемлемое решение служебных, семейных, политических, культурных, экономических и другого рода проблем. Медиация — это социальный способ разрешения конфликтов, который широко применяется во многих странах мира и в настоящее время проходит процесс адаптации в России» [2].

При этом медиативные инструментарии также не лишены определенных недостатков. К наиболее существенным недостаткам медиации при ее применении для урегулирования конфликтов Д.Б. Елисеев относит следующие: 1) в медиации сложнее быть уверенным в профессионализме медиатора, чем судьи в судебном процессе, тем более что медиатор, должен выступать как специалист сразу в нескольких областях, что на практике выливается в неприемлемую поверхностность знаний в каждой из таковых; 2) более сильные стороны получают возможность навязывать свою точку зрения слабым, поскольку медиация (в силу своей неформальности) представляет меньше процессуальных гарантий, нежели судебное разбирательство или арбитраж; 3) неопределенность алгоритмизации процедуры медиации, вызванная тем, что государство (в частности, в России) относит эти вопросы к компетенции медиативных (в том числе саморегулируемых медиативных) организаций, как следствие — существенной разносортицей содержания и поэтапной структуры таких процедур; в результате лица, прибегающие к медиации, могут не иметь никакого представления о том, как она должна проводиться наиболее эффективно, и буквально вынуждаются принимать и полагаться на устанавливаемые организациями правила, внешнего (государственного) контроля в отношении которых должным образом или вообще не предусматривается, следствием чего может быть низкий уровень доверия тяжущихся сторон к деятельности медиативных организаций; 4) существенная неопределенность возможности привлечения медиаторов к ответственности за умышленный и неумышленный вред, причиненный вследствие осуществления ими своей деятельности, 5) механизм медиации, в центре внимания которой находятся споры и конфликты между частными тяжущимися сторонами [6, 32].

Сама доктрина политической медиации в урегулировании молодежных конфликтов и споров, по нашему мнению, базируется на следующих постулатах, характеризующих медиацию как политическую технологию [10]:

1. Политическая медиация — есть технология глобализирующегося мира. Политическая медиация становится продуктом и инструментом современного политического управления, опирающимся на посреднические структуры в урегулировании молодежных конфликтов.

2. Политическая медиация — это многоуровневая технология урегулирования молодежного конфликта, которая реализуется на локальном (местном), региональном и федеральном уровнях, в зависимости от сложившейся проблемы.

3. Политическая медиация — технология управленческой самоорганизации и самоуправления. Политическая медиация в идеале протекает в следующих фазах: конфликтная ситуация — диалог — согласие. В результате этих стадий стороны молодежного конфликта самостоятельно, исходя из своих интересов, ценностных предпочтений и наличных обстоятельств, осуществляют взаимные уступки и на этой основе устанавливают границы и условия совместного существования и регулируют взаимоотношения. Медиация является процедурой и обладает свойством повторяемости, типизации.

4. Политическая медиация — системообразующая технология. Соединяя в себе две функции — достижения согласия и первичного конструирования отношений равенства, медиация является одним из функциональных элементов социально-политического поля. Медиация в рамках политического пространства является технологией достижения соглашения, получающего институциональное оформление и закрепление, действенность которого гарантируется не только доброй волей и согласием участников переговоров, но и нормативными

ресурсами общества и государства. Сочетание (комплементарность) медиации и институциональных структур в рамках политического поля имеет два следствия:

– значительно расширяется область применения медиативных процедур и повышается прочность достигаемых соглашений, модифицируется система оснований в матрице медиации, которая приобретает двучастное строение. К базовым отношениям равенства добавляется дифференцированная совокупность ролей и ожиданий, структурированных с помощью правил и норм, то есть институционально. С учетом этой модификации первым актом процедуры медиации становится не просто обмен ценностями, он продолжается в виде обмена нормами. Под обменом нормами понимается способность участников переговоров к взаимным уступкам в виде тех или иных поправок к действующим правилам, к созданию новых институтов или к такому видоизменению существующих институтов, которое бы позволяло найти взаимоприемлемое решение, согласующееся с наличным институциональным порядком. Предметом медиативных процедур могут быть не только конфликты частных (индивидуальных) интересов, для которых отсутствуют формальные инструменты их разрешения, но и конфликты, которые вызываются недовольством сторон по поводу существующей нормативной базы регулирования отношений как порождающей «несправедливость», «неравенство», дающей «одностороннее преимущество» конкуренту. В этих оценках отчетливо выражается апелляция к высшим ценностям, без чего процедура медиации невозможна в принципе. Замещение обмена ценностями нормативно-ценностным обменом переводит процедуру медиации с уровня межличностных конфликтов на уровень регулирования элитарно-групповых отношений, то есть делает ее составной частью, функцией политики как таковой;

– медиация обретает нормативную (институциональную) составляющую и кардинально меняет свой статус — из процедуры, осуществляемой на микроуровне политической системы, на уровне протополитики, она превращается в процедуру макроуровня, становится атрибутом политики, ее функциональным элементом. Появление в составе медиации институциональной составляющей снимает прежнее различие, резкую границу между медиацией как неинституциональной практикой и институциональными структурами. Медиация получает значение критерия, указывающего на соответствие существующих норм и правил высшим, общепризнанным ценностям. Перемещение медиации на мезоуровень меняет и роль конструирования. Если ранее она была спорадически применяемой процедурой решения межличностных конфликтов, то в настоящее медиация переходит в разряд политической технологии разрешения институциональных конфликтов. Конструирование позволяет нейтрализовать негативные аспекты восприятия конфликта его сторонами, и тем самым способствует формированию социально-политического поля.

5. Политическая медиация — технология постепенности и синхронности. Постепенность позволяет сторонам подготовиться к началу непосредственного урегулирования элитарно-группового конфликта: выявить точки зрения, снизить напряженность в отношениях, сформировать взаимное доверие сторон друг к друг, проработать различные варианты решений и лишь затем приступить к согласованию окончательного решения. Принцип синхронности предполагает, что стороны должны находиться одновременно на одной фазе.

Существует много способов для завершения молодежного конфликта: устранение объекта конфликта; замена одного объекта другим; разделение объекта конфликта между сторонами; устранение одной из сторон конфликта; изменение позиций одной или обеих сторон; изменение характеристик объекта; получение новых сведений об объекте или наложение на него дополнительных условий; недопущение непосредственного или опосредованного взаимодействия участников (например, введение в зону соприкосновения конфликтующих сторон миротворческого контингента); приход участников конфликта к единому решению или обращение их к «арбитру» при условии подчинения любому его решению. В основном они направлены на изменение самой конфликтной ситуации путем либо воздействия на участников конфликта, либо изменения характеристики объекта конфликта и др.

Выделяют следующие формы медиативной деятельности [9]:

– «Третейский судья» — обладает максимальными возможностями для решения проблемы. Он изучает проблему всесторонне и его решение не обжалуется.

– «Арбитр» — то же самое, но стороны могут не согласиться с его решением и обратиться к другому.

– «Посредник» — нейтральная роль. Обладает специальными знаниями и обеспечивает конструктивное разрешение конфликта. Но окончательное решение принадлежит оппонентам.

– «Помощник» — организует встречу, но не участвует в обсуждении.

– «Наблюдатель» — своим присутствием в зоне конфликта смягчает его течение.

Первые два стиля выгодны, если отсутствуют реальные предпосылки к диалогу между противоборствующими сторонами. Если конфликт не слишком напряжен, предпочтительны последние три способа.

Также следует выделить меры воздействия медиаторов в условиях молодежного конфликта:

– волевое прекращение конфликта («третейский судья»);

– разведение конфликтующих сторон («третейский судья»);

– применение санкций и других экономических возможностей («арбитр»);

– определение «правого» и «неправого» поведения сторонников конфликта («арбитр»);

– оказание помощи в поиске решения проблемы («помощник»);

– содействие нормализации отношений («помощник»);

– оказание помощи в организации общения («посредник»);

– контроль за выполнением соглашения («арбитр», «посредник», «наблюдатель»);

– блокирование борьбы («третейский судья», «арбитр», «наблюдатель»).

Сам процесс политической медиации в урегулировании молодежной конфликтности включает три основных этапа:

– знакомство с проблемой (составление дорожной карты конфликтности и объекта пересечения молодежных интересов);

– работа с конфликтующими сторонами (встречи с каждой из сторон, подготовка совместных переговоров);

– ведение переговоров (функции медиатора сводятся к роли ведущего и т. п.)

Молодежный конфликт в своей динамике может проходить различные уровни (стадии) противостояния, как в сторону эскалации противоборства, так и в сторону снижения накала борьбы. При этом важно, чтобы выбранный вариант соответствовал сложившейся ситуации и отвечал интересам и целям субъектов взаимодействия. Необходимо также помнить, что взаимодействие предполагает долговременную систему отношений. Поэтому не надо стремиться к демонстративной победе. Тактический выигрыш может обернуться стратегическим проигрышем, а демонстративная победа может даже оппонента превратить в потенциального и реального врага.

Очевидно, что медиация имеет потенциал, выходящий за рамки правовых споров. Его еще только предстоит осмыслить и освоить. Тема применения переговорной технологии в молодежной сфере перспективна и оправдана. В первую очередь, — это создание региональных переговорных площадок для регулирования молодежных проблем и конфликтов. Эта тема в нашей стране требует хорошей проработки и осторожного эксперимента. Переговорщики-профессионалы могли бы помогать в согласительных комиссиях государственных структур.

При этом не стоит недооценивать роль политической медиации и в урегулировании молодежных конфликтов на местном уровне. Например, любой глава муниципалитета думает о том, какими ресурсами он обладает для его развития. Один из главных ресурсов — это активность его жителей и согласованная политика. Для этого необходимо понимать, какими инструментами необходимо обладать, на кого можно опереться и как донести свою идеологию до жителя. Есть традиционный формат — встреча главы, отчеты и т. д. Но когда власть встречается с жителями, существует определенный стереотип ее восприятия. Получается, что эту идеологию должен донести кто-то другой. Кто будет обсуждать программу социально-экономического развития поселений, кто обобщит мнение жителей, кто увидит их жела-

ние или нежелание двигаться в том или ином направлении? В каждом населенном пункте есть лидер общественного мнения. Это люди, которым доверяют жители, которые говорят народным языком. Речь идет о том посреднике, который может стать помощником муниципалитета.

В качестве успешного, на наш взгляд, примера реализации медиативных технологий в высшем учебном заведении рассмотрим опыт коллектива Башкирского института социальных технологий (филиала) ОУП ВО «Академия труда и социальных отношений» (г. Уфа). Возглавляет эту работу профессиональный медиатор, помогают ему руководитель Психологической службы института и студенты-волонтеры, изъявившие желание получить дополнительные знания и навыки в сфере примирительных технологий. Для оказания медиативных услуг оборудован специальный кабинет.

На сегодняшний день разработан алгоритм проведения медиативных процедур, а также комплекс документов, включающий:

– программу мероприятий, направленных на профилактику конфликтов в студенческой среде, в том числе латентных;

– технологии, которые были успешно апробированы при решении конфликтных ситуаций и могут быть тиражированы;

– справочник «Что необходимо делать в конфликтной ситуации, а от чего следует воздержаться?», в котором приводятся примеры из реальной жизни и варианты возможных решений предупреждения или выхода из конфликта.

Работа с конфликтной ситуацией разбита на три фазы. На предварительном этапе, предшествовавшем непосредственно встрече конфликтующих сторон с медиатором, собирается информация об участниках конфликта, сути конфликта, подбирается дата.

Вторая фаза — фаза медиации — представляет собой непосредственно встречу конфликтующих сторон и медиатора. В начале встречи обговариваются правила процедуры и ее ход, затем стороны переходят к обсуждению конфликта и поиску оптимальных путей решения.

Фаза сопровождения конфликта заключается в контроле медиатором выполнения достигнутых сторонами договоренностей и внесение при необходимости корректив.

Реализация медиативных программ позволила минимизировать число конфликтов в студенческой среде — и не только. Навыки бесконфликтного взаимодействия в группе, аудитории, вузе проецируются молодыми людьми на все сферы жизни и помогают студентам адаптироваться к реалиям современного общества наименее безболезненно.

Литература

[1] *Афанасьев М.* Правящие элиты и государственность посттоталитарной России. — М. — Воронеж, 1996. — С. 46.

[2] *Баребина Н.С.* Когнитивный механизм контраргументации в дискурсе медиации автореф. дис. … канд. филолог. наук. — Иркутск, 2012. — 21 с.

[3] *Бенова В.И.* Посредничество (медиация) как один из способов альтернативного разрешения споров // Бизнес, менеджмент и право. — 2013. — № 1(27). — С. 155–160.

[4] *Динес В., Третьяк В.* Государственная молодежная политика: современное состояние и перспективы // Власть. — 2005. — № 8. — С. 14–18.

[5] *Елисеев Д.Б.* Медиация как метод и технология урегулирования социально-правовых конфликтов // Ученые записки Орловского государственного университета. — 2011. — № 4. — С. 226–234.

[6] *Елисеев Д.Б.* Роль медиации в разрешении правовых конфликтов (теоретико-правовой анализ): автореф. дис… канд. юрид. наук. — М., 2013. — С. 32.

[7] *Левашова Е.Л.* Общественные движения как основа социально-политических явлений // Политика, право, образование: история и современность: сб. науч. трудов кафедры правоведения, государственного и муниципального управления ОмГПУ / под ред. О.В. Волоха, Т.А. Фроловой. — Вып. 3. — Омск: Полиграфический центр КАНН, 2011. — С. 11.

[8] *Левашова Е.Л.* Неформальные объединения как форма самоорганизации российской молодежи и фактор влияния на современную молодежную политику : дис. … канд. полит. наук. — Омск, 2012. — 189 с.

[9] URL: http://www.e-biblio.ru/book/bib/06_management/konflitologiaj/posob/docs/piece012.htm

[10] URL: http://www.sunhome.ru/philosophy/55061

УДК 1:316

РАХМАТУЛЛИНА Зугура Ягануровна,
доктор философских наук, профессор,
заместитель председателя комитета по культуре
Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации,
председатель Ассамблеи народов Республики Башкортостан
e-mail: faia7@yandex.ru

ДИАЛОГ КУЛЬТУР КАК ДУХОВНАЯ ОСНОВА НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ МНОГОНАЦИОНАЛЬНОГО РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

В статье рассматриваются актуальные проблемы целенаправленного формирования в общественном сознании смыслов и ценностей межкультурного и межрелигиозного диалога как одной из «духовных скреп», консолидирующих нацию в условиях современной геополитической ситуации. Гражданский мир и согласие, равновеликое общение и сотворчество народов, их религий и самобытных культурных миров в многонациональном, поликультурном и поликонфессиональном российском обществе — основа его надежного настоящего и уверенного будущего.

Ключевые слова: *диалог культур, межконфессиональный мир, мультикультурализм, молодежь, мобилизационный ресурс, этнофобия, единство, национальная безопасность.*

Исторически социокультурная биография многонационального, поликультурного, поликонфессионального Российского государства складывалась как объективация идеи диалога как принципа равновеликого общения во взаимоотношениях многочисленных этносов, вошедших в его состав, между этническими культурами, национальными языками, религиозными системами. Национальное единство возникало на полиэтнической основе в ходе совместной хозяйственной деятельности, государственно-политической регуляции и скреплялось единым государственным русским языком, ставшим в поликультурном пространстве языком межэтнического общения. В ходе противоречивой истории народы России вместе противостояли социальным испытаниям, преодолевали жизненные потрясения, политические и духовные катаклизмы, защищали единое Отечество от врагов, не сдаваясь трудностям и врагу, доказывая истинность тысячелетнего прогноза русского князя Александра Невского: «Кто с мечом к нам придет, тот от меча и погибнет». В этом году страна отпраздновала 70-летие Великой Победы, которую ценою жертв и лишений завоевал ее многонациональный народ: 27 млн человеческих жизней унесла самая страшная в национальной истории война. Русские, башкиры, татары, украинцы, чуваши и др. вместе творили судьбу многонационального государства, создавали уникальное и многомерное по духу, ценностному содержанию и смыслам поликультурное пространство, основанное на терпимости, уважении друг к другу и взаимопонимании. В этом особом культурном мире постепенно сложился самобытный духовно-нравственный космос многонациональной страны, сформировался не пресловутый «плавильный котел», не искусственный, а подлинный естественно-исторический мультикультурализм, в котором каждый народ занял свою нишу и ценности коллективизма, общинности, братства, свободолюбия, терпимости и веротерпимости стали духовной основой совместной жизни людей разной веры и языка. Сегодня Российская Федерация является одним из крупнейших полиэтнических государств мира, на территории

которого проживают представители 193 национальностей с самобытными культурами (по данным Всероссийской переписи населения 2010 года), общающиеся на 277 языках и диалектах, исповедующие все мировые и многие национальные религии. В частности, в отечественной системе образования сегодня используются 89 языков, из них на 30 организовано обучение, а 59 изучаются как предмет, и эта культурно-образовательная парадигма как одна из ипостасей практической реализации идеи диалога культур в Российском государстве является уникальной социальной ценностью, не имеющей аналогов ни в одном государстве мира. Несмотря на то, что новейшая история страны стала ареной многочисленных катаклизмов и испытаний во всех сферах общественно-национальной жизни (разрушение социалистического строя и тотальная цивилизационная революция, процессы демократизации и резкая смена ценностных ориентаций, западнизация российской культуры, кризис национальной духовности и нравственности, активизация «этнического парадокса современности» — рост этнического самосознания и др.), значимость духовных смыслов идеи диалога культур и языков как консолидирующего фактора сохранялась и охранялась и на государственном уровне, и в массовом сознании. Безусловно, ориентация в постсоветское время на стандарты преимущественно западного (американского) образа жизни как идеальных моделей для организации жизнедеятельности, умноженная на эйфорию от демократизации и либерализации в духе европоцентризма в общегосударственном масштабе, во многом разрушила традиционные ценностные основания российского общества. Выросло целое поколение «иванов, не помнящих родства» и манкуртов без исторической памяти, без собственной социокультурной традиции, племя прагматиков и индивидуалистов, вскормленное ценностями массовой культуры и американскими боевиками и фильмами, утверждающими культ силы, успеха и беззаботной жизни [1]. Молодежи, будущему мобилизационному ресурсу страны, целенаправленно навязывались антипатриотические «ложные идолы» безграничной свободы и успешного западного образа жизни как «предела мечтаний», почему-то забывая о том, что научно-технический и экономический расцвет нынешней «фаустовской культуры» и западной цивилизации вырос из ее многовекового жесткого монолога и методичной и жестокой эксплуатации самых плодородных земель и богатых недр своих колоний. В течение 300 лет на одного европейца «бесплатно» работали четыре индуса, африканца и малайца. Было очевидно и то, что культурная глобализация, несущая с собой основанную на потребительских ценностях усредненную интернациональную культуру, угрожает не только самобытным культурным традициям и родным языкам народов России, но и отечественной культуре в целом, актуализируя вечный «гамлетовский» вопрос: быть или не быть? Станет ли Российская Федерация носителем собственных национальных культурных смыслов или отечественная культура «растворится» в просторах мировой цивилизации? Более того, ориентируясь на пропагандируемые западным миром принципы унификации культур, не «поднимет ли руку» на культурную персональность и самобытность собственных народов, пытаясь искусственно сотворить некую безликую и гомогенную социальную и культурную субстанцию? Культурный мир современной молодежи в своем подавляющем большинстве (за исключением подвижников-патриотов, духовных личностей, носителей архетипов отечественной и родной этнической культуры), выросшей на ценностных парадигмах глобализации, отчужденной от смыслов отечественной духовности, не знающей собственной истории, родного языка, — наглядное тому свидетельство. Многие духовные и социальные проблемы современной отечественной культуры, угрожающие национальной безопасности государства, в частности, рост молодежной этнофобии и асоциального поведения, религиозный экстремизм, культурная адаптация мигрантов и т. д. — результат также ослабления в последние годы духовных механизмов диалога этнических культур и религий в российском обществе. Особую озабоченность сегодня вызывают распространение, особенно в молодежной среде, религиозной нетерпимости, актов религиозного вандализма (например, резонансное дело Pussi Riot, многочисленные факты осквернения па-

мятников и культовых зданий и др.), увлечение молодыми людьми идеологией модных псевдорелигиозных сект, противоречащей базовым ценностям традиционных религий.

Возможно, для объективной оценки пройденного пути, анализа упущенных возможностей, осмысления плачевных результатов «европейничанья» и ограничения межцивилизационного диалога Запад-Восток только Западом и нужны были переворот на Украине и Крым, которые стали «лакмусовой бумажкой» в выявлении подлинного лица «европейских друзей» и истинных намерений западных и американских партнеров. Пришло время прозрения и осознания того, что Россия — это «не большая автозаправка», как выразился американский сенатор Джон Маккейн, а большая, богатая, сильная, многонациональная страна, великая цивилизация, имеющая право на собственное политическое мнение, отстаивание своих государственных интересов и выбор стратегических финансовых и экономических партнеров, действующих по принципу взаимовыгодного сотрудничества, право на собственную национальную политику, на культурную персональность. Сегодня все больше сторонников находит позиция, что страна и отечественная культура в нынешних геополитических условиях могут с уверенностью смотреть в будущее при условии опоры прежде всего на «собственные силы», на собственный культурный архетип и традиции в процессе «нового открытия» родных и творческого осмысления чужих культурных ценностей. Равновеликое внимание со стороны многонационального государства к каждой культуре, языку, традициям и обычаям своих народов, уважение ко всем традиционным вероисповеданиям страны становится требованием времени, имеющим огромный конструктивный потенциал для обеспечения национальной безопасности страны. Принятие в последние годы идеологически важных и судьбоносных государственных документов «Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года», «Основы государственной культурной политики», внесение в Госдуму нового законопроекта о культуре, создание Федерального агентства по делам национальностей направлены прежде всего на сохранение государственного единства и целостности России, сбережение и качественное развитие этнической самобытности, культур, религий и языков народов Российской Федерации, укрепление их духовной общности, сочетание общегосударственных интересов и интересов народов России, практическую реализацию в национальном бытии диалога народов, культур, языков и религий.

Терпимость, взаимопонимание, дружба, согласие и гражданский мир в поликультурном пространстве — это одна из «духовных скреп» (о которых так много говорят и которые так нужны сегодня современной России), консолидирующих нацию, укрепляющих силу и авторитет государства в мировом сообществе, обеспечивающих его устойчивое развитие, формирующих культурное пространство, где есть место патриотизму, гражданственности, ответственности, уважению друг к другу независимо от этнической, языковой, религиозной принадлежности, умению слышать и слушать другого.

Сегодня страна особенно нуждается в диалоге культур: стало много желающих и извне, и изнутри разрушить межнациональный мир и гражданское согласие, более того, направить существующие и умножающиеся в условиях западных санкций социально-экономические трудности в этническое русло. Основы этого диалога — многовековая совместная история и традиции диалогизма, современные геополитические угрозы и внутренние вызовы, справедливая государственная власть и сильная экономика, многонациональная отечественная культура и ее гуманистические ценности. Диалог — это не только философская абстракция, а прежде всего практика конкретных дел, культивирование и на уровне власти, и на уровне личности гармоничных межнациональных и межконфессиональных отношений в реальной жизни. Говоря словами известного отечественного философа Моисея Кагана, мы «приговорены к диалогу». Либо конструктивный, результативный, практический диалог не только между этносами и культурами, но и между властью и многонациональным народом, государством и традиционными религиями, между самими конфессиями — как духовная основа национальной

безопасности, уверенного настоящего и надежного будущего, либо его отсутствие и в результате — небытие как самостоятельного государства, как единой и неделимой российской нации, как уникальной многонациональной культуры. Диалог не только возможен (за плечами Российского государства века и традиции совместного проживания народов в мире и согласии), он просто необходим, как воздух: его сегодня нужно и должно целенаправленно культивировать и на государственном, и на личностном уровне, используя все потенциальные механизмы: семью, систему образования, общественные, национально-культурные, религиозные и молодежные организации, СМИ, искусство и т. д.

Литература

[1] *Рахматуллина З.Я., Фаткуллина З.Я.* Человеческий мир: этическое измерение. — Уфа: РИЦ БашГУ, 2009. — 156 с.

УДК 327(470)

СУЛЕЙМАНОВА Шукран Саидовна,
доктор политических наук, профессор кафедры общественных связей и медиаполитики Института государственной службы и управления персоналом Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
e-mail: sher2016@yandex.ru

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Автор отмечает, что существенное влияние на государственное устройство и внутриполитический климат России оказывает ее многонациональный состав. Межнациональное согласие выступает как важнейшее условие безопасности и развития страны на современном этапе. Этнополитическая безопасность является одним из самых актуальных и жизненно важных направлений и внутренней безопасности Российской Федерации. При этом, этнополитическая безопасность, как составная часть национальной безопасности в социально-политической сфере, определяет развитие конструктивных межнациональных и федеративных отношений России.

Ключевые слова: *этнополитическая безопасность, межнациональное согласие, государственное устройство, потенциальные угрозы, целостность, общенациональные цели.*

Современное состояние этнополитической безопасности Российской Федерации характеризуется сложностью и противоречивостью межнациональных отношений, ростом национализма и высоким уровнем ксенофобии. Ксенофобия проявляется в отношении этнических и религиозных групп, в основном представителей кавказских национальностей исповедующих Ислам.

Ксенофобские настроения в стране имеют тенденцию роста во всех социальных группах и одной из важных причин развития ксенофобии, можно назвать то, что и обыватели, и СМИ, и власти переводят обсуждение многих важных социальных и политических проблем в плоскость проблем этнических.

Известно, что периоды социальной трансформации общества являются этапами обострения и расширения конфликтности. Не могут не сопровождаться возникновением конфликтных ситуаций распад одних общественно-политических институтов, создание новых, периоды временного сосуществования их взаимоисключающих форм. Более того, рыночная экономика предполагает существование многообразных структур, социальных и индивидуальных различий, которые требуют взаимного согласования и соотношения между собой [8, 162].

Основной проблемой межнациональных отношений можно считать возросший уровень конфликтности и отчуждения в отношениях между коренными этносами, исторически проживающими на территории России. Особая острота наблюдается во взаимоотношениях между населением крупных городов России и представителями кавказских национальностей. Следствием такому положению дел в этнополитической сфере являются дезинтеграция населения, разрыв экономических, социальных и культурных взаимосвязей Российского общества, социально-политическая нестабильность.

«Проблемы встают тогда, когда между различными истолкованиями себя (идентичностями) не возникает никакого пересечения, нет согласия» [6, 25].

Следует отметить, что наиболее распространенными типами межэтнических кон-

фликтов являются: государственно-правовой, этнотерриториальный, этнодемографический, этнорелигиозный, этнобытовой. В современной России конфликты, возникающие на этнобытовой почве, переходят в этнополитическую плоскость, что в свою очередь приводит к открытому межнациональному противостоянию.

Анализируя современное состояние этнополитической безопасности, складывается убеждение, что Россия сформировалось как государство, которое представляет собой пространство параллельно мозаично и отчужденно существующих культур и этносов. Такое положение дел в этнополитической сфере можно рассматривать уже как реальную угрозу единству, целостности и социально-политической стабильности Российской Федерации, как основной внутренний вызов национальной безопасности России.

Одним из ключевых факторов напряженности межэтнических отношений и роста уровня ксенофобий в обществе остаются СМИ и публичные выступления отдельных политиков. В СМИ, бытовые конфликты, по тем или иным причинам возникающие между представителями разных национальностей раскручиваются до уровня межэтнических и даже этнополитических конфликтов, что создает условия для межэтнической ненависти. И СМИ, и политики, переводя обсуждение многих важных социально-политических и социально-экономических проблем в плоскость проблем этнических, активно формируют угрозы этнополитической безопасности.

По мнению В.И. Мукомеля, «в нагнетании страстей заинтересованы практически все профессиональные и социальные группы населения: чиновникам выгодна сложная ситуация, потому что возрастает их статус и финансирование, СМИ создают информационный повод, политики раскручивают свои персоны» [3].

Предвыборная активность политических партий, большинство из которых, так или иначе, пользуются националистическими настроениями, преследуют цель привлечь к себе националистически настроенную часть электората.

Отметим и то, что огромное воздействие на состояние этнополитической безопасности оказывают миграционные процессы. Представителей народов Средней Азии и Закавказья можно встретить в регионах всех восьми федеральных округов. Проблема миграции (и внешней, и внутренней) постепенно становится все более острой. Нельзя не отметить, что наиболее острой проблемой межэтнических отношений становится внутренняя миграция.

Миграция является одной из важных проблем народонаселения и рассматривается не только как простое механическое передвижение людей, а как сложный общественный процесс, затрагивающий многие стороны социально-политической и социально-экономической жизни. Эффективная миграционная политика для Российской Федерации с ее огромной территорией, значительными природными богатствами, с ограниченными трудовыми ресурсами, большими территориальными различиями в социально-экономическом развитии является актуальнейшей задачей. Учитывая высокий уровень ксенофобии в России и специфику мигрантов, основные миграционные проблемы возникают в социальной адаптации мигрантов и их интеграции в общество. Культурные особенности местных жителей и мигрантов все чаще приводят к конфликтам.

Основываясь на вышеизложенном, можно сделать вывод, что современное состояние этнополитической безопасности находится в критическом положении, выход из которого требует принятия неотложных мер по стабилизации национальных отношений.

Как справедливо отмечает Г.В. Атаманчук, «очевидно, что, продолжая „старую" линию и инерционно следуя сложившейся традиции, новые проблемы в новых условиях не решить. Необходимы интеллектуальный прорыв и поиск нестандартных подходов» [2, 203].

Хочется добавить, что необходимо наладить системно организованное взаимодействие государственных и общественных институтов по социальной интеграции, регулированию национальных отношений и предотвращению этнополитических конфликтов. Достижение прочного межнационального мира представляет жизненно важный интерес к устойчивому поступательному развитию российского общества. Значимым способом поддержания межнационального мира выступает обеспечение

на практике справедливой и обоснованной социально-экономической политики, ориентированной на достижение достойного уровня жизни граждан, гарантированное соблюдение их прав и свобод.

Ведущая роль в миротворческом процессе в обществе должна принадлежать институтам государства, опирающимся на широкий спектр правовых и моральных норм, обеспечивающих стабилизацию общества как системы. Важное практическое значение поэтому приобретают функционирование Конституции и законов государства, исторически сложившиеся нравственные ценности общества, реализующие на деле идеи мира, гуманизма и демократии [7, 203].

Так как межэтнические отношения, которые имеют свою логику, привязаны не столько к территориям, сколько к людям разных национальностей, культур и религий, первое, что представляется необходимым сделать, — «государство как властная сила общества» должно создавать социальные условия для социальной интеграции, конструктивного межкультурного диалога, конструктивного межэтнического взаимодействия [3].

Таким образом, можно будет сократить ныне существующий межэтнический, межкультурный разрыв, а этнополитическую ситуацию в современной России перевести в русло плодотворного межэтнического сотрудничества. Только налаживание разумного диалога может стабилизировать этнополитическую ситуацию, а активное межэтническое взаимодействие будет способствовать развитию экономических, культурных и социальных взаимосвязей, повышению уровня доверия между этносами Российской Федерации.

Реальной силой, способной найти практическое решение выхода из кризиса, являются институты гражданского общества, такие как:

– этнические и межэтнические общественные объединения;

– правозащитные организации;

– общественные организации, важнейшим звеном здесь является Общественная палата Российской Федерации;

– религиозные организации;

– неправительственные организации и партнерства;

– СМИ и политические партии.

Гражданское общество в современном его понимании представляет собой необходимый и рациональный способ существования людей, основанный на разуме, свободе, праве и демократии. Общество, в котором существуют развитые экономические, культурные, правовые, политические отношения между составляющими его индивидами.

Гражданско-политическая активность — это, по сути, субъективно мотивированный процесс, в котором воплощаются различные виды политической деятельности; вся совокупность форм действий политических факторов, обусловленных занятием определенной политической позиции и связанных с целедостижением, реализацией властных интересов и позиций. Под термином «гражданско-политическая активность» мы понимаем целенаправленную и осознанную деятельность граждан в социально-политическом пространстве по защите прав и интересов посредством индивидуальных или коллективных действий [4, 160].

Конструктивная консолидация институтов гражданского общества на принципах этики диалога и убеждения, ответственности и единства должна стать примером для консолидации всего российского общества, основой восстановления межличностного, межнационального и межконфессионального доверия. Именно институты гражданского общества могут взять на себя функции формирования концепции и стратегии государственной и национальной политики Российской Федерации.

Например, Северный Кавказ исторически является самым сложным регионом России. Он характеризуется этноконфессиональным и этнокультурным многообразием состава населения, тяжелым социально-экономическим положением, нестабильностью социально-политической ситуации и особой концентрацией этнополитических и этноконфессиональных рисков для российской государственности.

Коррупция, теневая экономика, религиозный и политический экстремизм, терроризм, административно-полицейская диктатура, полное игнорирование конституционных прав и свобод граждан (прежде всего представителями региональных властей), тяжелейшее социально-экономическое положение, высокий уровень безработицы (особенно среди моло-

дежи), отсутствие жизненной перспективы — вот основные проблемы современного состояния Северо-Кавказского федерального округа Российской Федерации.

При анализе факторов, влияющих на этнополитическую безопасность региона, экономический фактор как конфликтогенный играет значительную роль, хотя и не всегда лежит на поверхности. Как образно определил В.М. Юрченко, «экономические корни порой прикрыты „этнополитическим покрывалом". В таких полиэтнических сообществах, как Северный Кавказ, экономический аспект приобретает этническую и/или этноконфессиональную окраску, нередко получающую в глазах людей первостепенное значение, что усиливает конфликтогенный потенциал этносоциальной стратификации политико-географических территориальных образований» [1, 53].

Основываясь на анализе современной этнополитической ситуации в Российской Федерации, можно сделать вывод, что в Российской Федерации сохраняется повышенная межэтническая конфликтность, динамика этноконфликтного процесса обретает стихийно развивающийся характер. Для перехода к конструктивному сценарию развития этнополитических процессов в России, требуются значительные усилия и взаимодействия государственных и общественных институтов, научно-экспертного сообщества, политических и общественных деятелей.

Вопросы, связанные с этнополитической безопасностью в современной России, — это целый комплекс проблем, которые имеют жизненную важность для российского общества и государства [5, 83–94]. Защищенность граждан, социально-политическая стабильность, национальная безопасность, социальная справедливость, территориальная целостность и государственный суверенитет — все это имеет прямое отношение к рассматриваемой проблеме.

Современный этап развития общества характеризуется обострением экономических, социально-политических, межнациональных, межэтнических, региональных и иных конфликтов, возрастанием уровня политической напряженности. Это, без сомнения, непосредственным образом сказывается на политике укрепления национального единства страны.

Демократизация общественных отношений в Российской Федерации привела к активизации национальных отношений во всех субъектах. Исследователи и политические деятели в XXI веке, как и прежде, продолжают искать ответы на исторический вызов времени, осваивают политико-правовое поле совершенствования межнациональных и федеративных отношений в Российской Федерации. Это свидетельствует о незавершенности и сложности процесса федерализации в условиях многонациональности.

Этнополитическая нестабильность в республиках Северокавказского региона заставляет обратить серьезное внимание не только на проблемы социально-экономического характера, но и на комплексный подход к стратегическому курсу модернизации основных сфер жизнедеятельности Северокавказского общества. Этот процесс требует научного обобщения и изучения.

Современное состояние общественного развития в Российской Федерации свидетельствует о том, что межнациональных проблем в «чистом» виде не существует. Они тесно переплетаются с политической и социально-экономической сферой. Межнациональные конфликты нуждаются в систематическом научном исследовании как сложная, многогранная сфера этносоциальных отношений.

Российская Федерация — многонациональное федеративное государство, где совокупность исторических, политических, религиозных и социальных факторов создают неповторимый полинациональный колорит. При такой этнической специфике межнациональные отношения приобретают особую социальную роль и придают политике государства в этой сфере первостепенное значение. Особо следует отметить, что зачастую межэтническое напряжение проистекает от недостаточно продуманных действий центра, а не от какой-то особой позиции тех или иных народов России. На всех уровнях власть должна принять как объективную реальность тот факт, что на современном этапе развития государства требуется максимальная мобилизация институтов государства и гражданского общества для ре-

гулирования и конструктивного развития межнациональных отношений, формирования единого экономического, социального, политического и культурного пространства.

Федеративное развитие предполагает наличие такой государственной стратегии национальной политики, которая была бы направлена на развитие и укрепление демократических институтов, межнациональных стабилизационных процессов. В многонациональной России общество, уставшее от этноцентризма и политических игр национальных элит, от социально-экономического неравенства ждет стабильности и равновесия. В России общенациональное согласие востребовано временем. Межнациональное согласие, консенсус, компромисс являются фундаментальной основой безопасности и развития общества, становления Российской Федерации как демократического правового государства.

Обострение межэтнических и межконфессиональных отношений — основной внутренний вызов национальной безопасности, фактор, который содержит в себе потенциальную угрозу целостности Российской Федерации, курсу реформ, построению подлинно демократического общества в России, а также общенациональным целям, идеалам, ценностям и интересам.

Литература

[1] *Авксентьев В.А., Гриценко Г.Д., Дмитриев А.В.* Региональная конфликтология: экспертное мнение / под ред. чл.-корр. РАН М.К. Горшкова. — М.: Альфа-М, 2007. — С. 53.

[2] *Атаманчук Г.В.* Теория государственного управления: учебник. — М.: Омега-Л, 2010. — С. 203.

[3] *Мукомель И.В.* Своими ксенофобиями мы лишь усугубляем проблемы // Новая газета. — 2004. — 6 окт. [Электронный ресурс]. URL: http://www.ng.ru/politics/2004-10-06/2_xenofobias.html

[4] *Нигматуллина Т.А.* Медиакоммуникативные характеристики гражданско-политической активности молодежи в Республике Башкортостан: региональное исследование // Коммуникология. — М., 2014. — Т. 8. — № 6. — С. 160.

[5] *Нигматуллина Т.А.* Политическая интерпретация этноксенофобии в молодежной среде: новые вызовы глобализации // Вопросы национальных и федеративных отношений. — 2014. — № 1 (24). — С. 83–94.

[6] Российская идентичность в Москве и регионах / отв. ред. Л.М. Дробижева. — М.: Институт социологии РАН; МАКС Пресс, 2009. — С. 25.

[7] Современная Россия в изменяющемся мире: философские проблемы социального управления: учебно-методическое пособие. — 2-е изд., стереот. / отв. ред. В.П. Торукало. — М.: РАГС, 2008. — С. 203.

[8] *Сулейманова Ш.С.* Геополитические процессы и мировая политика» // Этносоциум и межнациональная культура. — М., 2014. — № 11(77). — С. 162.

УДК 331. 108

ТЕРНОВАЯ Людмила Олеговна,
доктор исторических наук, профессор кафедры социологии и управления Московского автомобильно-дорожного государственного технического университета (МАДИ)
e-mail: 89166272569@mail.ru

ПОДГОТОВКА СПЕЦИАЛИСТОВ В ОБЛАСТИ УПРАВЛЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКИМИ РЕСУРСАМИ В КОНТЕКСТЕ КАДРОВОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

В теории и практике управления четко прослеживается движение от управления персоналом к управлению человеческим ресурсами. Следующим этапом, отвечающим инновационным подходам к экономике, оказывается управление талантами. Этот процесс неодинаково протекает в условиях различных региональных рынков труда. Он имеет опережающий характер в глобальных компаниях. Внедрение такой управленческой модели может рассматриваться как важнейшее направление обеспечения кадровой безопасности.

Ключевые слова: *управление человеческими ресурсами, международный рынок труда, транснациональные компании, управление талантами, кадровая безопасность.*

В оценке национального богатства Российской Федерации человеческий капитал занимает столь же значимое место, как физический, природный и финансовый капитал. Более того, справедливо мнение, что доля человеческого капитал в национальном богатстве такая же, как и трех других важнейших активов. С этой точкой зрения сложно спорить, если исходить из учета непростой исторической судьбы Российского государства, когда в самые напряженные моменты именно люди своими самоотверженными действиями, своими жизнями помогали стране выстоять. Что же касается государственного управления, то с учетом того, что качество власти также определяется качеством человеческого капитала, периоды кризисов и ухудшения состояния последнего просто не могли не сказываться на эффективности государственного управления в целом, и на управлении кадрами.

Вместе с тем почти во все времена эта задача всегда стояла на повестке дня. Иногда она получала мощную пропагандистскую поддержку, как например, широкое освещение лозунга «Кадры решают все», содержащегося в речи генерального секретаря ВКП(б) И.В. Сталина, с которой он выступил 4 мая 1935 г. в Кремле перед выпускниками военных академий. Иногда то, что самый ценный капитал представляют люди (а эта фраза также из данной речи), воплощалось жизнь последовательно в системе образования, повышения квалификации, обеспечения достойной жизни работающим.

При этом одной из существенных проблем было то, что в системе национальной безопасности вопросы кадровой безопасности практически не выделялись. Они рассматривались как составная часть безопасности личности, столь же значимой, как безопасность общества и государства. Несмотря на то, что кадровую безопасность с полным правом можно считать проявлением безопасности личности, поскольку она может быть обеспечена лишь при условии учета интересов личности, недопустимости нарушения ее прав и свобод в рамках единой социально ориентированной системы безопасности, актуальным является выработка социально ориентированного подхода к кадровой безопасности. Во-первых, этот подход отражает проблемы, возникающие в области безопасности образования [10, 14–17; 11], а также вопросы, связанные с эффективным использованием выпускников высших учебных заведений в стране и сокращением потока интеллектуальной миграции [6–7]. Во-вторых, в таком ракурсе можно представить проблемы

безопасности организации так, как они фиксируются в соответствующем законодательстве, и как они выглядят на практике в зависимости от профиля организации, ее расположения, срока существования и пр. В-третьих, социально ориентированный подход к анализу кадровой безопасности позволяет увидеть эффективность или слабость механизмов, обеспечивающих защищенность работников.

В результате в современной России, независимо от характера организации, можно обнаружить проблемы кадровой безопасности, вызванные: разрушением многих институтов обучения, подготовки и переподготовки кадров; крушением прежней идеализированной системы мотивации работников; ослаблением организации системы управления персоналом в условиях резких общественных и экономических преобразований, распространение коррупции и непотизма; повсеместными ошибками в планировании ресурсов персонала, усиление мобильности вниз квалифицированных кадров; уходом квалифицированных сотрудников из бюджетных организаций, активизацией процесса «утечки умов»; слабым вниманием руководства предприятий к развитию корпоративной политики и этики.

Проблемы кадровой безопасности актуализируются в усложняющихся проявлениях взаимозависимости в мировой экономике, когда национальные компании сталкиваются не только с гораздо более жесткими условиями конкуренции в сфере технологий и финансов, но и менее предсказуемым поведением конкурентов. Кроме того, из роста доступности технологических и финансовых ресурсов для большинства участников производственного процесса проистекает потребность в достижении конкурентных преимуществ, в частности благодаря квалификации персонала компании и его отношению к работе.

Нельзя сказать, что на отрицательные последствия прошлого подхода к работе с кадрами и реалий новой экономики не обращалось внимания, не искались пути их искоренения, в том числе и в области подготовки кадров. Во многих российских высших учебных заведениях успешно ведется подготовка студентов по программе «Управление человеческими ресурсами». Интерес к этой проблеме в России и потребность в обучении соответствующих специалистов были вызваны усилением международной конкуренции на рынках труда, разворачивавшейся в контексте слома тех векторов глобальных процессов, которые возникли на начальной стадии глобализации и развивались в течение нескольких десятилетий. За это время были выработаны национальные подходы к управлению человеческими ресурсами, отразившие продвижение от классического понимания человеческих ресурсов индустриальной эпохи к опоре на компетентности человека. Новые требования отвечали задачам перехода к постиндустриальному обществу и фиксировали различия в подходах между таким видом управления и управлением персоналом [4].

В отличие от управления персоналом управление человеческими ресурсами оказалось переориентированным с нужд работников на потребности самой организации в рабочей силе. Приоритеты кадрового менеджмента определяются в первую очередь результатами функционального анализа имеющихся и проектируемых рабочих мест, а не существующим кадровым потенциалом организации. Обретение управлением человеческими ресурсами стратегического измерения делает кадровую политику более активной в отличие от пассивной и реактивной политики, свойственной традиционным моделям управления персоналом. Работник уже не рассматривается лишь в качестве источника расходов и затрат, приносящих доходы или инвестиции, а превращается в человеческий капитал, как известно, являющийся важнейшим нематериальным активом организации, ее ценным, а порой и уникальным потенциалом инноваций.

Вместе с тем пока в России шло становление учебной дисциплины управления человеческими ресурсами и внедрение новых подходов в практику работы организаций, на Западе был сделан следующий шаг в сторону развития управления талантами (англ. *talent management*). Это управленческое направление стали рассматривать как применение организациями инструментов управления персоналом для привлечения, эффективного использования и закрепления в компании особо ценных работников. Взаимосвязи между раз-

витием человеческих ресурсов и эффективностью организационной структуры начали изучаться еще в конце 1970-х гг. [16, 1–20]

В 1997 году в недрах международной консалтинговой компании McKinsey&Company был придуман термин «война за таланты», отразивший решимость крупных фирм биться с конкурентами за лучшие кадры [9]. Чуть позже возникло и наполнилось содержанием понятие «управление талантами» [12; 17; 20]. Это содержание отразило потребность в выработке управленческих механизмов вовлечения сотрудников в инновационные процессы, использование разнообразных стимулов и поощрения развития творческого потенциала работников. Управление талантами должно было помочь руководству компаний избежать создания новой иерархии, разделив сотрудников на талантливых и бесталанных, повысить эффективность работы всех занятых. При этом к тем действительно немногим работникам с высоким потенциалом (*high potential* — сокр. *HiPo*) следовало применять особые технологии управления и развития [2; 8, 59–62; 15].

Становление новой модели управления происходило на фоне развертывания интеграционных процессов использования рабочей силы и расширения международного рынка труда (МРТ). За относительно короткий промежуток времени МРТ претерпел кардинальные изменения, которые заметнее всего проявились в новом качестве трудовых ресурсов, гибкости рынка труда и характере занятости. Почти сто лет ведущую роль в регулировании международного и регионального рынков труда играет Международная организация труда (МОТ), провозгласившая в качестве основы международного подхода к политике в области занятости идею, заключающуюся в том, что полная и продуктивная занятость есть главное средство в решении социальных проблем и в борьбе с бедностью.

Программа МОТ по обеспечению занятости включает содействие: торговле и инвестициям в интересах производительной деятельности; технологическим изменениям в интересах повышения производительности и создания рабочих мест; достойной занятости посредством развития промышленности, предпринимательства, соблюдения трудовых норм, создания предприятий и повышения темпов роста экономики; устойчивому развитию в целях повышения уровня вознаграждения труда; трудоустройству посредством повышения уровня образования и профессиональной квалификации; политике в области труда для управления переменами; социальной защите для более совершенного функционирования рынка труда; безопасности и гигиене труда как условию повышения производительности; координации политики для повышения темпов экономического роста и занятости; производительной занятости в целях борьбы с нищетой и обеспечения развития.

Под эгидой МОТ в 2002 году была образована Всемирная комиссия по социальным последствиям глобализации (англ. *World Commission on Social Dimension of Globalization*), которая рассмотрела широкий комплекс проблем, оказала содействие в проведении международных и национальных диалогов по социальным аспектам глобализации. Комиссия подготовила доклад «Справедливая глобализация: создание возможностей для всех» (англ. *a Fair Globalization: Creating Opportunities for All*), где обращается внимание на такие несоответствия между оптимистическими ожиданиями и реальными последствиями развития глобальных процессов, как углубление разрыва между задачами экономического и технологического прогресса мировой цивилизации и нуждами социально-культурного развития населения планеты; ослабление национальной системы социальной защиты; чрезмерное подчинение всех аспектов развития человечества интересам рынка [13].

Несмотря на мощь глобальных процессов, сохранились, а порой даже углубились, региональные особенности функционирования рынка труда. Наблюдающееся несовпадение подходов между региональными моделями к основным проблемным зонам: окружающей среде, времени, основам природы человека, направлениям деятельности, человеческим отношениям, — обусловливает различия в практике управления человеческими ресурсами в разных странах. Проявляются они и в национальных различиях взаимоотношения работодателей с работниками, что в условиях конкуренции между странами за человеческие

ресурсы становится причиной предпочтений в сфере занятости и фактором побуждения к миграции.

В то же время глобальные тенденции доминируют в практике управления человеческими ресурсами в международных компаниях. Глобальные компании сталкиваются с тремя главными проблемами управления человеческими ресурсами: отбором менеджеров для назначений за границу, их ориентацией, обучением и компенсированием [5]. В рамках стратегии управления человеческими ресурсами в международных компаниях можно выделить четыре организационные модели: 1) децентрализованную федерацию, при которой любая национальная площадка управляется как отдельное предприятие, стремящееся оптимизировать показатели своей деятельности в местном окружении (традиционная многонациональная корпорация); 2) скоординированную федерацию, где центр разрабатывает сложные системы управления, позволяющие осуществлять общий контроль, в то время как местным руководителям предоставлен простор для применения практических мер, ориентированных на условия внутреннего рынка; 3) централизованный узел, при котором внимание сосредоточивается более на глобальном рынке, чем на внутренних, тогда организации являются глобальными, а не многонациональными; 4) транснациональную модель, в рамках которой корпорация развивает многомерные стратегические возможности, направленные на глобальную конкуренцию, но откликается на требования местного рынка. Модель управления человеческими ресурсами находится в зависимости и от основных организационных подходов, предполагающих либо концентрацию на региональных аспектах, когда важным является обслуживание местного заказчика; либо следования «глобальному течению бизнеса», когда управляемые из центра сегменты фирмы работают с соответствующим товарным ассортиментом по всему миру.

В международных, транснациональных компаниях (ТНК) складываются собственные модели реализации современных персонал-технологий подбора, отбора, обучения и адаптации персонала с учетом международного аспекта управления [14, 522–525]. К настоящему времени выработаны разнообразные методы диагностики проблем, связанных с управлением человеческими ресурсами в различных странах и отраслях. Имеется опыт создания нематериальной системы мотивации сотрудников международных компаний, который, по возможности, учитывает национально-страновую специфику мер по улучшению системы мотивации персонала в организации [3]. Формирование системного взгляда на осуществление и поддержание успешного управления персонала, в основе которого лежит эффективное решение управленческих проблем, является базовым условием для управления талантами в таких компаниях. Критериями управления талантами в них выступают: компетентность в многообразных аспектах, включая техническую компетентность; предшествующие достижения в своей стране; предшествующий опыт работы за границей; языковые навыки; мотивация; культурная адаптивность и устойчивость к стрессам; личность, ориентированная на достижение цели; навыки общения, отражающие способность работать в многонациональном коллективе в ситуациях культурного, этнического и конфессионального многообразия.

К настоящему времени в большинстве ТНК есть программы планирования карьеры и карьерного роста международных менеджеров в целях реализации международных перспектив глобальной организации при помощи выявления талантов и потенциала, ротации рабочих мест, специальных заданий, программ дистанционного обучения, профессионального обучения региональных руководителей или руководителей центральной площадки, программ по менеджменту, проводимых международными бизнес-школами, руководства карьерными передвижениями и мониторинга из центра, более активного использования сотрудников женского пола.

На международном рынке труда произошло резкое возрастание мобильности рабочей силы. Международная миграция в условиях формирования инновационной экономики может кардинальным образом воздействовать на экономику и социальный климат современных государств. Под влиянием государственного регулирования миграционных

процессов грубая «утечка умов» превращается в более «цивилизованную» интеллектуальную миграцию [14]. Однако в области управления талантами часто обнаруживаются неудачи именно у экспатриированных сотрудников, имеющие не экономические, а социокультурные причины.

Работа с человеческими ресурсами, включая управление талантами, имеет свои правовые основы, которые выступают регулятором взаимоотношений между всеми категориями работников, являются одной из главных гарантий соблюдения прав граждан, дают возможность повышать эффективность работы, способствуют борьбе с субъективизмом, моббингом и его разновидностями. В аспекте управления талантами видна высокая роль социального партнерства, обеспечивающего возможность участия работников в управлении организацией. Практика коллективно-договорного регулирования социально-трудовых отношений в организации способствует созданию комфортной производственной среды и благоприятной обстановки для реализации творческого потенциала сотрудников. Вместе с тем правовые инструменты часто оказываются малоэффективными, если они не подкреплены сильной, адаптивной корпоративной культурой, которая стимулирует атмосферу взаимной ответственности наемного работника и работодателя, стремление всех работников фирмы сделать ее «лучшей компанией» за счет поддержки инициативы на всех уровнях организации, технических и организационных инноваций, внедрения инструментов социальной ответственности бизнеса.

Управление талантами расширяет возможности использования различных форм применения труда еще в процессе кадрового планирования. Открывается больший простор для нетрадиционных формы привлечения к труду: аутсорсинга, аутстаффинга, подбора временного персонала (англ. *temporary staffing*), применения систем «удаленного труда». Несомненно, использование заемного труда способно создать новые риски как работодателям, так и сотрудникам. В России с 1 января 2016 г. вступит в действие закон, запрещающий заемный труд. Однако будет разрешено выполнение обусловленной трудовым договором трудовой функции работником, временно направленным работодателем к другому физическому или юридическому лицу по договору о предоставлении труда работников (персонала) в случаях и на условиях, которые установлены ст. 351.3 Трудового кодекса Российской Федерации.

Одним из рисков расширения области применения заемного труда считается прекаризация, т. е. сомнительные, опасные, нестабильные трудовые отношения, которые работодатель может расторгнуть в любое время. Известно, что дерегуляция трудовых отношений проявляется не только в неполноценной, ущемленной правовой и социальной гарантий занятости, но и в эффективности труда. В условиях кризиса предприниматели часто выбирают как раз такой путь управления персоналом, поскольку он открывает им свободу действий. А поскольку со стороны работников это явление встречает социальный протест, то порой можно услышать замену понятия «пролетариат» на «прекариат» в известном марксистском лозунге «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Что же касается управления талантами, то, оценивая возможности и вызовы прекаризации, следует понимать, что в условиях непредсказуемости трудовых отношений и неясности личностных перспектив работников вряд ли можно ожидать появления прорывных инноваций.

В целях снижения рисков измерение рабочего времени важно сообразовывать с теорией тайм-менеджмента, учитывающей как правовые формы управления временем, так и их мотивационное значение. Творческая отдача не может происходить по расписанию, отсюда требованием управления талантами становится внедрение и использование гибкого рабочего времени, правовое регулирование времени отдыха и разнообразие предложений его видов, а также правовая регламентация управления присутствием. Все это находит место в практике инновационных компаний по всему миру.

Польский врач, доктор медицины, логик, философ, общественный деятель, гуманист Владислав Беганьский (1857–1917), известный своими афоризмами, утверждал, что «хорошего врача, как хорошего капитана, по-

настоящему узнаешь во время шторма, в минуты опасности. Истинный врач — это тот, кто в раздумьях и сомнениях не теряет выдержки и умеет воздействовать на больного благотворно, как и на окружающих его людей» [18]. Так и в условиях кризиса талантливые кадры получают дополнительный простор для реализации творческого потенциала [1]. Наличие нестыковок между радужными ожиданиями и реальным ходом социально-экономического процесса оказывается для них не тормозом, а позволяет распахнуть окно возможностей в новые области экономики, прежде всего, экономики знаний, и черпать оттуда ресурсы для национальной хозяйственной системы, в частности российской, и для укрепления социально-экономического пространства Евразийского экономического союза (ЕАЭС), и для мировой экономики, от которой зависит жизнедеятельность мирового сообщества.

Литература

[1] Антикризисное управление человеческими ресурсами / под ред. Н.А. Горелова. — СПб.: Питер, 2010.

[2] *Баттерис М., Ройтер Б.* Корпоративные бриллианты: как удержать талантливых сотрудников в компании / пер. с англ. — М.: ГроссМедиа, 2005.

[3] *Варданян И.С.* Национально-страновые аспекты мотивации персонала. — СПб.: СПбГУЭФ, 2010.

[4] *Веснин В.Р.* Управление человеческими ресурсами. Теория и практика. — М.: Проспект, 2015.

[5] *Грачев М.В.* Суперкадры. Управление персоналом в международной корпорации. — М.: Дело, 1993.

[6] *Жаренова О. А., Кечил Н.В., Пахомов Е.Ю.* Интеллектуальная миграция россиян. Ближнее и дальнее зарубежье. — М.: Центр политической информации; ГНОМ и Д, 2002.

[7] Интеллектуальная миграция в современном мире: учеб. пособие / под ред. М.М. Лебедевой. — М.: МГИМО-Университет, 2014.

[8] *Литвинова М.И.* Управление талантами: выводы делать рано, вопросов больше, чем ответов // Актуальные вопросы экономики и управления: мат-лы Междунар. науч. конф. (г. Москва, апрель 2011 г.). — Т. II. — М.: РИОР, 2011. — С. 59–62.

[9] *Майклз Э., Хэндфилд-Джонс Х., Экселрод Э.* Война за таланты. — 2-е изд. — М.: Манн, Иванов и Фербер, 2006.

[10] *Наливайко Н.В., Паршиков В.И.* Безопасность образовательного пространства // Безопасность образовательного пространства: формирование концепции и путей ее реализации (в рамках проекта Администрации Новосибирской области). — Новосибирск: НМЦ ФО НГПУ, 2005. — С. 14–17.

[11] *Плаксий С.И.* Парадоксы высшего образования. — М.: Национальный институт бизнеса, 2005.

[12] *Робертсон А., Эбби Г.* Управление талантами. Как извлечь выгоду из таланта ваших подчиненных / пер. с англ. — Днепропетровск: Баланс-Клуб, 2004.

[13] Справедливая глобализация: создание возможностей для всех. Всемирная комиссия по социальным аспектам глобализации. — Женева: МБТ, 2004.

[14] *Тан Р.Л.* Управление человеческими культурами на международной арене // Управление человеческими ресурсами / под ред. М. Пула. — М. Уорнера; СПб.: Питер, 2002. — С. 522–525.

[15] *Эффрон М., Орт М.* Управление талантами: краткий курс / пер. с англ. Даниловой. — М.: Азбука Бизнес, 2014.

[16] *Schein E.* Increasing Organizational Effectiveness through Better Human Resources Planning and Development // Sloan Management Review. — 1977. — Vol. 19(1). — Pp. 1–20.

[17] *Schweyer A.* Talent Management Systems: Best Practices in Technology Solutions for Recruitment, Retention and Workforce Planning. — N.Y.: John Wiley & Sons, 2004.

[18] URL: http://goldenwords.org/aphorisms/author/beganskij_vladislav

[19] *Watkins D.* Lightyear — an Application Framework for Talent Management that Acts as a Central Feedback Center for All Organizational Functions. — Softscape, Inc., 1998.

УДК 338.242.4

ТЮРИН Сергей Борисович,
доктор экономических наук, доцент,
директор Ярославского филиала
ОУП ВО «Академия труда и социальных отношений»,
e-mail: jaroslavl@atiso.ru

БИРКО Анастасия Валерьевна,
студентка Ярославского филиала
ОУП ВО «Академия труда и социальных отношений»,
Туркменистан
e-mail: jaroslavl@atiso.ru

УГРОЗЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Россия как одно из крупнейших государств мира связана со всеми уровнями угроз национальной безопасности — международной, региональной, национальной, а также со всеми ее проявлениями: политическими, экономическими, социальными, военными, экологическими и другими. В статье предлагается краткий анализ основных вызовов и угроз безопасности Российской Федерации в условиях современного глобального мира.

Ключевые слова: *национальная безопасность, угроза, международная сфера, последствия, риск, эффективность.*

Состояние отечественной экономики, несовершенство системы организации государственной власти и гражданского общества, социально-политическая поляризация российского общества и криминализация общественных отношений, рост организованной преступности и увеличение масштабов терроризма, обострение межнациональных и осложнение международных отношений создают широкий спектр внутренних и внешних угроз национальной безопасности страны.

В сфере экономики угрозы имеют комплексный характер и обусловлены прежде всего существенным сокращением внутреннего валового продукта, снижением инвестиционной, инновационной активности и научно-технического потенциала, стагнацией аграрного сектора, разбалансированием банковской системы, ростом внешнего и внутреннего государственного долга, тенденцией к преобладанию в экспортных поставках топливно-сырьевой и энергетической составляющих, а в импортных поставках — продовольствия и предметов потребления, включая предметы первой необходимости.

Ослабление научно-технического и технологического потенциалов страны, сокращение исследований на стратегически важных направлениях научно-технического развития, отток за рубеж специалистов и интеллектуальной собственности угрожают России утратой передовых позиций в мире, деградацией наукоемких производств, усилением внешней технологической зависимости и подрывом обороноспособности России.

Негативные процессы в экономике лежат в основе сепаратистских устремлений ряда субъектов Российской Федерации. Это ведет к усилению политической нестабильности, ослаблению единого экономического пространства России и его важнейших составляющих — производственно-технологических и транспортных связей, финансово-банковской, кредитной и налоговой систем.

Экономическая дезинтеграция, социальная дифференциация общества, девальвация ду-

ховных ценностей способствуют усилению напряженности во взаимоотношениях регионов и Центра, представляя собой угрозу федеративному устройству и социально-экономическому укладу Российской Федерации.

Этноэгоизм, этноцентризм и шовинизм, проявляющиеся в деятельности ряда общественных объединений, а также неконтролируемая миграция способствуют усилению национализма, политического и религиозного экстремизма, этносепаратизма и создают условия для возникновения конфликтов.

Единое правовое пространство страны размывается вследствие несоблюдения принципа приоритета норм Конституции Российской Федерации над иными правовыми нормами, федеральных правовых норм над нормами субъектов Российской Федерации, недостаточной отлаженности государственного управления на различных уровнях.

Угроза криминализации общественных отношений, складывающихся в процессе реформирования социально-политического устройства и экономической деятельности, приобретает особую остроту. Серьезные просчеты, допущенные на начальном этапе проведения реформ в экономической, военной, правоохранительной и иных областях государственной деятельности, ослабление системы государственного регулирования и контроля, несовершенство правовой базы и отсутствие сильной государственной политики в социальной сфере, снижение духовно-нравственного потенциала общества являются основными факторами, способствующими росту преступности, особенно ее организованных форм, а также коррупции.

Последствия этих просчетов проявляются в ослаблении правового контроля за ситуацией в стране, в сращивании отдельных элементов исполнительной и законодательной власти с криминальными структурами, проникновении их в сферу управления банковским бизнесом, крупными производствами, торговыми организациями и товаропроводящими сетями. В связи с этим борьба с организованной преступностью и коррупцией имеет не только правовой, но и политический характер.

Масштабы терроризма и организованной преступности возрастают вследствие зачастую сопровождающегося конфликтами изменения форм собственности, обострения борьбы за власть на основе групповых и этнонационалистических интересов. Отсутствие эффективной системы социальной профилактики правонарушений, недостаточная правовая и материально-техническая обеспеченность деятельности по предупреждению терроризма и организованной преступности, правовой нигилизм, отток из органов обеспечения правопорядка квалифицированных кадров увеличивают степень воздействия этой угрозы на личность, общество и государство.

Угрозу национальной безопасности России в социальной сфере создают глубокое расслоение общества на узкий круг богатых и преобладающую массу малообеспеченных граждан, увеличение удельного веса населения, живущего за чертой бедности, рост безработицы.

Угрозой физическому здоровью нации являются кризис систем здравоохранения и социальной защиты населения, рост потребления алкоголя и наркотических веществ.

Последствиями глубокого социального кризиса являются резкое сокращение рождаемости и средней продолжительности жизни в стране, деформация демографического и социального состава общества, подрыв трудовых ресурсов как основы развития производства, ослабление фундаментальной ячейки общества — семьи, снижение духовного, нравственного и творческого потенциала населения.

Углубление кризиса во внутриполитической, социальной и духовной сферах может привести к утрате демократических завоеваний.

Основные угрозы в международной сфере обусловлены следующими факторами:

– стремлением отдельных государств и межгосударственных объединений принизить роль существующих механизмов обеспечения международной безопасности, прежде всего ООН и ОБСЕ;

– опасностью ослабления политического, экономического и военного влияния России в мире;

– укреплением военно-политических блоков и союзов, прежде всего расширение НАТО на восток;

– возможностью появления в непосредственной близости от российских границ ино-

странных военных баз и крупных воинских контингентов;

– распространением оружия массового уничтожения и средств его доставки;

– ослаблением интеграционных процессов в Содружестве Независимых Государств;

– возникновением и эскалацией конфликтов вблизи государственной границы Российской Федерации и внешних границ государств — участников Содружества Независимых Государств;

– притязаниями на территорию Российской Федерации.

Угрозы национальной безопасности Российской Федерации в международной сфере проявляются в попытках других государств противодействовать укреплению России как одного из центров влияния в многополярном мире, помешать реализации национальных интересов и ослабить ее позиции в Европе, на Ближнем Востоке, в Закавказье, Центральной Азии и Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Серьезную угрозу национальной безопасности Российской Федерации представляет терроризм. Международным терроризмом развязана открытая кампания в целях дестабилизации ситуации в России.

Усиливаются угрозы национальной безопасности Российской Федерации в информационной сфере. Серьезную опасность представляют собой стремление ряда стран к доминированию в мировом информационном пространстве, вытеснению России с внешнего и внутреннего информационного рынка; разработка рядом государств концепции информационных войн, предусматривающей создание средств опасного воздействия на информационные сферы других стран мира; нарушение нормального функционирования информационных и телекоммуникационных систем, а также сохранности информационных ресурсов, получение несанкционированного доступа к ним.

Возрастают уровень и масштабы угроз в военной сфере.

Возведенный в ранг стратегической доктрины переход НАТО к практике силовых (военных) действий вне зоны ответственности блока и без санкции Совета Безопасности ООН чреват угрозой дестабилизации всей стратегической обстановки в мире.

Увеличивающийся технологический отрыв ряда ведущих держав и наращивание их возможностей по созданию вооружений и военной техники нового поколения создают предпосылки качественно нового этапа гонки вооружений, коренного изменения форм и способов ведения военных действий.

Активизируется деятельность на территории Российской Федерации иностранных специальных служб и используемых ими организаций.

Усилению негативных тенденций в военной сфере способствуют затянувшийся процесс реформирования военной организации и оборонного промышленного комплекса Российской Федерации, недостаточное финансирование национальной обороны и несовершенство нормативной правовой базы. На современном этапе это проявляется в критически низком уровне оперативной и боевой подготовки Вооруженных сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов, в недопустимом снижении укомплектованности войск (сил) современным вооружением, военной и специальной техникой, в крайней остроте социальных проблем и приводит к ослаблению военной безопасности Российской Федерации в целом.

Угрозы национальной безопасности и интересам Российской Федерации в пограничной сфере обусловлены:

– экономической, демографической и культурно-религиозной экспансией сопредельных государств на российскую территорию;

– активизацией деятельности трансграничной организованной преступности, а также зарубежных террористических организаций.

Угроза ухудшения экологической ситуации в стране и истощения ее природных ресурсов находится в прямой зависимости от состояния экономики и готовности общества осознать глобальность и важность этих проблем. Для России эта угроза особенно велика из-за преимущественного развития топливно-энергетических отраслей промышленности, неразвитости законодательной основы природоохранной деятельности, отсутствия или ограниченного использования природосберегающих технологий, низкой экологической культуры. Имеет место тенденция к использованию тер-

ритории России в качестве места переработки и захоронения опасных для окружающей среды материалов и веществ.

В этих условиях ослабление государственного надзора, недостаточная эффективность правовых и экономических механизмов предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций увеличивают риск катастроф техногенного характера во всех сферах хозяйственной деятельности.

Литература

[1] *Бурыкин А.Д., Вишневская М.Д.* Влияние стабилизационных финансов на экономику России // Вестник БИСТ. — 2015. — № 1 (26). — С. 44–49.

[2] *Бурыкин А.Д., Тюрин С.Б., Юрченко А.В.* Формирование системы оценки интеллектуальной собственности как фактора повышения финансовой устойчивости предприятия. — Ярославль: ЯФ АТиСО, 2013.

[3] Закон Российской Федерации от 25.12.1992 № 4235-I «О дополнении статьи 14 Закона Российской Федерации „О безопасности”» // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. — 1993. — № 2. — Ст. 77.

[4] *Нигматуллина Т.А.* БРИКС и ШОС: факторы регионального равновесия. — М.: NOTA BENE, 2015. — 180 с.

[5] Постановление Верховного Совета Российской Федерации от 25.12.1992 № 4236-I «О порядке введения в действие Закона Российской Федерации „О дополнении статьи 14 Закона Российской Федерации „О безопасности”» // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. — 1993. — № 2. — Ст. 78.

[6] Стабилизационные финансы как инструмент обеспечения финансовой безопасности государства / *С.Б. Тюрин, А.Д. Бурыкин, А.Ю. Волков, Н.М. Бурыкина*. — Ярославль: ЯФ АТиСО, 2012.

УДК 327(470)

АМИНОВ Ильдар Ринатович,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры государственного права
Института права Башкирского государственного университета, г. Уфа
e-mail: aminov76@mail.ru

О ФУНДАМЕНТЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

За последние двадцать лет Российская Федерация сделала свой стратегический выбор, несколько раз корректировала политический курс своего развития. Данные процессы ставили перед государством, политическими элитами и гражданами ряд проблем, связанных не только с формированием конституционного дизайна, гражданского общества, правового государства и рыночной экономики, но и обеспечением национальной безопасности. События 90-х годов XX века в России были связаны с поиском выхода из социально-экономического и политического «хаоса», с частичной утратой потенциально важных для настоящего и будущего Российской Федерации социокультурных идеалов, политических практик и норм. В данной статье исследуется идейный фундамент национальной безопасности России.

Ключевые слова: *национальная безопасность, фундамент, ценности, консолидация, процессы, национальная идея, правовое государство, инфраструктура, межэтнические отношения, регион.*

За последние двадцать лет Российская Федерация, сделала свой стратегический выбор, несколько раз корректировала политический курс своего развития. Данные процессы ставили перед государством, политическими элитами и гражданами ряд проблем, связанных не только с формированием конституционного дизайна, гражданского общества, правового государства и рыночной экономики, но и обеспечением национальной безопасности. События 90-х годов XX века в России были связаны с поиском выхода из социально-экономического и политического хаоса, с частичной утратой потенциально важных для настоящего и будущего Российской Федерации социокультурных идеалов, политических практик и норм [6].

Очевидно, что ни одно государство не может эффективно функционировать и развиваться, добиваться значимых достижений и общественно-политических целей без консолидационных ценностей и национальной идеи, без опоры на социальный капитал, без того, что является «скрепами» государства, основой политического и социального порядка. Инверсия принципов модернизации и демократизации, формировании «общества риска», стремительная дегуманизация социального и политического пространства, возрастание угроз в культурной и духовной сферах, рост жестокости и социальной агрессии актуализирует проблему обеспечения безопасности России, без которой немыслима реализация Концепции национальной безопасности современной России [3].

Вместе с тем резонно могут возникнуть вопросы: «Может ли национальная безопасность иметь этнополитические основания в России?»; «Может ли этнополитический фактор служить „скрепом" политической и социальной стабильности государства и обеспечивать его населению безопасное существование?»; «Как можно использовать этнополитический фактор российских регионов в укреплении национальной безопасности страны?».

Безопасность отдельно взятой страны включает в себя целый ряд значимых аспектов, например, военный, экономический, энергетический, информационный, продовольственный, демографический и т. д. Однако ни все исследователи выделяют этнополи-

тический аспект безопасности, несмотря на то, что недостаток внимания к данной сфере может привести к возникновению и развитию мощного очага этнической напряженности, перестающего впоследствии в открытый межэтнический конфликт, зачастую выходящий за рамки одного государства и затрагивающий целый регион. Различные аспекты безопасности тесно связаны между собой, поэтому для обеспечения комплексной безопасности необходимо учитывать всю совокупность факторов, влияющих на стабилизацию и дестабилизацию обстановки.

Данная проблема является особо актуальной для Российской Федерации — многонационального государства. Российское политическое руководство, различные ведомства, научное и экспертное сообщество настойчиво ищут оптимальные концепции и технологии, которые позволят решать этнополитические проблемы страны на долгосрочной основе, в интересах безопасности и благополучия общества и государства.

Поиск оптимальных решений ведется и за пределами России, в зарубежных странах, где имеется свой опыт. Последние события, происходящие в субъектах Российской Федерации — убийство мусульманского лидера в Казани, межнациональный конфликт в Бирюлево, теракт в Волгограде — не могут не настораживать и свидетельствуют о проблемах национальной безопасности нашего государства.

Сегодня СМИ являются особыми информационными трансляторами общественной безопасности. С их легкой руки «преступник» может стать «героем», как в принципе и наоборот. СМИ транслируют не только политико-правовую действительность, складывающуюся в обществе, но и задают тон общественному развитию страны: общественному самочувствию и государственной стабильности.

Как можно разрабатывать «национальную идею», модернизировать управление государством или совершенствовать территориальное устройство страны, если ежедневно по недосмотру, по халатности, из-за незаинтересованности государственных структур или частных лиц чуть ли не ежедневно гибнут десятки граждан России? И это в мирное время!

Для нас очевидно, что нельзя сегодня авиапредприятия делить по субъектам Российской Федерации. Так, Республика Татарстан — это богатый, успешный, инвестиционно-привлекательный, экономически стабильный регион, но даже у него недостаточно ресурсов, чтобы иметь автономную авиакомпанию, обеспечивающую национальную безопасность. Допускаем, что существование подобной авиакомпании — это дань недавнему «параду суверенитетов» национальных образований Российской Федерации, а сегодня — это некий региональный бренд, это престижно и экономически обосновано. Но безопасно ли? Формирование межнациональных и межконфессиональных конфликтов происходит в свете различных причин. Как известно, для того, чтобы из искры возгорелось пламя, нужно лишь чуть приложить усилия. Так и в конфликтогенном социуме: «дай причину» и социум тут же отреагирует мощнейшим взрывом неповиновения и своей конфликтностью и девиантными и деликвентными поступками.

Природа межнационального конфликта вытекает из характера наций как государственно-политических, гражданско-правовых, социально-экономических, а также социокультурных общностей людей, поскольку нация (национальное) включает в себя этнический (социокультурный) компонент, пронизывающий, окрашивающий, в том числе политические и другие стороны нации. Конфликтное поле межнационального противоречия, равно как и этнического, формируется в процессе многосторонних взаимоотношений наций друг с другом и этносами в полинациональном и полиэтническом пространстве. Сами конфликты вырастают на почве противоречий между интересами этих социальных организмов. Различие здесь состоит в том, что интересы этноса формируются как интересы замкнутой групповой организации людей и мышления, где индивид не отделяет себя от группы, и для него любая иная выступает в качестве другой, «чужой» по отношению к своей; для нации же имеет место представление и выражение интересов более широкой, но все же обособленной, самостоятельно существующей, государственно оформленной или оформляемой общности, приобретшей (или приобретающей) свою соци-

ально-экономическую и гражданско-политическую основу.

Межнациональный и межэтнический конфликт в своей динамике может проходить различные уровни (стадии) противостояния, как в сторону эскалации противоборства, так и в сторону снижения накала борьбы. При этом важно, чтобы выбранный вариант соответствовал сложившейся ситуации и отвечал интересам и целям субъектов взаимодействия. Необходимо также помнить, что взаимодействие предполагает долговременную систему отношений. Поэтому не надо стремиться к демонстративной победе. Тактический выигрыш может обернуться стратегическим проигрышем, а демонстративная победа может даже оппонента превратить в потенциального и реального врага.

Курс новой политики в таком случае придерживается направленности в сторону гармонизации межнациональных и межэтнических отношений, укрепления единства Российской Федерации и снижения уровня социальной напряженности на этнической почве. Согласно Указу Президента Российской Федерации от 19.12.2012 № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» [5], основным принципом государственной национальной политики Российской Федерации являются: государственная целостность, национальная безопасность Российской Федерации, единство системы государственной власти, который в свою очередь предполагает: равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств; предотвращение и искоренение любых форм дискриминации по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности; уважение национального достоинства граждан, предотвращение и пресечение попыток разжигания расовой, национальной и религиозной розни, ненависти либо вражды.

Концепция представляет собой систему взглядов на обеспечение общественной безопасности как части национальной безопасности Российской Федерации. Документом определяются основные источники угроз общественной безопасности в России, а также цели, задачи, принципы и основные направления деятельности органов власти и иных органов и организаций, принимающих участие в обеспечении общественной безопасности на основании законодательства. Несмотря на принимаемые государством и обществом усилия, направленные на борьбу с преступными и иными противоправными посягательствами, предупреждение возникновения и развития чрезвычайных ситуаций, необходимый уровень обеспечения общественной безопасности не достигнут. Уровень террористической угрозы на территории России продолжает оставаться высоким: террористы стремятся расширить географию своей деятельности, на территории страны отмечается активность международных террористических организаций, которые привлекают наемников и боевиков, оказывают им финансовую помощь, поставляют оружие.

Одним из основных источников угроз общественной безопасности является экстремистская деятельность националистических, религиозных, этнических и иных организаций и структур, направленная на нарушение единства и территориальной целостности Российской Федерации, дестабилизацию внутриполитической и социальной ситуации в стране. Особую озабоченность вызывает распространение экстремистских настроений среди молодежи. Указывается, что значительное количество преступлений в России совершается в состоянии алкогольного или наркотического опьянения. Количество преступников увеличивается за счет беспризорных и безнадзорных несовершеннолетних, граждан без определенного места жительства, лиц, освобожденных из мест лишения свободы, иностранных граждан или лиц без гражданства, незаконно находящихся на территории Российской Федерации, а также лиц, не имеющих постоянного источника дохода.

Незаконная миграция в Российскую Федерацию иностранных граждан и лиц без гражданства, в том числе из стран со сложной общественно-политической, экономической и санитарно-эпидемиологической обстанов-

кой, способствует возникновению угроз общественной безопасности. Незаконное пребывание в Российской Федерации иностранных граждан и осуществление ими трудовой деятельности на территории страны зачастую ухудшают социальную обстановку в местах их пребывания, создают условия для формирования террористических организаций, политического и религиозного экстремизма, национализма.

Что касается миграции, то впервые на столь высоком уровне к числу угроз отнесены также неблагоприятные тенденции во внутренней миграции, то есть последствия переезда граждан России из одного региона в другой. В Концепции говорится, что именно специфика внутренней миграции часто способствуют возникновению ксенофобии, национальной, расовой и религиозной розни, а также увеличению количества этнических организованных преступных групп.

В числе других угроз общественной безопасности называются ухудшение технического состояния объектов транспортной инфраструктуры, вероятность возникновения чрезвычайных ситуаций на ядерно- и радиационно-опасных объектах, значительное ухудшение обеспечения санитарно-эпидемиологической, ветеринарно-санитарной, фитосанитарной и экологической безопасности.

Во многих случаях межнациональные и межэтнические конфликты вместо решения доходят либо до полиции и суда, либо подавляются, замалчиваются, что увеличивает риск сильных вспышек ненависти и демонстрации силы. Для того чтобы обычное недопонимание между людьми не переросло в экстремизм, желательно уже на первом этапе такого проявления искать способы мирного урегулирования и предотвращения конфликтов. В этом случае медиация является наиболее удобной формой альтернативного разрешения конфликтов, осуществляющей в свою очередь и профилактику экстремизма.

Зачастую лидерам и активистам национально-культурных объединений не хватает знаний в вопросах национальных и этнических отношений, предотвращения и разрешения конфликтов. Работа медиаторов позволит получить базовые знания тем людям, которые участвуют в реализации Стратегии государственной национальной политики, для использования их в своей работе по сохранению уважение национального достоинства граждан, предотвращение и пресечение попыток разжигания расовой, национальной и религиозной розни.

Если брать в пример конфликт, который основывается на этнокультурных и национальных стереотипах и предрассудках, то тут медиация попробует примирить людей на основе формального договора, который сможет удовлетворить обе стороны, но уже после того, как все домыслы, не имеющие под собой оснований, будут развеяны и приведены к обычным реалиям жизни общества.

В том случае, если дело касается сферы труда, и начинают затрагивать интересы мигрантов или лиц, не относящихся к «титульной нации», работодателю стоит обратить на это внимание и прибегнуть к помощи специалистов по межнациональной и межэтнической медиации, поскольку обычная ксенофобия между сослуживцами должна подавляться уже на стадии недопонимания. Конфликты, которые приводят в дальнейшем к штрафам, административным наказаниям и приводам в полицию не упрощают работодателю жизнь. В лучшем случае разбирательство станет замалчиваться, в худшем — стороны просто останутся при своем мнении, и дело может дойти до столкновений и выйти за рамки рабочего процесса.

Обратившись к кросс-темпоральному анализу проблем целостности системы национальной безопасности Российской Федерации, можно выделить определенные исторические авансцены, которые определяли ход развития не просто внутренней политики государства, но и ее территориальной целостности, эскалацию или деэскалацию конфликтных обострений. В связи с этим полагаю, что «парад суверенитетов» стал политическим инструментом противоборства двух элитарных центров власти на федеральном уровне и был использован Президентом России Б.Н. Ельциным для привлечения губернаторского корпуса на свою сторону. В условиях политической борьбы высших федеральных эшелонов власти региональные элиты пользовались ситуа-

цией и занимались укреплением своего субъекта Федерации, по сути, в ущерб общероссийской государственности. Региональные элиты пытались максимально сосредоточить финансовые и административные рычаги в своих руках [4].

Стоит особо отметить, что дезинтеграционным тенденциям были подвержены не только российские республики (Республика Татарстан, Республика Чечня), но и другие субъекты Федерации. Края и области также стремились к повышению своего политического веса в общефедеративной системе (так, например, в 1993 году Свердловская область приняла Конституцию Уральской Республики).

В целом же, в отличие от национально-территориальных образований, «регионализация» российских областей и краев не представляли реальной угрозы для целостности страны. Даже Уральская Конституция 1993 года признавала верховенство федеральных законов и федеральной власти над региональными законами на своей территории. Кроме того, когда данная Конституция была отклонена федеральным центром, общественность никак не отреагировала, и в ее защиту не было ни массовых демонстраций, ни других акций протеста.

Только к концу 1993 г. центробежные тенденции и элитарные противоречия Федерации и ее регионов начали постепенно угасать. С одной стороны, это было связано с тем, что понизился уровень активности этноэлит, которые выступали с лозунгами «суверенизации» субъектов Федерации. Те же выборы 1994 года (и более поздние выборы) в органы государственной власти субъектов федерации показали, что этноэлиты во многом лишились поддержки населения, и людей больше заботило сохранение целостности страны [1].

Сегодня можно говорить сквозь призму прохождения сложных этапов дезинтеграционных процессов в 1990-х годах, что система вертикализации власти дает позитивные результаты, которые ориентированы на поддержание общественной национальной безопасности всех граждан Российской Федерации, что является основной устойчивой платформой построения «безопасного», «социального» государства. Отметим также, что любые проблемы государственного и регионального развития России необходимо рассматривать в системе координат нового этапа развития страны. Как подчеркнул В.В. Путин, «постсоветский этап в развитии России, впрочем, как и в развитии всего мира, завершен и исчерпан» [2]. По большому счету то, с чем сегодня сталкивается мир — это серьезный системный кризис, связанный с глобальной трансформацией, что отражается на общественно-политических процессах и в нашей стране.

Этнополитический потенциал государственного и регионального развития необходимо соотносить с обеспечением национальной безопасности страны. Несмотря на то, что современный этап развития Российской Федерации характеризуется относительной стабильностью, необходимо постоянно и глубоко анализировать этнонациональный характер региональных противоречий, выявлять их причины. Можно констатировать, что необходимость поиска новых подходов для разработки методов диагностики межнациональных конфликтов, исследования и мониторинга проявлений экстремизма в обществе актуальна, как никогда. В современных условиях развития общества для решения проблем в сфере сохранения межнационального и межэтнического мира на территории Российской Федерации требуется совершенствование социально-политических методов и коммуникационных технологий.

В системе обобществления всевозможных обстоятельств, позитивно или негативно отражающихся на целостной картине развития российской государственности, существует одна из наиболее важных субстанций, от которой зависит практически все в любой стране: обеспечение ее безопасности. Если по каким-то причинам будет пробита брешь в системе национальной безопасности, то рано или поздно будет введен в строй дезинтеграционной потенциал, в ходе развития которого можно говорить и о планомерной сецессии государственного суверенитета. Поэтому в современном мире важно сохранять стабильность и придерживаться курса общественной безопасности во имя мира.

Литература

[1] *Аминов И.Р., Сулейманов А.Р.* Институционализация национальной безопасности в истории России: внешние и внутренние угрозы // Правовое государство: Теория и практика. — 2014. — Т. 2. — № 36. — С. 111–115.

[2] *Путин В.В.* Россия сосредотачивается — вопросы, на которые мы должны ответить // Известия. — 2012. — 16 янв.

[3] *Румачик И.А.* Личная — социальная — национальная безопасность: информационный аспект // Социально-гуманитарные знания. — 2011. — № 10. — С. 257–262.

[4] *Сулейманов А.Р.* Национально-территориальная безопасность российского государства: история и современность // Вопросы национальных и федеративных отношений. — 2013. — № 3 (22). — С. 126–132.

[5] Указ Президента Российской Федерации от 19.12.2012 № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» [Электронный ресурс]. — URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=102161949 (дата обращения: 01.06.2015 г.)

[6] *Чумак И.А.* Социальная безопасность России: институциональный анализ рисков и угроз // Образование и наука в XXI веке — 2013: мат-лы IX Междунар. науч.-практич. конф. — Том: Политологии. — София: Бял ГРАД — БГ ООД, 2013. — С. 80–87.

УДК 343.85

АРПЕНТЬЕВА Мариям Равильевна,
кандидат психологических наук, доцент,
старший преподаватель Калужского
государственного университета им. К.Э. Циолковского
e-mail: mariam_rav@mail.ru

ПРОФАЙЛИНГ В ОБЕСПЕЧЕНИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

В современной системе безопасности внутригосударственных и межгосударственных отношений особое место занимает профайлинг как комплекс мер диагностического «картирования» и осмысления угроз безопасности в разных по типу и масштабам угроз ситуациях: от «портретирования» и прогнозирования поведения политических лидеров до восстановления картин массовых преступлений, от работы с террористами и серийными убийствами до профотбора и создания групп суперпрофессионалов, менеджеров высшего звена в высокотехнологичных корпорациях. В данной статье анализируется профайлинг в системе обеспечения национальной безопасности России.

Ключевые слова: *национальная безопасность, психология, профайлинг, терроризм, метасигнал, самоконтроль, программа.*

В современной системе безопасности внутригосударственных и межгосударственных отношений особое место занимает профайлинг как комплекс мер диагностического «картирования» и осмысления угроз безопасности в разных по типу и масштабам угроз ситуациях: от «портретирования» и прогнозирования поведения политических лидеров до восстановления картин массовых преступлений, от работы с террористами и серийными убийствами до профотбора и создания групп суперпрофессионалов, менеджеров высшего звена в высокотехнологичных корпорациях. Профайлинг — комплекс социально-психологических методик по диагностике личностных особенностей, скрываемых мотивов и оценке сообщаемой информации, основанный на оценке невербального, вербального и субвербального поведения объекта, по прогнозированию сценариев развития ситуаций и отношений, поступков, моделей поведения и общения человека. Это комплекс методов и методик оценки и прогнозирования поведения человека на основе анализа наиболее информативных признаков, в том числе характеристик внешности и поведения. Он включает технологии наблюдения и опроса людей с целью выявления потенциально опасных или говорящих неправду лиц, а также людей с определенными талантами и ценностями. История профайлинга, как известно, связана с работой спецслужб (КГБ, ЦРУ, др.) сотрудников МВД и МИДов разных стран. Наиболее известные «источники» и разработки связаны с деятельностью отдела поведенческих наук Академии ФБР в США (Квантико), которыми в конце 1970-х годов была разработана программа психологического профилирования. Определение метода дано «родоначальником» идеи профилирования, Р. Ресслером как «процесс идентификации всех психологических характеристик индивидуума, составляющий общее описание личности, основанный на анализе совершенных им преступлений» [9; 11, с. 10]. Технология профайлинга начала применяться в конце 70-х гг. XX в. на транспорте: сначала израильской авиакомпанией «Эль-Аль», а потом и другими компаниями мира. Она ориентирована на снижение вероятности появления возможных рисков, связанных с авиаперевозками пассажиров, применяется во время предполетного досмотра. Как правило, профайлинг включает

ряд вопросов, направленных на выявление нестандартных реакций пассажиров на, казалось бы, простые вопросы. Когда в 1984 году методика была «смоделирована» в англоязычном варианте компанией ICTS, она стала использоваться службами авиационной безопасности в большинстве европейских стран и США. В настоящее время широко используется во всем мире, в том числе на транспорте. Параллельно с этим компания П. Экмана разработала ряд компьютерных программ, позволяющих считывать и прогнозировать изменения эмоциональных состояний и поведения человека [30–32]. Эти программы стали активно применять не только в аэропортах, но и в других структурах, занимающихся обеспечением безопасности государств и межгосударственных отношений. Скрытое «тестирование» потенциального злоумышленника или претендента на должность дает возможность построить его «профиль» для выявления преступных замыслов или талантов. «Провести профилирование» — значит отнести человека по ряду невербальных признаков к типу личности: опасному или неопасному в зависимости от социального окружения и контекста. Профайлинг в своей основе есть технология предотвращения противоправных действий посредством выявления потенциально опасных лиц и ситуаций с использованием методов прикладной психологии. Профайлинг как деятельность учит наблюдать и анализировать окружающую обстановку, поведение людей, искать подозрительные признаки и устанавливать причинно-следственные связи, нестандартно подходить к решению возникающих в работе проблем. Профайлинг включает ряд прикладных социально-психологических методик, целью которых является оценка достоверности сообщаемой информации по невербальному поведению человека, так называемая неинструментальная или интегративная детекция лжи и/или качеств личности. Профайлинг как комплекс социально-психологических методик по диагностике личностных особенностей, скрываемых мотивов и оценке сообщаемой информации, основанных на оценке невербального поведения объекта, включает методики «чтения людей», основанные как на технологиях спецслужб, позволяющих в экспресс режиме, в условиях минимума данных и времени, минимума ресурсов и методов «считать» личностные и межличностные характеристики, ценности и мотивы, убеждения и комплексы человека или группы лиц, достоверно спрогнозировать поведение и общение с человеком, таки и на разработках «обычных психологов». Коммерческий профайлинг всегда являлся наивысшей формой психологического мастерства и являлся уделом немногих избранных, т. к. требовал развития высокого уровня «сенсорной чувствительности». Даже при многочисленных характерных признаках того или иного поведения (преступного, террористического, опасного или безопасного, профессионального, просоциального) работа профайлера не сводится к механическому отнесению человека или его состояния к тому или иному типажу. Когда классические алгоритмы работы не срабатывают, требуется индивидуальный подход, эмпатия и интеллект самого профайлера, его готовность и способность видеть «правду» человека, жизни, самого себя. В этом и заключается мастерство профайлера — в каждом конкретном случае понять и предвидеть действия непредсказуемого, «типологизировать» непредсказуемое и делать его понятным, демистифицировать. Примером является разработанная нами методика «правила трех»: простая, экономичная и «самоочевидная», реконструируемая на множестве более сложных методик и подходов. Она раскрывает процесс «утечки информации», позволяет подключиться к нему, войти в наиболее скрываемые человеком аспекты его поведения и отношений к себе и миру непосредственно [5–6]. Как и все технологии спецслужб, инструменты профайлинга работают быстро, просто и надежно: все, что надо знать о человеке, отражается в его манере поведения и речи, нужно лишь понимать, на что обращать внимание. Профайлинг позволяет оценить степень заинтересованности и эмоциональное состояние собеседника. И действовать, исходя из составленной картины. Кроме того, есть возможность оценить достоверность сообщаемой информации. В профайлинге важны не только детали, но и способ, и порядок действий человека. Профайлер анализирует, сопоставляет факты и составляет психологический портрет субъек-

та: черты характера, особенности личности, поведения преступника, делает предположения о его возрасте, расе, поле, семейном и служебном положении, сексуальной зрелости, называют его привычки. Примером такой методики является относительно развернутый, но дающий массу информации «Словарь» И.Г. Кокуриной, не только вскрывающий непосредственные смыслы жизнедеятельности человека, меру его нравственной дезориентации или распада личности, но и позволяющий через имеющиеся соотношения определить пол, возраст, уровень образования и многие другие характеристики субъекта (индивида и группы). Интересны и другие методики «чтения мыслей» и «портретирования» [2; 14; 23]. Профайлер — человек, который определяет правду и ложь по внешним проявлениям, которые видны у оппонента. Анализирует слабые и незаметные сигналы, противоречивость и «неравномерность» психологической фактуры поведения (вербального и невербального). Профайлер может говорить в свободной форме, на любые темы, менять темы и манеру общения, получать более развернутые и точные ответы, нежели при опросе с полиграфом. Он может выявлять значимые и не значимые темы для опрашиваемого. Важны не только детали, но и способ, и порядок действий человека. Профайлеры не только описывают черты характера, особенности личности, поведения преступника, описывают стиль отношений в быту и на работе, они предсказывают следующие шаги. Профайлер — человек, который определяет правду и ложь по внешним проявлениям, которые видны у оппонента. Он анализирует слабые и незаметные сигналы, противоречивость и «неравномерность» психологической фактуры поведения (вербального и невербального). Профайлер может говорить в свободной форме, на любые темы, менять темы и манеру общения, получать более развернутые и точные ответы, нежели при опросе с полиграфом. Он может выявлять значимые и не значимые темы для опрашиваемого [1; 3]. Важная часть профайлинга — кадровый профайлинг — направленный на установление соответствия кандидатов на предполагаемую должность. Установление у кандидата на должность (либо действующего сотрудника) связей с криминалом, наличия долгов (непогашенных кредитов), пристрастия к азартным играм, алкоголизму и наркотикам. Он включает установление перспектив карьерного роста и профессионализации, талантов и мотивов трудовой деятельности и т. д. Профайлеры — опытные психологи, имеющие профильное образование соответствующего уровня, большой опыт практической деятельности по обеспечению безопасности или прошедшие обучение в центрах психофизиологических исследований и экспертиз. Обучение профайлингу положительно влияет как на обучаемых, так и на их последующее отношение к выполнению своих непосредственных служебных обязанностей. Профайлинг заставляет более вдумчиво наблюдать и анализировать окружающую обстановку, поведение людей, искать подозрительные признаки и устанавливать причинно-следственные связи, нестандартно подходить к решению возникающих в работе проблем [1; 3]. В профайлинге необходимо применение методов психологии в их прикладном аспекте, так как особый акцент делается здесь на процессах межличностного взаимодействия, на возможностях человеческого понимания — «считывания» внешней и внутренней информации, на формировании и развитии наблюдательности, проницательности, коммуникабельности. Важное место здесь играет слепота невнимания или перцептивная слепота, феномен слепоты к событиям, происходящим прямо перед нашими глазами. Причины такой слепоты: неготовность воспринимать предметы, которые человек не ожидает увидеть, рассеянность, вызванная необходимостью полностью сконцентрировать внимание. Слепота к изменениям связана с тем, что изменения могут совпадать с коротким прерыванием наблюдаемого и другими феноменами.

Обычно выделяют два основных метода создания поискового портрета (розыскного профиля) потенциального преступника или специалиста: статистический и смысловой. Статистический подход основан на создании баз данных уголовных дел и на расчете по ним корреляций между признаками преступления и признаками личности устанавливаемого преступника, предполагая обязательное наличие базы раскрытых уголовных дел, об-

разующих выборочную совокупность. Смысловой подход базируется на психологическом анализе материалов уголовного дела, необходимом для выявления субъективных детерминант криминального поведения через психологическую интерпретацию материальных и идеальных следов преступления. Комплексный корреляционно-смысловой подход, более эффективен. Подражатели — категория лиц, у которых психологические черты, присущие разного рода преступникам (серийным убийцам, террористам, поджигателям, отравителям, насильникам, детоубийцам и др.), не являются устойчивыми качествами личности, а проявляются лишь в демонстрационной форме при совершении ими деяний. Поступки подражателя соответствуют определенной модели преступного поведения, но прогнозировать их невозможно, поскольку они могут видоизменяться в любой момент: речь идет об имитации того или иного типа антисоциального поведения с целью скрытия истинных мотивов преступления. Специальный агент ФБР Р. Хейзелвуд, известный американский специалист в области криминальной психологии, выделял в анализе три основных вопроса: «что?», «почему?», «кто?» — и фазы, интерпретируя их следующим образом: «что произошло?». Под этим понимается все, что с поведенческой точки зрения могло быть интересно в преступлении: «почему и каким образом это произошло?» — почему, например, после убийства изуродован труп жертвы? Каковы причины каждого значимого поведенческого фактора в преступлении? — «кто мог совершить такое преступление?» — решение этого вопроса и составляет задачу специалиста-профайлера [26]. При этом сначала нужно установить базовую линию поведения (БЛП). Чтобы определить БЛП, нужно помочь человеку расслабиться, если он напряжен. Обращать внимание на то, как он ведет себя в спокойном состоянии: как он жестикулирует, какие метапрограммы он использует, какая мимика у него. БЛП — это фокус, от которого необходимо отталкиваться в процессе определения лжи или общего профилирования. Оценивать реакцию на изменения в поведении можно только после введения стимула, при этом желательно проверить повторяемость реакций на стимул. Обычно используют модель «Субъект — Действие — Объектность» (СДО), она ориентирована на максимальную конкретизацию полученной информации. Основными задачами СДО являются: 1) восстановление исчезнувшей информации, 2) превращение события в процесс, 3) поиск противоречия с опытом, 4) разрушение ограничения, 5) выяснение того, с чем сравнивают, 6) выяснение, действительно ли справедливо предположение о причинно-следственной связи, 7) выяснение способа получения информации. Вопросы по «субъекту» («кто?», «что?») — это вопросы по существительному.

Большое значение имеет массовый или территориальный профайлинг Одновременная работа нескольких сотрудников-профайлеров, наблюдающих одинаковую «картинку» проводимого мероприятия на мониторах позволит значительно повысить вероятность выявления лиц, собирающихся совершить то или иное противоправное деяние, и анализировать поведение заинтересовавших сотрудников полиции людей. Особое внимание следует уделять изменению динамики поведения людей. Поскольку часто поведение людей хаотично, подчиняется закономерностям действий толпы, вследствие чего их поведение характеризуется снижением волевых процессов, развитием бессознательного подражания и повышенным состоянием внушаемости. Ритм, темп, последовательность и направление движений людей, присутствующих на крупном мероприятии, в общественном месте, обычно проявляются достаточно одинаково: обращать внимание нужно на любые изменения в движениях людей, которые выбиваются из общих характеристик. Это может проявляться в привлечении к себе внимания, замедлении либо ускорении темпа и ритма движений, немотивированной агрессии по отношению к окружающим. Причинами этого могут быть: состояние алкогольного или наркотического опьянения, конфликты на этнической или религиозной почве, хулиганские действия, провокация массовых беспорядков. Территориальный профайлинг имеет своей целью ознакомление с социально-психологическими явлениями в их взаимосвязи с оперативной обстановкой и тактикой оперативного обслуживания и личного сыска оперативными подразделениями органов

внутренних дел, участковыми уполномоченными полиции, сотрудниками патрульно-постовой службы и т. д. При истолковании невербальных сигналов необходимо учитывать следующие факторы: 1) все сигналы нужно трактовать в совокупности, в цепочке, не сосредотачиваться на одном симптоме; 2) если слова и жесты противоречат друг другу, приоритет отдают жестам, так как слова поддаются контролю, а жесты — нет, так как являются сложной системой микросигналов; 3) поведение следует рассматривать с учетом условий окружающей среды: если в помещении холодно, человек невольно может принимать закрытые позы, потому что замерз; 4) чем моложе человек, тем более явно он подает невербальные сигналы. Потенциально опасный субъект, имитируя какой-либо набор невербальных признаков, не сможет сымитировать все поведенческие нюансы безопасного поведения. При типологическом подходе каждой типичной «безопасной» роли соответствует норма поведения, любые отклонения от которой подозрительны. Однако, согласно концепции профайлинга, любой человек теоретически может быть опасен, любой предмет может быть замаскированным оружием, взрывным устройством или нести иную опасность. Подозрительные признаки указывают на большую вероятность наличия преступного намерения у пассажира или посетителя и его возможного использования криминально-террористическими структурами для совершения противоправных действий. Критические признаки указывают на высокую степень вероятности связи пассажира с планируемым террористическим актом: поддельные документы, оружие и т. д. Общие улики преступного и опасного поведения таковы: 1) общая неадекватность психологического состояния; 2) неестественность и наигранность в поведении при контактах с сотрудниками правоохранительных органов; 3) отрешенность от происходящего вокруг (симптом суицидального человека, что свойственно ряду сексуальных преступников и типу террористов-смертников). В распознавании улик, как отмечалось, нужно обращать внимание на базовое поведение — это обычное поведение человека в обычной обстановке во время разговора на спокойные темы, которые не вызывают у вашего собеседника стресс. «Капкан Брокау» состоит в том, что какой-то признак обмана может быть просто обычным поведением человека. Поэтому профайлеру нужно помнить, что признаков обмана как таковых не существует — нет ни одного жеста, выражения лица или непроизвольного сокращения мышц, которые единственно и сами по себе означали бы, что человек лжет. Приведем главный закон жестов М. Каро: «Игроки либо играют роль, либо нет. Если все же играют, то определи, что они ждут от тебя и разочаруй их» [20]. БЛП — характерное поведение для человека в комфортном состоянии. Так, если в нормальном состоянии человек говорит быстро и ровно, а после вопроса делает большую паузу и неровно — это отклонение от БЛП, ТОЗ (Точка ориентировочного замирания). ТОЗ — первая реакция на стресс, характеризуется замиранием или паузой между словами и жестами, причем — большей по сравнению с БЛП. ТОЗ — момент выбора одного из двух путей: правды или лжи, и ее построении, он является ключевым при диагностике лжи или искренности. Далее следуют микровыражения и «неровности психологической фактуры»: при ослаблении самоконтроля, в процессе попыток нейтрализации или маскировки выражения лица и телодвижений: человек «прерывает» уже проявляемое выражение и не «удерживает» его каким-то движением лицевых мускулов [4; 7–8; 10; 12–13]. Микровыражения весьма надежны в качестве симптомов обмана и источников утечки информации: профайлер обращается к ним в процессе техник «дорога из хлебных крошек» и «рыбалка» [15–18]. Особое внимание нужно также обращать на метасигналы (сигналы несущие информацию о других сигналах) и передозированные сигналы (неуместные действия или нарушение привычных границ взаимодействия). Под метасигналами кроется истина или демонстрация чего-то. Важны также перенаправленные действия, состоящие из комплекса телодвижений, которые направлены на одного человека и предназначены для глаз совсем другого. Пример — перенаправленная агрессия, при которой перенацеливающие действия позволяют подавить нежелательные эмоции путем пробуждения других «конкурирующих» эмоций и управлять поведением и пониманием других

людей. Если человек то хочет, то не хочет, то боится, то стремиться что-то сделать, сигнал получается двойным и двусмысленным, соответственно, возникают состояния «затора», «давки» [19; 21–22].

Перспективы профайлинга связаны с его использованием в массовых форматах, в том числе, с привлечением технических устройств и программ обеспечения безопасности [24–25; 27–29].

Литература

[1] *Аврутин Ю.Е.* и др. Оперативно-разыскная психология. — М.: ЦОКР МВД России, 2010. — 192 с.

[2] *Алексеев А.А., Громова Л.А.* Поймите меня правильно. — СПб., Экономическая школа, 1993. — 352 с.

[3] *Аминов И.И.* и др. Профайлинг. Технологии предотвращения противоправных действий. — М.: Юнити-Дана, 2012. — 183 с.

[4] *Анисимова Н.Н.* Особенности визуальной психодиагностики личности террориста. — Домодедово: ВИПК МВД России, 2007. — 78 с.

[5] *Арпентьева М.Р.* Практикум по психологическому консультированию. — Калуга: КГУ, 2014. — 336 с.

[6] *Арпентьева М.Р.* Стратегии понимания клиента в психологическом консультировании. — Калуга: КГУ им. К.Э. Циолковского, 2014. — 626 с.

[7] *Биркенбил В.Ф.* Язык интонации, мимики, жестов. — СПб.: Питер, 1997. 224 с.

[8] *Васкэ Е.В.* Криминалистическое значение «психологического портрета» неизвестного преступника // Вестник Нижегородского госуниверситета. — 2006. — Вып. 2(10). — С. 184–188.

[9] *Возженикова О.С., Кузнецов Д.А.* Применение технологии профайлинга в сфере обеспечения авиационной (транспортной) безопасности // Концепт. — 2014. — № 12 (декабрь). — ART 14368 [Электронный ресурс]. — URL: http://e-koncept.ru/2014/14368.htm

[10] *Волынский-Басманов Ю.М.* Профайлинг — метод выявления лица, вынашивающего преступные замыслы // Транспортная безопасность и технологии. — 2006. — № 4. — С. 58–60.

[11] *Дуглас Д., Олшейкер М.* Охотники за умами. ФБР против серийных убийц. — М.: Политлит, 1998. — С. 10.

[12] *Ениколопов С.Н., Ли Н.А.* Психологические особенности криминального профайлинга // Психологическая наука и образование. — 2007. — № 5. — С. 295–299.

[13] *Еремина Т.И.* Визуальная психодиагностика. — Ростов н/Д.: Феникс, 2012. — 236 с.

[14] *Кокурина И.Г.* Методика изучения мотивации трудовой деятельности: учебно-методическое пособие. — М., МГУ, 1990. — 90 с.

[15] *Кудин В.А., Статный В.М.* Профайлинг в деятельности органов внутренних дел // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. — 2013. — № 3 (59). — С. 4–15.

[16] *Кузнецова И.В.* Анализ невербальных признаков потенциально опасных пассажиров на объектах гражданской авиации // Вестник НЦ БЖД. — 2013. — № 3 (17). — С. 107–111.

[17] *Лабунская В.А.* Экспрессия человека: общение и межличностное познание. — Ростов н/Д.: Феникс, 1999. — 608 с.

[18] *Михайленко А.* Возможности выявления потенциальных террористов-смертников // Обозреватель-Observer. — 2011. — № 5. — С. 102–110.

[19] *Михайленко А.Н., Келехсаев В.И.* Противодействие терроризму: международный опыт. — М.: Фонд им. М. Ю. Лермонтова, 2008. — С. 260.

[20] *Наварро Д., Карлинс М.* Я вижу, о чем вы думаете. Минск: Попурри, 2009. — 128 с.

[21] Основы профайлинга в обеспечении безопасности на транспорте / под общ. ред. В.А. Кудина. — СПб.: СПб ун-т МВД России, 2011. — 417 с.

[22] *Остапенко П.И.* Некоторые особенности личности террориста // Вестник Владимирского юридического института. — 2007. — № 2. — С. 201–203.

[23] *Пономаренко В.В.* Практическая характерология с элементами прогнозирования и управления поведением. — Ростов н/Д.: Феникс. 2006. — 252 с.

[24] Профайлинг. К проблеме выявления лиц с противоправными намерениями / под ред. Ю.М. Волынского-Басманова. — М.: АБИНТЕХ, 2009. — 79 с.

[25] Психологическое обеспечение предотвращения актов незаконного вмешательства в деятельность гражданской авиации / под ред. Ю.М. Волынского-Басманова, И.И. Аминова. — М.: Юнити-Дана, 2011. — 200 с.

[26] *Сейджман М.* Сетевые структуры терроризма. — М.: Эксмо, 2008. — С. 77.

[27] *Статный В.М., Спирица Е.В., Иванова А.М.* Применение технологии профайлинга в деятельности органов внутренних дел. — СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2013. — С. 8–9.

[28] *Фрай О.* Детекция лжи и обмана. — СПб.: Прайм-Еврознак, 2005. — 320 с.

[29] *Фрай О.* Ложь. — СПб.: Прайм-Еврознак, 2006. — 284 с.

[30] *Экман П.* Психология лжи. — СПб.: Питер, 2009. — 270 с.

[31] *Ekman P., Friesen W.V., Scherer K.R.* Body movement and voice pitch in deceptive interaction // Semiotica. — 1976. — № 16. — P. 23–27.

[32] *Zuckerman M., DePaulo B.M., Rosenthal R.* Verbal and nonverbal communication of deception // Advances in exsperimental social psychology. — 1981. — V. 14. — P. 1–57.

УДК 327:338(470)

ИЛИКАЕВ Александр Сергеевич,
кандидат политических наук,
доцент кафедры политологии и истории ФГБОУ ВПО
«Башкирский государственный университет», г. Уфа
e-mail: jumo@bk.ru

ПОЛИТИЧЕСКИЙ МЕНЕДЖМЕНТ В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

В условиях продления санкций в отношении России как никогда возросла роль политического менеджмента. Будучи сравнительно новой проблемной отраслью науки, он заключает в себе несколько основных моделей, определяющих «стиль» принятия политических решений. Общий взгляд на политику нынешнего российского руководства констатирует прогресс в плане сценарных и затратных моделей. При этом необходимо признать отсутствие целостного структурно-функционального подхода к государственному управлению. Однако простое реформирование чиновничьего аппарата и политические реформы не в силах заменить существующую в обществе идеологическую матрицу, являющуюся основой политической системы. Единственный перспективный выход заключается в выработке новых, адекватных времени и не противоречащих ценностям гражданского общества идеологем. Их ключевые положения должны подразумевать окончательную позицию России в отношении собственного прошлого, евразийской интеграции, а также реальной оценки значимости систем жизнеобеспечения и социальных гарантий.

Ключевые слова: *санкции, политический менеджмент, структурно-функциональный подход, «метод затрат и издержек», концепция сценарного анализа, нормативная концепция, поведенческая концепция, «рациональная бюрократия», «новый публичный менеджмент», «новое правительство», государственное управление, идеологема, национальная безопасность.*

Недавнее решение о продлении санкций в отношении России со стороны стран, в той или иной мере следующих фарватеру американской политики, выявило ряд проблем государственного управления. Так, на недавнем ежегодном экономическом форуме в Санкт-Петербурге глава Сбербанка Герман Греф отметил, что «кризис — это всегда результат плохого менеджмента». Далее выступающий отметил, что наша реакция на санкции представляется запаздывающей. Мы всегда реагируем постфактум или, в лучшем случае, пытается проанализировать текущую ситуацию. В то же время никто не пытается моделировать будущее, а его контуры складываются уже сейчас, когда продолжается грандиозный отток финансового и интеллектуального капитала из страны [1].

Таким образом, актуальность политического менеджмента не вызывает сомнений. Если обратиться к существующей литературе, то становится ясно, что это сравнительно новая проблемная отрасль политической науки. Согласно наиболее распространенному определению, политический менеджмент — это целерациональная деятельность по подготовке, принятию и реализации политических решений, направленных на удовлетворение запросов, интересов и требований различных социальных групп.

Исходя из сказанного, можно утверждать, что политический менеджмент как бы конкретизирует такое базовое понятие, как власть. Любой политический субъект, не принимающий своевременных решений, мгновенно перестает быть активным субъектом. А в случае дальнейшей прогрессирующей апатии быстро теряет власть. Ярким свидетельством постепенной деградации и угасания стала деятельность первого и последнего Президента СССР

М.С. Горбачева. Именно его желание не предпринимать никаких значимых решений, следовать «течению времени» привели к распаду государства.

Существует несколько основных подходов, определяющих характер и «стиль» принятия политических решений.

Структурно-функциональный подход, основы которого были заложены М. Вебером, классифицирует решения по соотношению их с целями, ценностями, традициями или страстью. В соответствии со степенью осознанности политических действий выделяются политические решения, в основе которых лежат страсть, традиционность, целерациональность и ценностная ориентированность. Основными элементами политического действия являются: субъект, ситуация действия, ориентация самого субъекта. Эффективность решения определяется принципом полезности.

«Метод затрат или издержек» использует различные сравнительные модели. Наиболее простая из них состоит из двух шкал. На одной шкале располагается любое состояние мира, любой выбор человека, государства, которые оцениваются по принципу пользы (вреда) для субъекта в зависимости от совпадения с его интересами. На другую шкалу наносятся варианты развития событий в зависимости от степени вероятности их наступления. Субъект заинтересован в наступлении определенных ситуаций, соответствующих его интересам, однако он должен соизмерять свои желания с возможностями своего влияния на ход событий. Согласно данному подходу, процесс принятия решений представляется соотнесением целей и издержек (затрат на их осуществление).

Концепция сценарного анализа акцентирует внимание на роли стратегических целей в процессе принятия решений. Однако здесь порой слабо учитывается изменчивость условий реализации этих целей, заставляющая прибегать к корреляции (правке, видоизменению) самих целей.

Нормативная концепция исходит из рациональной роли принятия решения, из важного значения правил, процедур, институтов в этом процессе и осуществления принятых решений. Однако принятие решения никогда не является однозначно рациональным актом: на него налагают отпечаток личные качества правящей группы, субъективные представления и предпочтения, межличностные связи, опыт и интуиция управленцев.

Поведенческая концепция учитывает объективные и многочисленные субъективные факторы принятия решений, стремится смоделировать этот процесс [2].

Так какой же подход был избран в качестве основополагающей модели государственного управления в современной России? Общий взгляд на внешнюю и внутреннюю политику в третье президентство В.В. Путина, особенно блестяще проведенная операция в Крыму, позволяет говорить о том, что в плане сценарных и затратных анализов произошел откровенный прогресс. С целью ухода от тупиковой олигархической модели управления было достигнуто немало положительных моментов в выстраивании властной вертикали. Это позволило стране, в отличие от предшествовавших СССР и ельцинской России, даже в условиях почти двукратного падения цен на нефть и обесценения национальной валюты, не потерять устойчивость.

Тем не менее очевидно, что продолжение санкций и даже сохраняющаяся угроза их расширения на фоне неблагоприятной конъюнктуры могут создать серьезную проблему национальной безопасности государства.

И здесь, конечно, уже сложно говорить о совершенствовании отдельных звеньев политического менеджмента (например, механизма выборов и отзыва губернаторов). Речь должна идти о капитальной перестройке всего механизма государственного управления. Представляется полезным руководствоваться именно структурно-функциональным взглядом на проблему.

Большим подспорьем оказываются разработанные более полувека назад модели политических систем Г. Алмонда, Д. Истона и Т. Парсонса. При первом рассмотрении бросается в глаза их «управленческий» характер. В целом, они больше напоминают схемы эффективного менеджмента на каком-нибудь крупном предприятии. Р. Чилкод справедливо указывает, что наиболее важным достижением Парсонса стали его категории пяти переменных, которые описывают различ-

ные аспекты теории действия. Эмоциональность — эмоциональная нейтральность, ориентация на себя — ориентация на коллектив; универсализм — местничество; достижения — социальное происхождение; конкретность — расплывчатость [3].

Если модель Парсонса в целом следует так называемой первой модели управления, известной как «рациональная бюрократия М. Вебера», то модели Истона и Алмонда могут быть соотнесены с концепцией «нового публичного менеджмента», в частности с нижеследующими его положениями:

- граждане и компании как клиенты публичных услуг;
- проектные формы государственного управления;
- проектное бюджетирование;
- развитие территориальных проектов.

Особенно показательна в этом смысле модель Алмонда, где большое внимание уделяется таким качествам принятого решения, как:

- способность оказывать регулирующее воздействие на систему;
- способность выражать основные смыслы политики;
- способность представлять главнейшие ориентиры политики;
- способность содержать в свернутой форме своеобразные посылы к дальнейшим решениям;
- реагирующая способность [3].

Данная схема, в определенном смысле, ближе всего подходит к «третьей модели» государственного менеджмента («новое правительство»). Последняя зиждется на следующих принципах:

- система вовлечения граждан в принятие решений;
- сетевая форма государственного управления;
- контроль за реализацией и качеством представления услуг;
- развитие территориальных проектов, с точки зрения их потенциальной значимости.

Довольно интересный взгляд на проблему политического менеджмента в современной России присутствует в опубликованной в 2005 году статье О.Ф. Шаброва «Государственное управление в России: проблемы эффективности».

По мнению автора, достижение целей управления немыслимо без разнообразия управляющей подсистемы. Оно должно быть не меньшим, чем разнообразие, которым располагает подсистема управляемая.

Существует три пути усложнения органов власти: количественный (преумножение числа чиновников), качественный (их содержательное усложнение) и структурный (усложнение государственной организации).

Следует согласиться с О.Ф. Шабровым, что за годы реформ количество чиновников значительно возросло, и это не всегда было связано с простым раздуванием бюрократического аппарата. Возникали все новые и новые направления деятельности, которые требовали регулирования. Также справедливо отмечено, что простое переобучение государственных служащих мало изменило картину. Оказались чрезвычайно завышенными и упования на то, что многопартийность, парламентаризм, конституционные установления сами по себе приведут к политической конкуренции [4].

Однако тут же следует задаться вопросом, а насколько наше общество в целом отошло от прежнего идеологического хаоса 90-х годов? И здесь надо признать, что, несмотря на значительное отличие моделей «нового публичного менеджмента» и «нового правительства» от модели «рациональной бюрократии» М. Вебера, модели Парсонса, Истона и Алмонда просто невозможно рассматривать вне базовых ценностно-идеологических установок.

К сожалению, вместо отмерших прежних советских идеологем не возникло новых. В условиях правового нигилизма как со стороны рядовых граждан, так со стороны чиновного корпуса практически невозможно вести речь о выстраивании второй и, тем более, третьей модели государственного управления.

Опыт бывших советских республик показал, что автоматическая замена разрушившихся идеологем «импортными» не способствовала выстраиванию действенных механизмов политического менеджмента. Это привело к тому, что они в значительной мере превратились в политическое и экономическое захолустье более развитых и успешных стран.

В этой связи представляется знаковым последнее заявление В. Путина о том, что, хотя Россию никому не удастся переделать под свой формат, она по-прежнему остается открытой для мира страной. Это ставит вопрос о выработке собственных идеологических матриц, которые не должны противоречить принципам современного гражданского общества.

Первая трудность, связанная с формированием конкретных идеологем, заключается в том, что российское государство до сих пор не выработало конкретной позиции в отношении своего собственного прошлого. По-прежнему господствует принцип плюрализма, когда, например, некоторые партии, видные общественные деятели по существу оправдывают период сталинских репрессий. Остается проблемной и дореволюционная, царская политика.

Вторая трудность заключается в явном замедлении интеграционных процессов в рамках СНГ, сокращении числа стран его участниц. Разумеется, не все здесь можно объяснить исключительно недочетами российского внешнеполитического курса, однако становится все более очевидным, что идея Евразийского Союза нуждается в дополнительных стимулах, а возможно — в серьезном пересмотре.

Третья группа проблем связана со стремлением бюрократии переложить ответственность на системы жизнеобеспечения, социальных гарантий. Количество государственных служащих сокращается, но преимущественно за счет учителей, работников высшей школы, научно-исследовательского персонала, младшего и среднего медицинского звена. При мизерной экономии бюджетных средств это незамедлительно сказывается на падении индекса человеческого развития. А он имеет не только важное пропагандистское значение, но и во многом определяет инвестиционную привлекательность страны.

При этом необходимо уточнить, что речь не идет о политике дотаций. Сектор услуг сам по себе является достаточно динамичным, потенциально высокодоходным, к тому же ему принадлежит решающее место в моделях «нового публичного менеджмента» и «нового правительства». Однако сохраняющаяся мелочная чиновная опека данной сферы при одновременном бюджетном удушении создает иллюзию ее заведомой неуклюжести, громоздкости.

Разумеется, выработка оригинальных идеологем не решит всех проблем эффективного государственного управления, но без сформулированной на их основе доктрины вряд ли возможно говорить о построении полномасштабной системы национальной безопасности.

Литература

[1] *Корсунская Д., Кобзева О.* Форум в Петербурге обсудил реформы, но усомнился в том, что они будут. // Reuters. 2015. 19 июня [Электронный ресурс]. — URL: http://inosmi.ru/world/20150620/228694407.html

[2] *Крайтерман В.С.* Политология: учеб. пособие для вузов [Электронный ресурс]. — URL: http://all-politologija.ru/knigi/politologiya-uchebnoe-posobie-dlya-vuzov-krajterman/politicheskij-menedzhment

[3] *Чилкот Рональд Х.* Теории сравнительной политологии. В поисках парадигмы. — М.: ИНФА-М, Весь Мир, 2001. — С. 305.

[4] *Шабров О.Ф.* Государственное управление в России: проблемы эффективности // Социально-гуманитарные знания. — 2005. — № 2. — С. 137–149.

УДК 321(470)

КУЗНЕЦОВ Игорь Александрович,
кандидат юридических наук, доцент кафедры
истории государства и права и конституционного права
Башкирского института социальных технологий (филиала)
ОУП ВО «Академия труда и социальных отношений» (г. Уфа)
e-mail: igor45-119@ya.ru

ОБЩЕСТВЕННАЯ ПАЛАТА КАК ИНСТИТУТ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Общественная палата Российской Федерации была сформирована в соответствии с Федеральным законом от 4 апреля 2005 г. «Об Общественной палате Российской Федерации». Согласно закону, Общественная палата избирается каждые три года и осуществляет взаимодействие граждан с органами государственной власти и местного самоуправления в целях учета потребностей и интересов граждан, защиты их прав и свобод при формировании и реализации государственной политики, а также в целях осуществления общественного контроля за деятельностью органов власти.

Ключевые слова: *общество, гражданское общество, право, государство, правовое государство, правосознание, правовая культура, общественная палата, федеральная власть, федеральный закон.*

В структуре гражданского общества институтам отведено центральное место. Содержание их деятельности, ее нормативное оформление, признанная за ними государством роль в управлении общественными процессами определяют в целом особенности того или иного гражданского общества. Более того, многими исследователями подчеркивается [3, 23], что об отдельно взятом гражданском обществе можно судить по деятельности существующих в нем институтов гражданского общества, важным признаком которых является реализация либо обладание способностью к реализации характерных для гражданского общества функций. Однако, на наш взгляд, рассматривая структуру гражданского общества, необходимо включать в нее не только институты, но также и сопутствующие им другие элементы гражданского общества, также обладающих соответствующей способностью, в первую очередь, потому, что при изменении содержания политической доктрины, общественных потребностей, в структуре гражданского общества неизбежно появление новых институтов.

Деятельность политических структур на сегодняшний день является неотъемлемой составляющей процессов, проходящих в общественной жизни. Их влияние неоспоримо и в результате ни одно общественное объединение, как и в целом явление гражданского общества, не может считаться полностью огражденным от политического влияния. Вместе с тем политически активные организации и сообщества людей нельзя причислять к институтам гражданского общества [11, 68]. Их деятельность зачастую имеет характерную однонаправленную мотивацию, непосредственно зависящую от принимаемой идеологии, модели поведения, а не от конкретных потребностей их участников. Отсутствие гибкости и объективного восприятия личных интересов своих членов также не позволяет относить такие формы ассоциирования к институциональной составляющей гражданского общества.

Тем не менее, не следует отрицать и то, что сообщества, обладающие признаком, выраженным в возможности влиять на принятие органами власти управленческих решений,

имеют крепкую связь с гражданским обществом [5, 79]. Можно выделить следующие присущие им функции, реализация которых находит отражение в деятельности гражданского общества: непосредственное влияние на принятие решений, связанных с проблемами отдельных социальных групп, ассоциаций, объединений граждан, а также лоббирование как опосредованное влияние на реализацию соответствующих инициатив таких гражданских сообществ; обеспечение продвижения (либо оказание помощи в продвижении) гражданских инициатив, соответствующих определенной политической концепции, до уровня осуществления государственной воли; организация и проведение мероприятий, способствующих актуализации проблемы, формированию представлений о способах ее решения, обобщению накопленного материала и выработке единой позиции конкретной социальной группы; осуществление деятельности, служащей основой для создания общественных организаций социальной, культурной, спортивной и других направленностей.

Таким образом, к элементам гражданского общества, обладающим признаком, выраженным в возможности влиять на принятие органами власти управленческих решений, мы относим политические партии, политические организации, созданные при политических партиях, общественно-политические движения, а также Общественную палату как особый общественно-политический институт. Из предложенного ряда, как видно, выделяется институт общественной палаты, который, тем не менее, в силу особенностей своего формирования и функционирования, мы относим к числу элементов, имеющим отношение к политической стороне жизнедеятельности общества.

Общественная палата — это новый, не знавший предшествовавших подобий, общественный институт. Сочетая в своей основе государственную волю и общественные ресурсы, институт общественной палаты имеет едва ли не наивысший среди элементов гражданского общества потенциал в способности построения конструктивного диалога между государством и гражданским обществом, но при этом не относится к его институтам в силу, прежде всего, отсутствия полной политической независимости и экономической самостоятельности, а также по причине исполнения им специфических функций, часто не способствующих реализации гражданских инициатив.

Концепция создания Общественной палаты в истории современной России не является чем-то исключительным. В 1993 году в целях обеспечения участия общественных объединений в конституционном процессе и учета общественного мнения, согласования интересов различных социальных групп и слоев общества и обеспечения постоянной связи федеральных органов государственной власти с политическими партиями, движениями, профсоюзными, молодежными и иными общественными организациями, массовыми движениями и религиозными конфессиями, органами местного самоуправления, объединениями товаропроизводителей и предпринимателей по распоряжению Президента Российской Федерации была учреждена Общественная палата Конституционного совещания [4].

Общественная палата Конституционного совещания являлась организационной формой взаимодействия общественных объединений с федеральными органами власти Российской Федерации, в рамках которой проводились необходимые политические консультации по широкому кругу социально-политических вопросов.

Вопрос о создании Общественной палаты Президент Российской Федерации поднял 13 сентября 2004 г. на расширенном заседании Правительства Российской Федерации, посвященном последствиям трагических событий в Беслане.

Согласно ч. 1 ст. 1 № 32-ФЗ она призвана обеспечить взаимодействие граждан с федеральными органами государственной власти, органами государственной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления в целях учета потребностей и интересов граждан Российской Федерации, защиты прав и свобод граждан Российской Федерации и прав общественных объединений при формировании и реализации государственной политики в целях осуществления общественного контроля за деятельностью

федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления. Исходя из этой нормы, можно сформулировать две потребности, которые стали официальной причиной создания Общественной палаты. К ним относятся:

1) взаимодействие граждан с властью, которое строится, во-первых, на умении власть имущих слушать и слышать народ, во-вторых, не в последнюю очередь, в осознании самим народом своих потребностей и желании донести их до власти;

2) осуществление народом в лице своих представителей в Общественной палате контроля за деятельностью власти.

Вспомним, что согласно ч. 1 ст. 81 Конституции России и ст. 1 Федерального закона от 20.12.2002 № 175-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» [9] народ на основе принципов всеобщего, равного, прямого избирательного права при тайном голосовании выбирает себе Президента и Государственную Думу, что наводит на вполне логичный вывод: эти органы власти, и в особенности российский парламент, являются представителями своих избирателей во власти, «слугами народа».

Интересно отметить, что процедура формирования состава Общественной палаты, по мнению некоторых авторов, «не отличается демократизмом и, самое главное, эффективностью и обеспечением намеченной цели»[2, 67]. Более того, «такие органы гражданского общества, как Общественная палата, справедливо критикуются за тенденциозность подбора ее членов» [10, 91].

С данной точкой зрения трудно согласиться. Именно вовлечение в деятельность Общественной палаты общероссийских, межрегиональных и региональных общественных объединений путем включения их представителей в состав Общественной палаты позволяет эффективно организовать взаимодействие органов публичной власти с гражданами страны и их объединениями, в полной мере учесть общественные интересы при формировании и реализации государственной политики в различных сферах.

Пункт 2 ст. 6 № 32-ФЗ закрепляет некоторые ограничения на выдвижение в члены Общественной палаты представителей ряда общественных объединений.

Так, не допускаются к выдвижению кандидатов в члены Общественной палаты общественные объединения, зарегистрированные менее чем за один год до дня истечения срока полномочий членов действующей Общественной палаты. Наличие данной нормы объясняется тем, что вновь созданное общественное объединение, проработавшее менее одного года, с одной стороны, еще не успевает наработать необходимый «авторитет» в своей сфере деятельности, а с другой — опыт работы такого объединения по защите прав и законных интересов граждан представляется еще слишком незначительным.

Право на выдвижение кандидатов в состав Общественной палаты ограничено и для политических партий. Правовой статус политических партий закреплен Федеральным законом от 11.07.2001 № 95-ФЗ «О политических партиях» [7].

По общему правилу вмешательство органов государственной власти и их должностных лиц в деятельность общественных объединений, равно как и вмешательство общественных объединений в деятельность органов государственной власти и их должностных лиц, не допускается. Но в определенных случаях государство все же может ограничить деятельность общественных объединений. Например, в соответствии со ст. 16 Федерального закона «Об общественных объединениях» запрещается создание и деятельность общественных объединений, цели или действия которых направлены на осуществление экстремистской деятельности [6].

В этой связи данная норма запрещает выдвигать кандидатов в члены Общественной палаты, во-первых, объединениям, которым вынесено предупреждение о недопустимости осуществления экстремистской деятельности, — в течение одного года со дня вынесения предупреждения; во-вторых, объединениям, деятельность которых приостановлена в соответствии с Федеральным законом от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» [8].

Вместе с тем нельзя не отметить, что гражданское общество характеризуется значительно большим количеством субъектов, чем общественные объединения. Поэтому представляется недостаточно обоснованным предпринятое федеральным законодателем ограничение права, например, таких организаций, как высшие учебные заведения, научные учреждения, профсоюзы, адвокатура.

Вместе с тем в практике работы Общественной палаты возрастной ценз напрямую связан с цензом социальной зрелости, что объясняется принципом отбора граждан в члены Общественной палаты — исходя из личных заслуг перед государством и обществом.

Пункт 2 ст. 7 № 32-ФЗ устанавливает ряд ограничений на участие в Общественной палате для отдельных категорий граждан.

Ограничение на членство в Общественной палате, установленное в отношении лиц, замещающих государственные должности или должности государственной службы, а также замещающих должности в органах местного самоуправления, обусловлено спецификой деятельности Общественной палаты. В частности, решение таких задач, как проведение общественной экспертизы законопроектов, осуществление действительно независимого общественного контроля за деятельностью органов публичной власти, выдвижение и поддержка гражданских инициатив, возможно только при соблюдении принципа объективности. Сама концепция контроля гражданского общества над властью, а также организация взаимодействия граждан с властью не могут быть реализованы в полной мере без независимой в своих суждениях Общественной палаты [1, 34–37].

Представительная природа Общественной палаты Российской Федерации проявляется в ее целях и задачах.

В соответствии со ст. 2 № 32-ФЗ целью Общественной палаты является согласование общественно значимых интересов граждан Российской Федерации, общественных объединений, органов государственной власти и органов местного самоуправления для решения наиболее важных вопросов экономического и социального развития, обеспечения национальной безопасности, защиты прав и свобод граждан Российской Федерации, конституционного строя Российской Федерации и демократических принципов развития гражданского общества.

При этом деятельность Общественной палаты России носит исключительно рекомендательный характер, на треть ее состав формируется Президентом Российской Федерации, а финансирование происходит из федерального бюджета.

Считаем, что институт общественной палаты способен стать ведущим субъектом развития гражданского общества в России, но для чего ему необходимо претерпеть определенные изменения. Общественная палата должны быть оторвана от политической власти и формироваться более демократическим способом. Также необходимо чтобы решения палаты носили не рекомендательный, а обязательный характер. Только тогда Общественная палата может стать составляющей частью института гражданского общества в России.

Литература

[1] *Грудцына Л.Ю.* Общественная палата — спектакль национального масштаба // Адвокат. — 2006. — № 5. — С. 34–37.

[2] *Дмитриев Ю.А.* Опасная ностальгия по прошлому // Право и жизнь. — 2008. — № 77. — С. 67.

[3] *Искаков И.Ж.* Гражданское общество и его институты в современной России: автореф. дис. … канд. юрид. наук. — СПб., 2004. — С. 23.

[4] Холодковский К.Г. Гражданское общество в России: структуры и сознание / РАН. Институт мировой экономики и международных отношений. — М.: Наука, 2008. — С. 68.

[5] Распоряжение Президента Российской Федерации от 24.09.1993 № 659-рп «Об образовании Общественной палаты Конституционного совещания» // Собрание актов Президента и Правительства Российской Федерации. — 1993. — № 39. — Ст. 3674 (утратило силу).

[6] *Сунгуров А.Ю.* Гражданское общество в поисках пути // Приложение к журналу «Северная Пальмира». — СПб., 2009. — С. 79.

[7] Федеральный закон от 19.05.1995 № 82-ФЗ (с посл. изм и доп. от 08.03.2015 №43-ФЗ) «Об общественных объединениях» // СЗ РФ. — 1995. — № 21. — Ст. 1930.

[8] Федеральный закон от 11.07.2001 № 95-ФЗ (с посл. изм и доп. от 03.02.2015 №6-ФЗ) «О политических партиях»// СЗ РФ. — 2001. — № 29. — Ст. 2950.

[9] Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ (с посл. изм и доп. от 08.03.2015 №23-ФЗ) «О противодействии экстремистской деятельности» // СЗ РФ. — 2002. — № 30. — Ст. 3031.

[10] Федеральный закон от 18.05.2005 № 51-ФЗ (с посл. изм. и доп. от 01.12.2014 № 419-ФЗ) «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» // СЗ РФ. — 2005. — № 21. — Ст. 1919.

[11] *Хлопушин С.Н.* Правовое государство в России (Конституционные ориентиры и социально-юридическая практика) // Гражданин и право. — 2007. — № 7. — С. 91.

УДК 343

МОЛОДОВ Олег Борисович,
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Института социально-экономического развития территорий
Российской академии наук, г. Вологда
e-mail: o_young8172@mail.ru

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ И ТИПОЛОГИИ ЭКСТРЕМИЗМА

Статья посвящена анализу теоретических проблем в сфере изучения экстремизма — сложного социального явления, борьба с деструктивными проявлениями которого приобрела особую актуальность. Вместе с тем, в социально-гуманитарных науках не сложилось единого понимания сущности феномена экстремизма, его видов и форм. В статье характеризуются дискуссионные аспекты определения понятия «экстремизм», а также вопросы его типологии и классификации.

Ключевые слова: *экстремизм, экстремистская деятельность, экстремальность, типология экстремизма.*

Современное состояние российского общества отличают усиление социальной мобильности, миграции, развитие этнокультурных контактов всех уровней и существенное изменение ценностных ориентиров. Эти факторы, наряду с иными политическими и социально-экономическими явлениями, становятся предпосылками роста ксенофобии — недоверия и ненависти к чужим, а в конечном итоге приводят к всплеску экстремизма и терроризма.

В России с 2000-х гг. темпы прироста числа зарегистрированных преступлений экстремисткой направленности ежегодно возрастают. По данным ГИАЦ МВД России, их количество выросло со 157 в 2003 году до 1024 в 2014 году, то есть в 6,5 раз. За январь-май 2015 года это число уже составило 611 преступлений, что на 33% выше показателей за 2014 год [12].

Если раньше экстремизм напрямую связывали с тоталитаризмом, бедностью, низким материальным и культурным уровнем различных социальных, национальных, религиозных групп, сейчас пришло осознание того, что это явление намного сложнее и многоаспектнее, и оно во многом присуще либеральным и демократическим обществам [7, 22]. По мнению белорусских ученых, экстремизм становится ответной реакцией на длительное затягивание решения назревших политических, этнических, религиозных, социальных и экономических проблем. «Это знак отчаяния, конфронтации, вызова» [7, 24].

В последние годы экстремизм стал объектом исследования различных социально-гуманитарных наук: философии, социологии, политологии, психологии, педагогики и юриспруденции. Однако, несмотря на многолетнее использование в социально-политической лексике термина «экстремизм», универсального его определения еще не выработано.

Понятие экстремизма в российском законодательстве является неопределенным. В ст. 1 Федерального закона от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» фактически содержится не определение этого феномена, а перечисление направлений экстремистской деятельности [6, 61]. Избранный законодателем способ определения данного понятия не соответствует многим правилам законодательной техники и не характерен для действующего российского законодательства [14, 15]. На расплывчатость данной формулировки, допускающую произвольный подход к применению этой нормы права, указал в октябре 2009 г. Комитет по правам человека ООН [19].

Некоторые исследователи отмечают несовершенство законодательного понимания экстремизма, приравниваемого к экстремистской деятельности. Они предлагают разграничить данные понятия как нетождественные друг дру-

гу, сравнивая их с соотношением в науке уголовного права мотива преступного поведения и объективной стороны преступления [17, 23].

Во многих работах в определении экстремизма акцент также делается на *деятельностную* сторону данного феномена. Например, В.Ю. Сокол отмечает, что под экстремизмом следует понимать деятельность в политической сфере жизни общества организованной группы (социального слоя, партии и т. п.) или отдельных лиц, направленную на насильственное изменение существующего конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации и (или) возбуждение ненависти и вражды, унижение достоинства человека или группы лиц по социальному, расовому, национальному, языковому, религиозному или иному признаку» [18, 60].

По мнению Т.А. Аристарховой, экстремизм в широком смысле «именно специфическая деятельность, опирающаяся на такую идеологическую основу как отрицание любого инакомыслия, попытке жестко утвердить свою систему взглядов, навязать ее любой ценой оппонентам, причем сделать это с помощью способов, противоречащих закону» [5, 33].

В других случаях в дефиниции понятия «экстремизм» доминирует *поведенческий аспект*. И.В. Вехов, исследующий этот феномен с позиций социологии, определяет его как «девиантное поведение, осознанное и идеологически обоснованное, выражающееся в действиях, направленных на полное или частичное отрицание сложившегося общественного устройства… а также в призывах к осуществлению таких действий» [8, 288].

Философ А.А. Хоровинников, признавая, что экстремизмом называют «действия, направленные на достижение крайних, предельных состояний человеческого сознания», призывает разграничивать его с *экстремальностью*. Экстремальность является самостоятельным явлением, которое отличает стихийный природный характер, что проявляется не только в активности человека, но и природной среды. Однако при определенных условиях экстремальность может трансформироваться в экстремизм [22, 10].

Взгляд на экстремизм как сугубо антигосударственное или оппозиционное явление является односторонним, поскольку в качестве субъектов экстремизма могут выступать институты с различным государственно-правовым статусом. Поэтому, опираясь на статус и характер субъектов, можно выделить *государственный и негосударственный экстремизм*. В первом случае его субъектом могут выступать государства, поддерживающие активное вмешательство во внутренние дела другой страны, а также экстремистскую деятельность на ее территории. Во втором случае субъектами являются социально-политические силы, находящиеся в оппозиции к правящим политическим кругам и государственной системе в целом [1, 119].

А.Г. Никитин считает оптимальной классификацию экстремистских деяний (экстремизма) на основании их соответствия нормам действующего законодательства. То есть существует *экстремистская деятельность в рамках закона и незаконная экстремистская деятельность.* Последняя представляет собой «социально активное виновное противоправное, основанное на крайних оценках существующих общественных отношений и их участников поведение, запрещенное законом т преимущественно связанное с насилием, причиняющее или способное причинить ущерб общественным отношениям» [14, 8].

В типологии экстремизма большое значение имеет фактор идейно-политической основы (направленности) экстремистских проявлений. По данному основанию обычно выделяют *политический, национальный и религиозный экстремизм* [2; 13; 20]. Н.В. Волков дополняет данный перечень этническим экстремизмом [9, 5].

Политический экстремизм характеризуется стремлением определенных групп социума (или отдельных граждан) утвердить господство и обеспечить реализацию своей программы, целей и задач, осуществление которых несовместимо с интересами большинства [22, 19]. Он традиционно подразделяется на левый (анархический, троцкистский, маоистский) и правый (неофашистский, расистский) [2, 78].

А.А. Хоровинников наряду с политическим экстремизмом выделяет экстремизм национального характера, экстремизм в сфере культуры, языковой и экологический экстремизм.

При этом религиозный экстремизм он считает разновидностью экстремизма в политической сфере [22, 20–21].

Национальный экстремизм проявляется в сфере межнациональных отношений: в разжигании ненависти между нациями и народностями, в региональных войнах, вооруженных конфликтах и столкновениях, выступает с позиции «своей нации», ее прав и интересов, при этом отвергаются подобные права других национальных и этнических групп [4]. Ряд авторов отождествляют его с этнонациональным экстремизмом [2, 78].

Религиозный экстремизм, в свою очередь, разграничивается исследователями на внутриконфессиональный (противоречия умеренных и агрессивных фундаменталистов) и внешний (нетерпимость к другим конфессиям) [2, 79].

Хоровинников А.А. предлагает классификацию экстремизма по способу воздействия на социальную структуру. По этому критерию он выделяет:

а) явный экстремизм, который фиксируется через открытые действия экстремистских сообществ на определенные социальные идентичности и позиционируется, например, во взрывах, поджогах и захватах заложников;

б) скрытый экстремизм отличается изощренностью и проявляется через манипуляцию индивидуальным и массовым сознанием. Он используется как террористическими организациями, так и государствами тоталитарного и авторитарного типа [22, 19].

Белорусские исследователи представляют еще более развернутый перечень проявлений (видов) экстремизма, среди которых: политический, экономический, религиозный, национальный, идеологический, психологический, военный и потребительский. Потребительским экстремизмом они считают как производство и продажу некачественных, фальсифицированных товаров и услуг (алкогольных напитков, лекарств, туристических поездок), так и деятельность аферистов-потребителей в банковской сфере, страховом бизнесе и торговле [7, 24].

Некоторые авторы выделяют *информационный экстремизм* как деятельность, осуществляемую с помощью информационных технологий, сопряженную с формами социально-психического и опосредованного физического деструктивного влияния, результатом которого является достижение публично нелегитимных и противоправных целей [10; 21]. С юридической точки зрения он представляет собой злостное злоупотребление закрепленной в Конституции России свободой распространения информации, пропагандистскую подготовку активных экстремистских действий, подрывающих безопасность общества и государства [3, 277].

Особенностью экстремизма стало *сращивание его различных форм,* поскольку национальный и религиозный экстремизм активно вторгаются в политическую сферу. В результате этого появились: этнорелигиозный, политико-религиозный, идеолого-психологический экстремизм [7, 25]. В частности, О.А. Русанова, вводя термин «этнорелигиозный экстремизм» отметила, что этнический и религиозный компоненты часто выступают в неразрывной связи (чеченский, курдский, палестинский сепаратизм) [15]. Возникновение этнорелигиозного экстремизма и терроризма, соединение в нем двух начал усиливает его потенциал, увеличивает меру общественно опасного идейного и психологического воздействия на участников этого движения и его социальную базу, сакрализует самые острые формы и методы экстремизма [7, 81].

Политико-религиозный (религиозно-политический) экстремизм, применительно к ситуации на Северном Кавказе, является «крайней нетерпимостью к представителям традиционного течения в исламе, исполнением и интерпретацией отдельных положений ислама в политических целях для противодействия конституционному строю и установления исламского теократического государства с введением в общественную практику норм шариата» [11, 89].

Наиболее значительный массив научных трудов посвящен проблеме *молодежного экстремизма* (экстремизма в молодежной среде), обладающего определенной спецификой. В частности, движение скинхедов включает в себя различные возрастные группы молодежи, имеет на данном этапе аморфное состояние, неоднородный культурный и соци-

альный состав и различную степень организованности.

В некоторых работах встречается характеристика так называемого *социального экстремизма*, который в перспективе может стать серьезной угрозой для гражданского мира. Причинами его возникновения являются долговременное социальное неблагополучие в положении широких слоев населения, достаточно быстрое в условиях кризиса ухудшение социально-экономической ситуации в стране [7, 81].

В соответствии с критерием содержания экстремистской деятельности, выражающегося в ее целях, объектах и методах, можно выделить также:

– насильственный экстремизм, признаками которого является использование открытого вооруженного насилия (например, в Чечне и Дагестане в 1990-е гг.) и терроризма;

– информационно-пропагандистский экстремизм, предполагающий оказание соответствующего информационного (интеллектуального) и психологического воздействия на отдельных лиц и группы лиц;

– организационный экстремизм — это деятельность, направленная на формирование организованных экстремистских сил, обеспечение их функционирования в соответствии с устремлениями экстремистов, а также их целевое использование [2, 83–86]. Эта форма имеет обеспечивающее значение для насильственного и информационно-пропагандистского экстремизма.

В научной литературе понятия «форма экстремизма» и «вид экстремизма» большинством авторов используются произвольно в качестве взаимозаменяемых терминов. По мнению Е.П. Сергуна, они нуждаются в четком разграничении, поскольку не являются тождественными. Форма экстремизма есть «внешнее выражение антидемократической враждебности, состоящее в совершении экстремистом каких-либо деяний». Эти формы могут подразделяться на правомерные и противоправные. Вид экстремизма обозначает лишь идеологическую специфику психологической готовности индивида к практической реализации своих убеждений [16, 103–104].

Многообразие видов экстремизма, предлагаемых отдельными авторами, дополняющими сложившийся перечень «экстремизмов» «спортивным», «социально-экономическим», «бытовым», «расово-этническим» и прочими, нуждается в совершенствовании на основании единых критериев и подходов.

Действительно, экстремистские проявления характерны для всех сфер жизни общества, что позволяет исследователям формировать неограниченный список видов экстремизма. Вместе с тем, многие из них обозначают по существу одно и то же явление (в частности, национальный и национально-этнический экстремизм) или охватываются более широким понятием (исламский экстремизм — подвид религиозного).

Несовершенство и многообразие подходов к понятийному аппарату и типологии экстремизма, отрицательно влияют на законотворчество и правоприменительную практику. Негативными проявлениями теоретических недоработок являются нечеткость понятия экстремизма в российском законодательстве, пробельность Федерального закона «О противодействии экстремизму» и расширительное толкование содержания экстремистской деятельности. В итоге резкий рост статистических показателей преступности в данной сфере отчасти объясняется не обострением социальной напряженности в обществе, а произвольным привлечением к уголовной ответственности лиц за преступления экстремистской направленности.

Литература

[1] *Авдеев Ю.И., Арсеньев В.В., Найденко В.Н.* Экстремизм в современной России: истоки, содержание, типология // Социологическая наука и социальная практика. — 2013. — № 2. — С. 108–122.

[2] *Авдеев Ю.И., Арсеньев В.В., Найденко В.Н.* Экстремизм в современной России: истоки, содержание, типология // Социологическая наука и социальная практика. — 2013. — № 3. — С. 77–91.

[3] *Андреев П.Г.* Информационный экстремизм в России: проблема оказания правового противодействия // Бизнес в законе. — 2009. — № 1. — С. 277–279.

[4] *Андриенко Ю.И.* Национализм как фактор зарождения экстремизма // Проблемы правоохранительной деятельности. — 2014. — № 1. — С. 17–21.

[5] *Аристархова Т.А.* Основные черты и особенности молодежного экстремизма // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. — 2014. — № 1–2. — С. 32–37.

[6] *Беглова О.А.* Любой ли экстремизм противоправен? // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 14. Право. — 2011. — № 4. — С. 61–69.

[7] *Бочков А.А., Бородич В.М., Ивашкевич Е.Ф.* Понятие, причины и пути борьбы с экстремизмом // Ученые записки УО ВГУ им. П.М. Машерова. — 2006. — Т. 5. — С. 22–38.

[8] *Вехов И.В.* Экстремизм как объект социологического исследования // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. — 2009. — № 111. — С. 284–290.

[9] *Волков Н.В.* Экстремизм как крайняя форма сепаратизма: проблема определения социально-правовой сущности феномена // История государства и права. — 2006. — № 9. — С. 4–5.

[10] *Воронович Н.К.* Информационный экстремизм в глобальной компьютерной сети интернет // Общество и право. — 2012. — № 1. — С. 290–292.

[11] *Гаджиев Д.М., Гаджиев М.Д.* Религиозно-политический экстремизм: проблемы и некоторые решения // Криминология: вчера, сегодня, завтра. — 2011. — № 23. — С. 89–96.

[12] Главный информационно-аналитический центр МВД России [Электронный ресурс]. — URL: https://mvd.ru/mvd/structure1/Centri/Glavnij_informacionno_analiticheskij_cen

[13] *Мартыненко Б.К.* Политический терроризм: понятие, признаки, классификация // Северокавказский юридический вестник. — 1999. — № 7. — С. 66–74.

[14] *Никитин А.Г.* Экстремизм как объект общетеоретического и общеправового анализа: автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.01. — М., 2010. — 23 с.

[15] *Русанова О.А.* Этнорелигиозный экстремизм как социальное явление в российском обществе (на примере северокавказского региона) // Вестник Московского университета. Сер. 18. Социология и политология. — 2005. — № 2. — С. 21–41.

[16] *Сергун Е.П.* Соотношение понятий «вид экстремизма» и «форма экстремизма» // Правовая культура. — 2013. — № 1 (14). — С. 99–105.

[17] *Сергун Е.П.* Экстремизм в Российской Федерации: уголовно-правовой и криминологический аспекты: учеб. пособие. — Саратов, 2005. — 98 с.

[18] *Сокол В.Ю.* Современный экстремизм: сущность, проблемы противодействия. — Краснодар: Академия МВД России, 2005. — 207 с.

[19] *Султанов А.Р.* Проблемы применения норм законодательства о противодействии экстремизму // Российская юстиция. — 2010. — № 9. — С. 66–68.

[20] *Тамаев Р.* Борьба с экстремизмом: необходимо международное сотрудничество // Законность. — 2007. — № 6. — С. 57–60.

[21] *Упорников Р.В.* Политико-правовые технологии противодействия информационному экстремизму в России: дис. … канд. юрид. наук: 23.00.02. — Ростов н/Д., 2007. — 148 с.

[22] *Хоровинников А.А.* Экстремизм как социальное явление (философский анализ): автореф. дис. … канд. филос. наук: 09.00.11. — Саратов, 2007. — 27 с.

УДК 316.334

ОРЛОВ Михаил Олегович,
кандидат философских наук, профессор кафедры
теологии и религиоведения, декан философского факультета
ФГБОУ ВПО «Саратовский государственный университет
им. Н.Г. Чернышевского
e-mail: orok-saratov@mil.ru

ДУХОВНАЯ ТРАДИЦИЯ РОССИИ КАК ФАКТОР НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА[1]

Общепризнанным как в научной среде, так и в официальных государственных документах и выступлениях является тот факт, что в настоящее время механизмы передачи от поколения к поколению ценностей и норм не функционируют должным образом. По оценке экспертов-социологов, ценностная система россиян в настоящий момент хаотична — она переживает трансформацию и окончательно не сложилась. В данной статье исследуется духовная традиция России как фактор национальной безопасности страны.

Ключевые слова: *национальная безопасность, духовность, традиции, факторы, кризис, преемственность, поколение.*

Президент России В.В. Путин в своих выступлениях неоднократно обращался к вопросу о сохранении национальной, культурной идентичности в глобальном мире. «Здоровая семья и здоровая нация, переданные нам предками традиционные ценности в сочетании с устремленностью в будущее, стабильность как условие развития и прогресса, уважение к другим народам и государствам при гарантированном обеспечении безопасности России и отстаивание ее законных интересов — вот наши приоритеты» [6]. В ходе состоявшейся 24 октября 2014 г. итоговой пленарной сессии XI заседания Международного дискуссионного клуба «Валдай» на тему «Мировой порядок: новые правила или игра без правил?» В.В. Путин подчеркнул: «Россия свой выбор сделала, наши приоритеты — дальнейшее совершенствование институтов демократии и открытой экономики, ускоренное внутреннее развитие с учетом всех позитивных современных тенденций в мире и консолидация общества на основе традиционных ценностей и патриотизма» [1]. «Язык, культура, история, духовные ценности и национальные традиции — это основа основ, и внимание к ним государства, общества должно быть и будет постоянным. Только так можно уверенно развиваться, сохранять свою самобытность, сберегать себя как народ» [7].

Утвержденная в конце декабря 2014 г. «Военная доктрина Российской Федерации» среди военных угроз для страны в первую очередь отмечает: «Мировое развитие на современном этапе характеризуется усилением глобальной конкуренции, напряженности в различных областях межгосударственного и межрегионального взаимодействия, соперничеством ценностных ориентиров и моделей развития…» [2]. Согласно «Основам государственной культурной политики», принятым 24 декабря 2014 г., в число целей государственной политики в сфере культуры входит передача от поколения к поколению традиционных для российской цивилизации ценностей и норм, традиций, обычаев и образцов поведения» (раздел IV).

В то же время общепризнанным как в научной среде, так и в официальных государствен-

[1] Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-33-12009.

ных документах и выступлениях является тот факт, что в настоящее время механизмы передачи от поколения к поколению ценностей и норм не функционируют должным образом. По оценке экспертов-социологов, ценностная система россиян в настоящий момент хаотична — она переживает трансформацию и окончательно не сложилась. В 1917 году произошел крах системы ценностей, связанной с православной государственностью, а в 90-х годах распалась советская идеология. С этого момента в обществе перестала существовать единая система ценностей. По мнению экспертов, «люди до сих пор не оправились от ощущения выбитой из-под ног почвы». В обществе отсутствует то, что ранее определялось как незыблемая духовная основа нации. Ученые прогнозируют, что процесс создания новой единой системы ценностей может стать длительным. Материальная сторона человеческой жизни стремится стать доминантной, первоочередной целью, в процессе достижения которой используются любые, даже самые нецивилизованные средства. Данная тенденция подталкивает российское общество и составляющих его отдельных личностей к забвению национальных традиций, выражающих в себе духовно-нравственные устои, долгие годы организующие и сохраняющие социальные структуры, стабилизирующие жизнь этносов. «Основы государственной культурной политики» говорят об угрозе «гуманитарного кризиса», проявлениями которого могут стать девальвация общепризнанных ценностей и искажение ценностных ориентиров; рост агрессии и нетерпимости, проявления асоциального поведения, деформация исторической памяти и атомизация общества — разрыв социальных связей, рост индивидуализма. Особенно уязвимой для негативного воздействия разрушения традиционных представлений и норм стала семья [4, 65–76].

Существенным методологическим препятствием в осмыслении феномена духовной традиции и ее кризиса является то обстоятельство, что сегодня духовная традиция зачастую описывается в терминах «духовных» и «традиционных» ценностей, при том, что данное понятие используется в различных, а порой и противоположных значениях. Богословские осмысление понятия «ценности», определение его четкого значения по сравнению с «идеалами», «нормами», «добродетелями», «религиозными представлениями» позволит существенно обогатить представление о духовной традиции, а также выявить механизмы исторического формирования и девальвации духовных и традиционных ценностей.

Рассмотрение проектов в сфере образования, показывает разрыв между правильно заявляемыми целями и реальным инструментарием, который в лучшем случае обеспечивает «толерантную» информированность ребенка о родной и чужих культурах, но не обеспечивает его укорененность в духовном опыте своего народа. Одной из ключевых проблем в этой сфере, на наш взгляд, является напряженная боязнь педагогов быть обвиненными в пропаганде одной культуры в условиях многонационального общества и тем самым ущемления принципа равноправия и чьих-то прав. Это происходит от незнания универсальности и специфики русской культуры, в создании и развитии которой приняли участие все народы России и некоторых стран ближнего зарубежья, и которая поэтому является родной культурой для всех народов России. На наш взгляд, вместо уроков толерантности и «ознакамливания» необходимо раскрыть перед детьми глубину и красоту русской культуры, вызвать к ней любовь и навыки бережного обращения, которые будут присутствовать в любом общении с представителем другой культуры, — а не относиться к русской культуре как к чему-то постыдному и задевающему чьи-то чувства.

Таким образом, произошла уже не замечаемая подмена понятий, когда профилактические меры по недопущению межнациональных конфликтов и противодействию распространению деструктивных сект из необходимой, но вспомогательной меры стали «современными технологиями» «формирования духовно-нравственного мировоззрения». С другой стороны, если толерантность является главной целью такого воспитания, то она действительно становится основой «духовно-нравственного мировоззрения».

Одно из ключевых мест в воспитании любви к Родине у российской молодежи занимает увековечивание памяти подвига советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Для российского общества вос-

поминание о Великой Отечественной войне действительно стало единственным объединяющим началом и своего рода безусловной этической ценностью. На рассказах о героических подвигах участников войны, встречах с ветеранами, проведении памятных церемоний строится большая часть того, что называется патриотическим воспитанием молодежи. Считается, что это почитание вдохновит подрастающее поколение на повторение подвигов своих предков и любовь к родной земле, а юношей — на службу в рядах Российской армии. Однако мало кто задается вопросом: что на самом деле является со стороны потомков достойной благодарностью за неисчислимые жертвы и продолжением героического подвига? Какой реальный духовный опыт передается в памятных церемониях кроме опыта ритуального уважения к прошлому? Что из духовного опыта ветеранов сможет применить уже третье или четвертое поколение молодежи ядерной эпохи в условиях отсутствия со стороны государства проектов, способных мобилизовать все общество?

Очевидно, что у всех церемоний, имеющих, безусловно, позитивное воспитательное и нравственное значение, такого опыта нет, поэтому попытки абсолютизировать почитание Великой Отечественной войны как безусловной ценности, являются следствием исчезновения в обществе настоящего духовного опыта. Сделать уроки мужества, возложения цветов к памятникам героям основной формой патриотического воспитания со стороны их организаторов легче и удобнее, чем собственным примером учить молодежь трудолюбию, честности и великодушию [5, 88].

Обзор предпосылок и последствий кризиса духовной традиции указывает на один общий аспект, связывающий все указанные феномены, а именно, отказ от общего универсального духовного опыта как настоящей основы духовной традиции. Смешение различных жизненных опытов, поколений, культур и народов становится угрозой только для той традиции, чье содержание основано на локальном человеческом опыте, зачастую являющемся случайным [8, 88–98]. Апелляция к «вечным ценностям», таким как честность, трудолюбие, патриотизм, оказываются тщетными, прежде всего, потому, что данные этические феномены представлены только как слова, не подкрепленные соответствующим духовным опытом, а выбор того или иного конкретного духовного опыта блокируется запретами толерантности. Постсоветские десятилетия показали, что нарушение личной передачи опыта в науке, производстве, государственной и муниципальном управлении привело к потере многих технологических навыков и общему снижению эффективности экономики и социальной сферы страны. Между тем «возрождения нравственности» в обществе, которая в более высокой степени зависит от личного примера, светское общество стремится добиться посредством безличной и, как мы видели, не всегда адекватной пропаганды соответствующих «ценностей». При этом очевидно, что никакие воспоминания о подвигах минувших поколений не могут стать основой для принятия этических решений для современного человека. Неполноценная работа механизмов духовной традиции приводит к углублению ее кризиса, что очевидно негативным образом сказывается на нравственном и культурном состоянии общества, которое совершает все новые витки по спирали моральной деградации [3, 87–96].

Таким образом на сегодняшний день как представителями государственной власти, так и представителями всех традиционных для России религий разделяется убежденность в важности возрождения значения традиционных ценностей для полноценного развития общества, указываются негативные последствия нарушения передачи традиционных ценностей от поколения к поколению. Все это свидетельствует о том, что духовная культурная традиция является важным фактором национальной безопасности нашего государства.

Литература

[1] Заседание Международного дискуссионного клуба «Валдай» // Президент России [Офиц. сайт]. — URL: http://www.kremlin.ru/news/46860 (дата обращения: 15.01.2015).

[2] Военная доктрина Российской Федерации // Российская газета [Офиц. сайт]. — URL: http://www.rg.ru/2014/12/30/doktrina-dok.html (дата обращения: 15.01.2015).

[3] *Нигматуллина Т.А.* Патриотическое воспитание молодежи в системе государственной политики: идеологическое многообразие // Вопросы национальных и федеративных отношений. — 2013. — № 3. — С. 87–96.

[4] *Нигматуллина Т.А.* Трансформация института семьи в современном мире: мировые и российские тенденции // Этносоциум и межнациональная культура. — 2013. — № 6. — С. 65–76.

[5] *Орлов М.О.* Социально-политические факторы динамики глобальных процессов // Власть. — 2008. — № 8. — С. 84–88.

[6] *Путин В.В.* Послание Президента Федеральному Собранию Российской Федерации 4 декабря 2014 г. // Президент России [Офиц. сайт]. — URL: http://www.kremlin.ru/news/47173 (дата обращения: 15.01.2015).

[7] Стенографический отчет о церемонии вручения Государственных премий Российской Федерации 12 июня 2014 г. // Президент России [Офиц. сайт]. — URL: http://www.kremlin.ru/transcripts/45898 (дата обращения: 15.01.2015).

[8] *Сулейманова Ш.С.* Национальная культура в контексте национальной политики // Вопросы национальных и федеративных отношений. — 2015. — Вып. 1(28). — С. 88–98.

УДК 327:33(470)

СОКОЛОВА Мария Сергеевна,
кандидат социологических наук,
ОУП ВО «Академия труда и социальных отношений» (г. Москва)
e-mail: mss591@rambler.ru

ЭФФЕКТИВНОСТЬ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ КАК ОДИН ИЗ ФАКТОРОВ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА

Национальная безопасность страны зависит от целого ряда факторов, в том числе и от грамотных управленческих решений. В статье рассматривается управленческое решение с позиции социальной результативности, а управленческая деятельность — с позиции субъект-субъектных отношений, предполагающей взаимодействие субъекта и объекта управления. Автор обращает внимание на отсутствие социальных показателей в принятии управленческих решений и настаивает на том, что, совершенствуя механизмы управления, нельзя недоучитывать последствия управленческих решений как для общества в целом, так и для конкретного человека.

Ключевые слова: *управленческие решения, субъект управления, объект управления, взаимодействие, совместная жизнедеятельность, социальные показатели.*

Принятие управленческих решений — та область человеческой деятельности, которая трудно поддается контролю как извне, со стороны внешних факторов, так и изнутри, со стороны факторов, относящихся к внутреннему, личностному содержанию человека, принимающего решение. Рационализация, аналитическое расчленение процесса принятия решения, его алгоритмизация направлены на получение максимального управленческого эффекта и, что является более важным, на достижение социального результата. Как на уровне государственного управления, так и на более низких управленческих уровнях зачастую не принимаются во внимание ни человеческие затраты, ни «человеческий эффект», выраженный в показателях влияния как на индивидуальные, так и на социальные, общественные, составляющие.

При рассмотрении отношений управления практически всегда рассматривается двухкомпонентная формула, состоящая из объекта и субъекта управления, причем, как правило, она рисуется в вертикальной плоскости, где обязательно наверху субъект управления, наделенный полномочиями власти, а внизу — объект управления, наделенный только полномочиями подчинения.

Попытки на равных взаимодействовать с властью так называемых «объектов управления» обычно ни к какому результату, кроме негативного, не приводят. Однако было бы крайне недальновидно опускать вовсе этот показатель жизни страны, общества. Традиционное ассоциирование власти только лишь с государственными учреждениями, чиновниками уже становится неактуальным. С распространением идей гуманизации общественного развития, проникновением их буквально во все сферы общественной (в широком смысле) жизни становится более актуальным рассмотрение отношений власти — подчинения с позиции субъект-субъектных отношений [3, 65].

Именно такой подход на основе изучения закономерностей, в соответствии с которыми строится совместная жизнедеятельность людей, предлагает свою логику осмысления результативности управленческой деятельности. Управление, пронизывая всю систему общественных отношений, одновременно является и социальным институтом и видом деятельности, который складывается в систему взаимодействия, состоящей из двух подсистем: формальной (официальной) и неформальной (неофициальной). Социальными взаимодействия-

ми пронизано управление общественными системами и процессами, начиная от микроуровня (межличностное, внутри организации, фирмы) и заканчивая общегосударственным уровнем. Высшие государственные органы власти взаимодействуют (прямо и опосредованно) с гражданами и различными общественными организациями, на поведение которых направлены соответствующие управленческие воздействия. При этом складываются устойчивые социальные связи, которым необходимо придать оптимальный характер. Именно социологический подход, основанный на выяснении мнения людей, так называемой «обратной связи», к анализу управляющей системы в той или иной организации предполагает выяснение того, насколько функциональными являются взаимосвязи между образующими ее элементами и ее деятельность.

Функциональность — это один из многих критериев, который свидетельствует об управляемости системы, ее рациональной организации, эффективности. Распространенные в настоящее время экономические подходы к оценке функциональности, к сожалению, превалируют в структуре механизмов реализации функций органа власти или организации. Многие годы формирования нового социального строя (уклада общественной жизни) приучали людей к социальным ценностям: ценности коллектива, ценности социального окружения, ценности общества в целом. Социальное пробивало себе дорогу сквозь тернии в авторитарной и тоталитарной государственности.

Авторитаризм приводил зачастую к недооценке значимости человеческого фактора, особенно в индивидуальном его проявлении, для судеб страны («нет человека — нет проблемы», «работник — винтик в механизме производства», «не отделяйся от коллектива» и т. п.), что неминуемо сказывалось, да и сейчас сказывается, на различных параметрах жизнедеятельности общества, его социальной структуре, уровне и качестве жизни населения, его социальном положении и социальных статусах населяющих страну людей. Ухудшение этих показателей при достижении критических значений является угрозой социальной безопасности, понимаемой в широком смысле как ухудшение социальных показателей жизни страны.

При проведении аттестации персонала зачастую выводится за рамки практики аттестация руководящего состава организации. Складывается впечатление, что это некие персоны «нон-грата», которые наделены должностным иммунитетом и практически не совершают ошибок в своей управленческой деятельности. Тем не менее, практически каждый подчиненный сталкивается в течение своей трудовой деятельности с ошибками руководителя, на которые он не может ему указать, так как ощущает свое зависимое положение и не может себе позволить потерять место. Особенно остро эту проблему чувствуют те, кому за 50, т. е. люди, работавшие в советское время. Вспомним, что любой руководитель по своим должностным полномочиям, конечно же, находился в подчинении у вышестоящего руководителя, и только тот мог контролировать действия своего подчиненного в сфере профессиональной деятельности (обеспечение производства продукции, соблюдение технологического процесса). Однако форма взаимодействия с подчиненными, а также действия руководителя, т. е. человека, наделенного властными полномочиями, применяющего некорректную форму общения или не соответствующие трудовому законодательству в отношении подчиненного, контролировались общественными организациями, такими как партийная, профсоюзная и комсомольская организации (причем для руководителей низового звена управления достаточно было бесед с руководителями первичных организаций, лидер которой находился в подчинении у того же начальника; руководители средних звеньев управления вызывались на беседы в партком организации; руководители высших звеньев управления — на беседы в райком или горком). Может быть, поэтому руководитель «не отделялся от коллектива», чувствовал себя с ним единым целым, проявлял больше чуткости в отношениях с людьми, соответственно, люди не чувствовали себя незащищенными и беспомощными, прежде всего, в отношениях со своими начальниками да и столкнувшись с трудными жизненными обстоятельствами [1–2].

Какова же ситуация сейчас? По данным опроса, предпринятым журналом «Дилетант», «треть участников опроса уверены, что главная

беда — это безграмотность управленцев, от начальников отдела до первых лиц страны» [4].

Очевидно, что тип культуры существенно влияет на взаимоотношения начальник-подчиненный. В традициях российской культуры начальство должно быть строго, но справедливо, однако русским, по мнению авторов статьи, трудно делать свою работу в нездоровой атмосфере, шведы предпочитают отношения сотрудничества между начальником и подчиненными, авторитарный стиль популярен у испанцев и французов, однако и там 20% видят в таком стиле ограничение их творческого потенциала; 90% принявших в опросе поляков ценят хорошие личные отношения с начальником; чехи и болгары видят в своем руководителе наставника. Азиатские подчиненные ценят гармонию и иерархию, они не возражают начальнику, идут намеченным им курсом. Для американцев большое значение имеют «soft skills» или «социальные компетенции», которыми должны обладать и начальник, и подчиненные [4].

Отсутствие социальных показателей в принятии управленческих решений сегодня с очевидностью замечается многими исследователями-социологами. А неправомерное сужение значения «общественный» или «социальный» применительно лишь к сфере социального вспомоществования вообще уводит общественность от функций, традиционно закрепленных за социальными институтами: функций социального контроля, самоуправления, воспитания и социализации, традиционно закрепленных за общественными организациями.

Обобщая вышеизложенное, можно сказать, что, совершенствуя механизмы управления, нельзя недоучитывать последствия управленческих решений именно для общества в целом и для конкретного человека. Почему-то принцип адресности проник только в сферу оказания социальной помощи, в то время как статусный управленец должен с не меньшей внимательностью относиться к судьбам людей. Примеров формализма в сфере человеческих отношений много: это и формальные учителя, которые теперь не учат, а «оказывают образовательные услуги», это работодатели, которые не работают в едином коллективе, а нанимают и увольняют наемного работника, это и чиновники, которые могут на всю страну заявить об ухудшении и без того плохих экономических условий жизни людей. На взгляд автора, необходимо повернуть вектор управления в сторону человеческого отношения к объектам воздействия и судить об эффективности функционирования того или иного субъекта управления не только по экономическим показателям, но и по социальным.

Литература

[1] *Соколова М.С.* Социальная компетентность управленческих кадров и ее формирование на основе социально-технологического подхода. — М.: ИД «АТиСО», 2015.

[2] *Соколова М.С.* Социальная компетентность как фактор эффективности управления: социализация подхода // Путеводитель предпринимателя: сб. науч. трудов / под научной ред. Л.А. Булочниковой. — Вып. XXVI. — М.: Российская академия предпринимательства; Агентство печати «Наука и образование», 2015.

[3] Социальный менеджмент: учебник / под ред. Д.В. Валового. — М.: Бизнес школа «Интел — Синтез», АТиСО, 2000.

[4] URL: http://diletant.ru/articles/24255802/

УДК 327(470)

СУЛЕЙМАНОВ Артур Рамилевич,
кандидат политических наук, заведующий кафедрой
трудового права и профсоюзного движения
Башкирского института социальных технологий (филиала)
ОУП ВО «Академия труда и социальных отношений» (г. Уфа),
докторант кафедры
национальных и федеративных отношений
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте России
suly-artur@rambler.ru

РОССИЙСКИЙ РЕГИОН В СИСТЕМЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СТРАНЫ

Дезинтеграционные тенденции в российских регионов представляют большую угрозу для целостности государства и могут активизироваться в самых различных регионах. Особая роль в этих процессах уделяется региональным элитам, которые в тех или иных условиях могут выступать гарантами конституционной целостности страны или фактором дезинтеграционной активности отдельно взятого региона. В данной статье исследуется роль регионов в системе обеспечения национальной безопасности России.

Ключевые слова: *федерализм, регион, национальная политика, национальная безопасность, дезинтеграционный потенциал, суверенитет, национальные и федеративные отношения, целостность.*

Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года, утвержденная в мае 2009 г., провозглашает переход России к новой государственной политике в области национальной безопасности. Она раскрывает официально признанную систему стратегических приоритетов, целей и мер, определяющих состояние национальной безопасности и уровень устойчивого развития государства на долгосрочную перспективу. В этом документе большое место занимают вопросы региональной безопасности, Достаточно сказать, что в нем более 20 раз употреблены термины «регион» и «региональный» и еще более 10 раз — «субъекты Российской Федерации». Продолжающиеся как целенаправленно, так и в связи с изменениями политической и экономической коньюнктуры, реформы политической и административной системы, направленные на повышение роли самостоятельности субъектов Российской Федерации и повышение их ответственности по выполнению государственных обязательств, вызывают множественные концептуальные и практические проблемы [7].

Если обратиться к истории федеративного строительства России и перехода советской территориально-политической системы к современной российской, то сама проблема дезинтеграционных процессов выражена в двух взаимообусловленных уровнях:

– идеологическое обособление этнических общностей от Центра. Как правило, субъектами подобной дезинтеграционной активности выступают этнические общности, стремящиеся к политической независимости их региона от Российской Федерации. При этом сам вопрос о выходе из страны не ставится. Равнодушие к общефедеральным процессам, к становлению общегражданской идентичности, экономическая независимость — вот основные цели этих политических сил. Подобные тенденции развивались и протекали в последние годы существования Советского Союза и были

выражены в антисоветских лозунгах этнических меньшинств. Советская государственность воспринималась ими как некая спонсорская помощь регионам;

– физическое обособление регионов от Центра и разрушение полиэтнической целостности государства и общероссийской идентичности. Цель дезинтеграционных сил заключается в физическом разрушении страны как целостной политической системы. Подобные дезинтеграционные тенденции носят открытый антигосударственный характер, в советское время поддерживались как русскими, так и нерусскими силами и сыграли субъектное значение в развале СССР [6].

В последнее время проблемы дезинтеграции, сепаратизма, обособления приобретают новые импульсы, от которых не может быть застраховано ни одно государство. Что даже позволяет (хотя бы условно) говорить о том, что с 2014 года появилась некая политическая «мода» на дезинтеграцию и сепаратизм. Венеция хочет выйти из состава Италии, Шотландия — из Великобритании. Регионам нужны новые центры. «Парад суверенитетов» сменился «парадом сепаратизма» [2].

Действительно, дезинтеграционные тенденции в Российской Федерации были активированы, если так можно выразиться, еще на этапе «парада суверенитетов». В связи с этим считаем целесообразным рассмотреть этот аспект более подробно.

По нашему мнению, активизация дезинтеграционных тенденций в Российской Федерации в условиях «парада суверенитетов» была обусловлена объективными и субъективными (противоречием федеральной элиты) причинами.

Объективные причины:

– В начале 90-х годов децентрализованные методы управления страной еще не были выработаны, что вызывало политическое недовольство регионов России.

– Произошло устаревание социально-экономических и материально-ресурсных связей Федерации с регионами, которые в силу трансформационных процессов также не были обновлены и зиждились на советском наследии. На особом дотационном положении находились лишь города федерального значения, которые и без этого были в более выгодном экономическом статусе.

– С разрушением советской политической системы была разрушена и прежняя форма идеологического единения людей. «Новая» государственность была еще не способна идеологически обогатить общество, которое, по сути, было предоставлено само себе. В связи с раскрепощением идеологического ядра трансформирующегося государства в сознании людей образовался вакуум, который и стал заполняться различного рода сепаратистскими и националистическими лозунгами.

– Опыт бывших советских республик, которые стали позиционировать себя как суверенные национальные государства, мотивировал российские регионы (особенно республики) к этновозрождению, провозглашению новых этнических или национальных лозунгов.

Субъективные причины:

– «Парад суверенитетов» стал политическим инструментом противоборства двух элитарных центров власти на федеральном уровне. И был использован Президентом России Б.Н. Ельциным для привлечения губернаторского корпуса на свою сторону.

– В условиях политической борьбы высших федеральных эшелонов власти региональные элиты пользовались ситуацией и занимались укреплением своего субъекта Федерации, по сути, в ущерб общероссийской государственности. Региональные элиты пытались максимально сосредоточить финансовые и административные рычаги в своих руках [8].

Стоит особо отметить, что дезинтеграционным тенденциям были подвержены не только российские республики (Республика Татарстан, Республика Чечня), но и другие субъекты Федерации. Края и области также стремились к повышению своего политического веса в общефедеративной системе (так, например, в 1993 году Свердловская область приняла Конституцию Уральской Республики).

В целом же, в отличие от национально-территориальных образований, «регионализация» российских областей и краев не представляли реальной угрозы для целостности страны. Даже Уральская Конституция 1993 года признавала верховенство федеральных законов и федеральной власти над региональными за-

конами на своей территории. Кроме того, когда данная Конституция была отклонена федеральным центром, общественность никак не отреагировала, и в ее защиту не было ни массовых демонстраций, ни других акций протеста [4].

Нельзя обойти вниманием и тот факт, что в СССР существовало противоречие между двумя государственно образующими принципами: национально-территориальным и административно-территориальным. Это противоречие было заложено еще в царской России, что, в свою очередь, привело к пренебрежению национально-этническими интересами. С развалом Советского Союза ситуация в Российской Федерации не изменилась, однако механизмы управления Центра субъектами Федерации еще не были сформированы, а существовавшие были неэффективными. Это привело в самом начале 90-х годов XX века к всплеску этнического сепаратизма в национальных республиках [3].

Только к концу 1993 г. центробежные тенденции начали постепенно угасать. С одной стороны, это было связано с тем, что понизился уровень активности национальных движений, которые выступали с сепаратистскими лозунгами. Кроме того, выборы 1994 года и более поздние выборы в органы государственной власти субъектов федерации показали, что национальные движения во многом лишились поддержки населения, и людей больше заботило сохранение целостности страны [1].

С другой стороны, роспуском парламента завершилось противостояние Президента Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. Свою роль сыграло и выступление в октябре 1993 г. Б.Н. Ельцина о необходимости пересмотра осуществления хозяйственной реформы и переноса центра тяжести экономических преобразований в регионы. В результате стали меняться прежние экономические отношения между регионами и центром. Так, к примеру, была увеличена доля региональных бюджетов, и несколько расширены права регионов во внешнеполитической деятельности [1].

Если рассматривать современность, то далеко не все научное сообщество склонно считать, что в современной России имеются реальные очаги дезинтеграционной активности. Директор Института этнологических исследований Уфимского научного центра РАН А.Б. Юнусова убеждена в отсутствии реальных внутренних угроз целостности Российской Федерации [10].

При всем уважении к коллеге с данным мнением нельзя согласиться. И современная политическая действительность тому подтверждение. Те дезинтеграционные тенденции, которые запущены в региональном измерении на современном евразийском пространстве, не могут не настораживать. От синдрома территориально-политической дезинтеграции не смогли застраховать себя даже европейские государства, такие как Великобритания (возможности территориального отчуждения Шотландии от Великобритании).

Более того, по данным «Левада-центра» (на конец 2013 г.), проблемы дезинтеграции России существенной в той или иной степени считают 74% россиян, и лишь 9% уверены, что «такой проблемы нет» [11]. Опрос прошел 15–18 ноября 2013 г. в 45 регионах Российской Федерации. Каковы же возможные очаги (центры) консолидации дезинтеграционной активности в федеративной России?

Дезинтеграционные тенденции в современных условиях могут активизироваться в самых различных регионах. По нашему мнению, не стоит абсолютизировать и связывать очаги дезинтеграции лишь с приграничными регионами, центробежной политической «чуме» могут быть подвержены (хотя и гипотетически) любые субъекты Федерации. Другое дело, что не все из них имеют этнические, культурные основания и могут муссироваться отдельными политическими элитами для реализации своих узконаправленных интересов.

Так, на примере Республики Башкортостан и Республики Татарстан хотелось бы проанализировать роль элит в консолидации страны и выработке общегосударственной гражданской идентичности.

Республика Башкортостан (контрэлитная дезинтеграционная активность), как и другие республики Поволжья, на этапе «парада суверенитетов» испытывала на себе тенденции этнической дезинтеграции, выраженной в не-

ком социально-культурном сопоставлении так называемого титульного этноса с другими этническими общностями и народностями. В Республике Башкортостан подобные тенденции были выражены в следующих аспектах: обязательное изучение башкирского языка в школах, результаты переписи и т. д. Необходимо особо подчеркнуть, что радикальной конфронтации этносов на территории Республики Башкортостан не было, и сама дезинтеграционная активность была скорее лингвистическо-культурной. Вместе с тем, на наш взгляд, лингвистическо-культурная [5; 9] (лингвистическо-этническая) дезинтеграционная активность в Республике Башкортостан сегодня трансформировалась в контрэлитную, которая выражена в определенной политической конкуренции действующей власти в Республике Башкортостан с оппозицией, в своем большинстве поддерживающей прежнюю власть.

Совершенно очевидно, что подобная политическая контрастность в Республике Башкортостан, существование как минимум двух «центров» региональной власти (элиты и контрэлиты) пагубно сказываются на преодолении дезинтеграционных тенденций в регионе, т. к. в политических играх элит и контрэлит вновь может быть разыграна «этническая карта», как в период «парада суверенитетов», но с более радикальной выраженностью.

Республика Татарстан (интеллектуальная дезинтеграционная активность). Еще в период «парада суверенитетов» Республика Татарстан (как, собственно, и Чеченская республика) находилась на особом положении в сфере отношений Центр — периферия. Татарстан не принимал участия во всенародном голосовании за проект Конституции России 1993 года. Более того, республика окончательно подписала Федеративный договор о разграничении полномочий Центра и регионов 1992 года лишь в 2007 году. Это позволяет утверждать, что Республика Татарстан, если так можно выразиться, выступает «привилегированным» субъектом Федерации, что совершенно недопустимо для преодоления дезинтеграционных тенденций.

Республика Татарстан переживает сейчас интересную эволюцию. Татарстану удалось стать главным претендентом на роль (альтернативного официальной Москве) научного генератора гуманитарных подходов, создающим собственную модель исторического, этнологического и политологического описания российской реальности. В Казани серьезно занимаются проблемой адаптации собственных наработок к российскому общественному мнению — как либеральному, так и склонному к традиционным ценностям. В своих работах Л. Гумилев и А. Фоменко склонны к «реабилитации» роли татар в русской истории, что свидетельствует об интеллектуальном характере татарской дезинтеграционной деятельности.

Очевидно, что список возможных гипотетических угроз национальной безопасности страны (посредством институционализации дезинтеграционной активности российских регионов) не ограничивается лишь российскими республиками. Дезинтеграционная активность может, например, вспыхнуть в приграничных регионах, таких как Калининградская область. Вместе с тем от дезинтеграционных тенденций в полной мере не может быть защищен ни один регион в условиях глобализации современного политического процесса, и от того какой курс выберет властвующая элита будет зависеть целостность и безопасность страны.

Литература

[1] *Аминов И.Р., Сулейманов А.Р.* Институционализация национальной безопасности в истории России: внешние и внутренние угрозы // Правовое государство: теория и практика. — 2014. — Т. 2. — № 36. — С. 111–115.

[2] *Гайдук В.В.* «Парад суверенитетов» сменился «парадом сепаратизма» [Электронный ресурс]. — URL: http://corrupcia.net/aboutnews/item-892.html

[3] *Гайдук В.В., Демьяненко Ю.А.* Этнополитический инструментарий национальной безопасности Российской Федерации // Вопросы национальных и федеративных отношений. — 2013. — № 3 (22). — С. 113–125.

[4] *Гайдук В.В., Сулейманов А.Р.* Национальная политика в Российской Федерации: траектории, развилки, тупики // Вопросы национальных и федеративных отношений. — 2012. — № 1. — С. 115–121.

[5] *Гайдук В.В., Сулейманов А.Р.* Регион в системе обеспечения национальной целостности и безопасности России: дезинтеграционный потенциал // Вопросы национальных и федеративных отношений. — 2014. — № 2 (25). — С. 59–68.

[6] Национальная идея России: В 6 т. — Т. V. — М.: Научный эксперт, 2012. — 696 с.

[7] *Полосин А.В.* Регион в системе национальной безопасности Российской Федерации (теоретико-методологические проблемы). — М., 2010 — 254 с.

[8] *Сулейманов А.Р.* Национально-территориальная безопасность российского государства: ретроспективный анализ // Вопросы национальных и федеративных отношений. — 2013. — № 3 (22). — С. 126–132.

[9] *Сулейманов А.Р.* Этническое измерение национальной безопасности современной России// Вопросы политологии. — 2013. — № 3. — С. 112–117.

[10] *Юнусова А.Б.* Сепаратизм в России? Считаю, говорить не о чем [Электронный ресурс]. — URL: http://www.pravda.ru/news/politics/11-11-2013/1181656-separatizm_unusova-0//

[11] URL: http://www.kommersant.ru/doc/2354209

УДК 316:1

АНГЕЛИ София Сергеевна,
Руководитель Детской общественной правовой палаты
при Башкирском институте социальных технологий (филиале)
ОУП ВО «Академия труда и социальных отношений» (г. Уфа),
аспирант 2-го года обучения ФГБОУ ВПО
«Башкирский государственный университет» (г. Уфа)
e-mail: sofi.angeli@mail.ru

КСЕНОФОБИЯ КАК УГРОЗА НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА: НА ПРИМЕРЕ РОССИИ И ГРЕЦИИ

В статье рассматривается проявление феномена ксенофобии в современном обществе России и Греции. Проанализированы основные причины и формы проявления ксенофобии в современном российском обществе.

Ключевые слова: *ксенофобия, мигрантофобия, национальная безопасность, сепаратизм, этнофобия, религиозная нетерпимость, национальная политика.*

Удивительные метаморфозы происходят с содержанием терминов и понятий, которые берут свое начало в древности. Например, понятие ксенофобия буквально в переводе с древнегреческого означает «страх чужого» (*ξένος* — чужой; *φόβος* — страх), поэтому идеи ксенофобии реализовывались в мировоззрении древних греков на основе четкой демаркации «свой» — «чужой», «эллин» — «варвар».

Сегодня понятие ксенофобии трактуется в несколько радикальном ключе. Ксенофобия для современного человека — это не просто страх чужого, это выражение агрессии, ненависти, непринятие неизвестного, а потому и враждебного. Религиозный экстремизм, терроризм, сепаратизм, нетерпимость идеологий и культур, дискриминация меньшинств по национальному признаку — это лишь малые примеры проявления ксенофобии в мире. Что же является причиной активного роста этой проблемы?

Многие исследователи связывают этот феномен с обострением религиозной ситуации в обществе. Это, в первую очередь, обусловлено экономическим кризисом, который влечет нестабильность в сфере политики и духовной жизни. По нашему мнению, наиболее ярким объектом для изучения причин этнофобии и религиозной ксенофобии является Греция, поскольку ее население является однородным по национальному и религиозному признаку. Православие — единая духовная основа государства — выступает как официальная религия. Согласно Конституции Греции (ст. 3)[1], его исповедуют около 98% населения.

Последние десятилетия мы можем наблюдать падение авторитета Элладской Православной Церкви, что отчасти вызвано новостью о строительстве первого легального исламского культового сооружения в Афинах и чередой последствий, которые будут иметь место. К примеру, совсем недавно в Канаде вышла карта, на которой Греция изображается как более чем наполовину мусульманская страна. Подобные события не могли не вызвать общественный резонанс, который из

[1] Господствующей в Греции религией является религия восточно-православной Церкви Христа, неразрывно связана в своих догматах с Великой константинопольской Церковью и со всякой другой единоверной Церковью Христовой, неуклонно соблюдает, так же как и они, святые апостольские и соборные каноны и священные традиции. Она является автокефальной и управляется Священным Синодом архиереев, находящихся на церковной службе, и избираемым ими Постоянным Священным Синодом, который создается в порядке, определяемом уставом Церкви, с соблюдением положений Патриаршего тома от 29 июня 1850 года и акта Синода от 4 сентября 1928 года.

сферы духовной плавно перетекает в сферу политическую. Сегодня на фоне экономического кризиса активную поддержку у населения получает ультраправая националистическая партия «Хриси Авги», которая высказывает идеи мигрантофобии и резко выступает против строительства культовых сооружений неправославной религиозной конфессии. Высказывания этой партии далеко не православные, ярая ксенофобия и ненавистничество иных религий раскрывается в нескольких фразах, которые неслучайно попали в СМИ: в планы партии входит «заколоть агрессивных мусульман, как ягнят на гиро». Проблема острой ксенофобии в Греции лежит в плоскости частичного слияния светской и духовной власти. Православная Церковь занимает неоднозначное положение в жизни греческого государства: незначительно подталкивает активную часть населения на радикальную волну, но в то же время является ключевым благотворительным элементом в сфере миграционной политики. Об этом свидетельствует ряд недавно созданных организаций. В июне 2006 года в городе Комотини (Северная Греция) был открыт центр поддержки «Агапи» («Любовь»), который на необходимое время предоставляет жилье беженцам и репатриантам, оказавшихся в силу каких-либо причин в Греции на грани выживания. Нуждающимся предоставляется возможность вернуться к нормальной жизни в обществе в Греции или отправиться на родину. Также центр принимает лиц, находящихся в Греции на лечении.

Межрелигиозные распри, которые нацелены на «уравнивание» всех конфессий в правах, не только вносят дисбаланс в функционирование общества, но и настраивают население против государства. Все это не только нарушает баланс общества, но и негативно сказывается на имидже государства, его геополитическом положении.

К сожалению, ксенофобия «разъедает» не только европейское сообщество, но и стремительно подбирается к России [3, 83–94]. Мы считаем, что российское общество само детерминирует развитие идей этнофобии. Это вызвано не только экономической нестабильностью, но и связывается с историей государства, его положением и местом на мировой арене. По мнению советника Президента ВАК, историка Манафа Агаева, «ксенофобия связана в определенном отношении с экономическим положением. Но вместе с тем не стоит переоценивать этот фактор. Здесь нет прямой зависимости. Серьезную проблему в этом вопросе по-прежнему составляют СМИ [5, 39–57]. Однако эту проблему нельзя решить просто ограничением свободы слова. Здесь необходимо вводить «внутрицеховые этические нормы» [1].

Любопытно, что большинство исследователей относят к группе риска молодежь в возрасте от 14 до 30 лет и объясняют это отсутствием системно разработанной программы образовательных мероприятий, направленных на борьбу с ксенофобией. «Фактическое забвение воспитательного процесса в учебных заведениях, низкая эффективность молодежной политики постсоветского государства способствовали формированию неформальных молодежных организаций (группировок) экстремистско-националистической направленности и экстремистских сообществ, идеологической основой деятельности которых является пропаганда расовой и национальной исключительности, стремление к вытеснению, а в ряде случаев и к физическому уничтожению неславянских национальностей на территории России» [4, 92]. Подобные рассуждения не представляются нам объективными, поскольку за последние десятилетия в структуре образовательных программ появился целый комплекс тем и дисциплин, направленных на борьбу с данной проблемой. Парадоксально, но носителем идей ксенофобии является взрослое население, граждане Российской Федерации, рожденные в СССР. В чем же это проявляется?

В одной из школ Республики Башкортостан на уроках «Духовно-нравственная культура народов России» ученикам четвертого класса было предложено задание: «Опишите культуру и традиции одного из народов Российской Федерации. Расскажите, откуда вы это узнали». Проанализировав ответы учеников, можно придти к выводу, что лучше всего школьники «знают» о культуре еврейского народа, народов Средней Азии, Кавказа и Закавказья. Наиболее «эрудированные» ученики в качестве источника своих познаний указывают родителей, а также социальные сети. И это не-

удивительно, ведь именно институт семьи является первичным агентом социализации личности. Социальные сети же «преследуют» детей непрерывно, что выражается в зависимости подрастающего поколения от всевозможных гаджетов и девайсов.

Интернет и социальные сети — наиболее эффективные и бюджетные площадки для распространения идей, которые являются деструктивными в системе национальных интересов Российской Федерации. Если в Греции носителем и популяризатором подобных идей являются представители традиционных религиозных конфессии, то в России эту нишу занимают тоталитарные секты, новые религиозные движения, которые пришли не только с Востока и Запада, но и порождаются самим российским обществом. Зачастую подобные организации сотрудничают с национал-социалистическими партиями, которые скрыто строят свою идеологию на идеях межнациональной вражды и агрессии.

На наш взгляд, в системе национальных интересов государства большая роль отводится внешним проявлениям ксенофобии, хотя приоритет должен быть направлен и на борьбу с внутренними факторами. Законы диалектики, которые действуют и в социальной сфере, указывают нам на то, что новая «религия» толерантного европейского человека вызывает в его космополитичном сознании латентную неприязнь, которая позже выливается в агрессию. Возможно, что на это влияет и несовершенная миграционная политика. Отношение самого государства к мигрантам неоднозначно. Если свободолюбивые греки регулярно высказывают свое мнение в виде митингов и протестов, поступательно выражая свое константное недовольство, то россияне веками терпят, выдавая этнофобию за патриотизм, что впоследствии выливается во взрыв, который позволяет нашим соседям найти «ахиллесову пяту» как в вопросах национальной безопасности, так и национальной идеи в целом.

Национальные интересы Российской Федерации проявляются в стремлении граждан к стабильности общества, устойчивости его институтов, сведению к минимуму внешних и внутренних угроз личной безопасности. По нашему мнению, все это должно обеспечиваться не только через соблюдение конституционного строя, но и через сотрудничество государства с иностранными общественными организациями. Также необходима выработка новых механизмов взаимодействия национальных общественных организаций и правоохранительных органов, что предотвратило бы проблемы социальной интеракции по этноконфессиональному признаку.

Литература

[1] Азербайджанский конгресс: еженедельная общественно-политическая газета. Вып. № 22 (411). [Электронный ресурс]. — URL: http://azcongress.info/stati-2015/262-vypusk-8-397-6-marta-2014-goda/11302-natsionalnaya-bezopasnost-rossii (дата обращения: 23.06.2015).

[2] Конституция Греции [Электронный ресурс]. — URL: http://constitutions.ru/?p=249 (дата обращения: 23.06.2015).

[3] *Нигматуллина Т.А.* Политическая интерпретация этноксенофобии в молодежной среде: новые вызовы глобализации // Вопросы национальных и федеративных отношений. — 2014. — № 1 (24). — С. 83–94.

[4] *Радиков И.В.* Нетерпимость и ксенофобия как угроза стабильности и безопасности России // Общество. Среда. Развитие. — 2011. — № 11. — С. 90–95.

[5] *Сулейманова Ш.С., Мурзабеков Т.М.* Влияние массовых коммуникаций на гражданское общество // Коммуникология. — Т. 3. — № 2. — 2015. — С. 39–57.

УДК 327:34(470)

БЕЛЯЕВ Максим Анатольевич,
руководитель Агентства примирительных технологий
Центра ЮНЕСКО-ЮНЕВОК в Российской Федерации
на базе Башкирского института социальных технологий
(филиала) ОУП ВО «Академия труда и социальных отношений», (г. Уфа)
e-mail: maxlex@inbox.ru

ВИДЫ ПРИМИРИТЕЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ КАК ИНСТРУМЕНТ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

В статье рассматриваются виды примирительных технологий, используемых специалистами в регулировании этнополитических конфликтов. Также представлена их история и современное развитие на базе Агентства примирительных технологий Центра ЮНЕСКО-ЮНЕВОК в Российской Федерации на базе Башкирского института социальных технологий.

Ключевые слова: *арбитрирование, медиация, переговоры, консультации сторон, посредничество, этнополитический конфликт, Агентство примирительных технологий.*

Управление и регулирование — наиболее общие понятия, которые охватывают всю гамму позитивной работы по ограничению и сдерживанию конфликта. По объему понятие «регулирование конфликта» шире, чем понятие «управление» [1, 322].

По мнению А.В. Глуховой, регулирование конфликтов представляет собой определенный способ воздействия на конфликтующие стороны с тем, чтобы устранить в рамках существующей политики (включая нормы, сложившиеся традиции и т. д.) противоречия. Однако это не просто смягчение насильственных форм, а деструктивизация конфликта. Регулирование предполагает использование созидательного потенциала последнего, обращение на пользу общественному развитию содержащихся в конфликте динамических импульсов [4, 203].

В англоязычной литературе термин «регулирование конфликта» рассматривается в различных вариациях.

Так, *conflict regulation* (регулирование конфликта) — это действие на макрополитическом уровне в рамках политической системы, конкретных институтов, процедур и практик для управления сходных конфликтных ситуаций. Поэтому данный вид регулирования подходит к различным формам конфликтов.

Conflict prevention (предупреждение конфликта) включает в себя все, что связано с предотвращением, предупреждением насильственных (деструктивных) выражений конфликта.

Conflict management (управление конфликтом) — это специальное влияние на структуру, стороны и другие компоненты конфликта. Оно предполагает сознательное изменение протекания и последствий этого конфликта.

Conflict mitigation (смягчение конфликта) — одна из форм регулирования конфликта, в которую входят контроль, менеджмент, фасилитация, консилиация, кроме предотвращения и предупреждения конфликта.

Conflict control (контроль над конфликтом) — это либо ограничение возникновения (эскалации) конфликта, либо форсирование окончания конфликта.

Научная литература описывает различные методы и формы регулирования этнополитических конфликтов. Мы рассмотрим примирительные технологии как метод регулирования этнополитических конфликтов.

Примирительные технологии по регулированию этнополитических конфликтов включают в себя следующие виды:

– арбитрирование,
– медиация,

– переговоры,
– консультации сторон,
– посредничество,
– примирение,
– добрые услуги,
– обследование.

Примирительные технологии развиваются в зависимости от исторической эпохи. Одни известны с древнейших времен (добрые услуги, посредничество и др.); другие получили развитие лишь в XIX веке (согласительные процедуры, арбитраж); третьи же возникали и развивались на протяжении XX века (международные суды, примирительные комиссии, разрешение споров с помощью международных организаций).

Выработанные в ходе развития межгосударственных отношений средства примирения сталкивающихся интересов государств и соответствующих международных организаций и объединений, а также сторон межгосударственных экономических отношений доказали свою эффективность на практике и продолжают применяться [3].

Комплекс международных примирительных механизмов основывается на базовом принципе международного права — мирном разрешении споров, действующем равным образом как в пределах мирового пространства, так и в рамках различных международных объединений.

Арбитрирование. Арбитражный (третейский) порядок рассмотрения споров, получивший широкое распространение в отечественной и зарубежной практике, является наиболее формализованным и приближенным к официальному судебному порядку рассмотрения споров из всех примирительных процедур.

Урегулирование разногласий в порядке третейского производства значительно отличается от урегулирования путем переговоров и медиации. Нормативное регулирование данного института объясняется тем, что третейские суды, как и суды общей юрисдикции, полномочны выносить решения, в связи с чем необходим определенный порядок рассмотрения спора, механизм принудительного исполнения решений. В целом, процесс урегулирования разногласий в третейском суде считается менее формализованным, чем в государственном. Дело в том, что третейские суды по организационно-правовой форме являются квазисудебными органами, рассматривающими споры в той или иной сфере человеческой деятельности. От процедуры медиации третейские учреждения отличаются, прежде всего, возможностью самостоятельно выносить решения. При медиации посредник решений не принимает, а лишь содействует в этом сторонам конфликта. Система третейских судов незамкнутая и иерархически соподчиненная, а видоизменяется и дополняется новыми третейскими органами по мере возникновения общественной потребности в них.

Медиативное примирение. Медиация (от лат. *mediare* — выступить посредником), с точки зрения права, означает выполнение каким-либо независимым и незаинтересованным в исходе дела физическим лицом или организацией посреднической функции, направленной на достижение согласия сторон юридического спора.

При медиации достигается сочетание автономии воли сторон и гарантий по выработке общей позиции в достижении взаимовыгодного результата, для чего стороны наделяют определенными правомочиями третье лицо — медиатора. В широком понимании медиация — это желание общества преодолеть социокультурные противоречия в связи с потребностями развития. Задача медиатора — помочь сторонам осознать их собственные интересы и на основе этого совместно выработать взаимоприемлемые договоренности, где медиация не направлена на определение правого и виноватого, а приводит стороны к консенсусу. Медиаторы (посредники) привлекаются для того, чтобы взглянуть на конфликт со стороны и помочь сторонам при рассмотрении спора освободиться от лишних эмоций и предвзятости [2, 28].

Посредничество не является привилегией юристов. Посредником может быть лицо любой профессии и квалификации, что обусловлено междисциплинарным характером медиации, совместившей в себе такие отрасли знания, как конфликтология, право, психология и др. Посредник привлекается в целях обеспечения сторонам комфортного сотрудничества в согласовании интересов, он не прирав-

нивается к сторонам разногласия и помогает им достичь примирения. Вместе с тем медиация — это особая форма посредничества, ибо она является особым приемом, используемым при проведении различных примирительных процедур, в том числе в переговорах, третейском разбирательстве и др.

В настоящее время отмечается общемировая тенденция оформления посредничества в самостоятельную профессию, выделения его из арбитража и возрастания количества и эффективности профессиональных посреднических процедур, что справедливо.

Итак, в Российской Федерации социально-экономические возможности примирительных процедур признавались и ранее, а на современном этапе стали вновь осознаваться. Реализация идеи примирения на самых разных уровнях государственного и муниципального управления сопровождается не только разработкой соответствующих нормативных правовых актов (например, Федеральный закон от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)»), но и принятием решений о создании новых государственных и общественных «примирительных» структур и наделении дополнительными полномочиями уже функционирующих.

Преимущества примирительных процедур по сравнению с государственными юрисдикционными механизмами разрешения возникающих в обществе конфликтов в том, что они помогают экономить время, финансовые средства и физические силы участников спора. Причем, медиация ориентирована не столько на конфликт, сколько на конструктивный поиск взаимоприемлемого его решения. Немаловажна в связи с этим и защита сферы частных интересов участников, ибо медиация конфиденциальна. Потребность внедрения в российскую практику примирительных процедур обусловлена и необходимостью снизить нагрузку на суды.

Переговоры. Это наиболее доступное, гибкое и эффективное средство мирного разрешения споров, играющее ведущую роль среди других мирных средств. Такая их роль обусловлена тем, что конкретные цели, состав участников, уровень представительства на переговорах, их организационные формы и прочие процедурные вопросы согласовываются самими спорящими сторонами в соответствии с основными принципами и нормами современного международного права; переговоры должны вестись на равноправной основе, исключающей нарушение суверенной воли заинтересованных сторон. Независимо от предмета переговоров они должны начинаться и протекать без каких-либо предварительных ультимативных условий, принуждения, диктата и угроз.

Позитивный исход переговоров может выразиться либо в непосредственном разрешении спора по существу, либо в достижении договоренности о применении иного мирного средства решения спора. Однако, если переговоры не привели к определенному соглашению, стороны обязаны продолжить поиск взаимоприемлемого урегулирования разногласий.

Консультации сторон. Как средство мирного урегулирования споров консультации стали применяться после Второй мировой войны, получив международно-правовое закрепление в большом числе двусторонних и многосторонних соглашений. Консультирующиеся стороны могут заранее устанавливать периодичность встреч, создавать консультативные комиссии. Указанные особенности консультаций способствуют поиску компромиссных решений спорящими сторонами, непрерывности контактов между ними, а также реализации достигнутых договоренностей в целях предупреждения возникновения новых споров и кризисных ситуаций. Процедура обязательных консультаций на основе добровольного согласия сторон позволяет использовать двойную функцию консультации: в качестве самостоятельного средства разрешения споров и для предотвращения, профилактики возможных споров и конфликтов, а также в зависимости от обстоятельств как средство достижения спорящими сторонами договоренности о применении других средств урегулирования. Можно считать, что консультации являются разновидностью переговоров.

Консультации могут носить факультативный или обязательный характер.

При этом консультации необходимо отличать от иных способов, используемых при проведении переговоров, а именно: уведом-

ления *(notification)* и получения предварительного согласия *(obtaining of prior consent)*. Например, если сторона А намеревается оповестить сторону Б о будущих действиях, которые затронут интересы данного государства, то уведомления в данном случае будет явно недостаточно для стороны Б, т. к. оно будет иметь намерение более детально обсудить предстоящие события. Следовательно, необходимо именно получение согласия стороны Б. При таких обстоятельствах оно сможет выразить возражения по поводу указанных действий. Тем не менее не во всех случаях сторона Б будет обладать правом вето в отношении действий стороны А, т. к. реализация подобного права носит исключительный характер и связана с правом осуществления совместной юрисдикции над чем-либо. В остальных случаях право вето может нарушить суверенитет другого государства [5].

Обследование. Это средство мирного урегулирования, к которому прибегают в случаях, когда спорящие стороны расходятся в оценке фактических обстоятельств, вызвавших спор. Для осуществления процедуры обследования стороны создают на паритетных началах международную следственную комиссию, иногда во главе с представителем третьего государства или международной организации. Следственная комиссия должна учреждаться на основании специального соглашения между спорящими сторонами. В соглашении определяются подлежащие расследованию факты, порядок и срок образования комиссии, объем полномочий ее членов, а также место пребывания комиссии, ее право перемещаться, срок, в который спорящая сторона должна будет представить свое изложение фактов, и т. д. Результаты работы комиссии фиксируются в докладе, который должен ограничиваться лишь установлением фактов. За сторонами сохраняется полная свобода воспользоваться выводами следственной комиссии по своему усмотрению.

Примирение (согласительная процедура). Как средство мирного урегулирования споров примирение, в отличие от обследования, включает не только выяснение фактических обстоятельств, но и разработку конкретных рекомендаций для сторон. При применении согласительной процедуры стороны, как и в случае с обследованием, образуют на паритетных началах международную согласительную комиссию, которая и вырабатывает свои рекомендации.

Добрые услуги. Это действия не участвующей в споре стороны (государства, международной организации, известного общественного или политического деятеля), направленные на установление контактов между спорящими сторонами. Добрые услуги могут оказываться как в ответ на соответствующую просьбу одной или обеих спорящих сторон, так и по инициативе третьей стороны.

Предложение добрых услуг не должно рассматриваться в качестве недружественного акта по отношению к спорящим сторонам. Оказывающий добрые услуги в самих переговорах по разрешению спора непосредственного участия не принимает. Добрые услуги нередко перерастают в посредничество.

Посредничество. Оно предполагает непосредственное участие третьей стороны в мирном разрешении спора. Участвуя в переговорах спорящих сторон, посредник призван всемерно содействовать выработке приемлемого для этих сторон решения спора, вправе предлагать свои варианты такого разрешения, хотя предложения посредника не носят для спорящих сторон обязательного характера.

Добрые услуги СССР, перешедшие затем в посредничество, сыграли позитивную роль в урегулировании индо-пакистанского конфликта и привели к принятию конфликтующими сторонами Ташкентской декларации от 10 января 1966 г.

В современных условиях практику применения вышеприведенных средств разрешения международных споров следует развивать и активно использовать в целях предотвращения и улаживания внутригосударственных конфликтов.

По мере претворения в жизнь общепринятых международных норм и принципов демократического правового государства перспективы института примирения приобретают все большую определенность. Дальнейшее развитие примирительных процедур в России нуждается в поддержке законодательной, исполнительной и судебной власти, в совершенствова-

нии правовой базы и устранении препятствий к эффективному ее применению.

Возможность развития и совершенствования примирения тесно связана с повышением общего уровня правосознания и юридической культуры участников общественных отношений. Особую роль здесь может сыграть одна из важнейших функций примирения — воспитательная, при этом знания о примирении следует активнее использовать в образовательном процессе. Так, в Уфе в 2013 году создано Агентство примирительных технологий Центра ЮНЕСКО-ЮНЕВОК на базе Башкирского института социальных технологий [6].

Целесообразно создать систему специального обучения медиаторов, проводить учебные курсы повышения квалификации, информировать общественность о преимуществах мирного урегулирования споров и возможностях использования тех или иных альтернативных методов разрешения споров. Поэтому Агентство активно обучает использованию примирительных технологий следующих категорий граждан:

– государственных служащих, занятых в области управления национальной политикой; госслужащих, работающих в сфере молодежной политики;

– уполномоченных по правам человека; уполномоченных по правам ребенка (как федеральных, так и региональных);

– сотрудников муниципалитетов;

– представителей гражданского общества (работники национально-культурных автономий, представители некоммерческих неправительственных организаций (НПО), работники СМИ).

Также Агентство через СМИ, общественные структуры, образовательные учреждения, органы власти информирует и пропагандирует примирительные технологии среди различных слоев населения.

Данные меры позволят в буквальном смысле вооружить активные силы нашего общества технологиями, позволяющими не только регулировать конфликты, а распознавать и предотвращать их задолго до их возникновения и тем более обострения.

Таким образом, примирительные технологии как инструмент национальной политики должны использоваться не только государством, но и структурами гражданского общества. Только целенаправленное и системное взаимодействие государства и общества в области применения примирительных технологий решит поставленные в статье задачи.

Литература

[1] *Аклаев А.Р.* Этнополитическая конфликтология: Анализ и менеджмент: учеб. пособие. — М.: Дело АНХ, 2008. — С. 322.

[2] *Беляев М.А.* Примирительные технологии в регулировании этнополитических конфликтов: учеб. пособие. —Уфа: Изд-во БИСТ (филиала) ОУП ВПО «АТиСО», 2015. — 90 с.

[3] *Гайдаенко Шер Н.И.* Медиация как способ разрешения международных коммерческих споров // Журнал российского права. — 2011. — № 7. — С. 79–85.

[4] *Глухова А.В.* Политические конфликты: основания, типология, динамика (теоретико-методологический анализ). — М.: Книжный дом «ЛИБРКОМ», 2010. — С. 203.

[5] *Зайцева Л.И.* Переговоры как альтернативный способ разрешения споров в международном публичном праве // Международное публичное и частное право. — 2012. — № 3 [Электронный ресурс]. — Доступ из СПС Консультант плюс.

[6] *Нигматуллина Т.А.* Межнациональные отношения в студенческой среде // Современные научные исследования. Вып. 3 / под ред. П.М. Горева и В.В. Утемова. — Концепт. — 2015. — Приложение № 13 [Электронный ресурс]. — URL: http://e-koncept.ru/ext/143

УДК 32:34(470)

КАМИНСКИЙ Вадим Сергеевич,
инженер-исследователь лаборатории исследования социальных процессов и эффективности государственного управления Института социально-экономического развития территорий Российской академии наук (ИСЭРТ РАН), г. Вологда
e-mail: FBCDE56B@yandex.ru

МЕТОД ПРАВОВОГО АНАЛИЗА В ИССЛЕДОВАНИИ ЭКСТРЕМИЗМА

Статья посвящена исследованию специфики метода правового анализа в исследовании экстремизма. Объектом исследования выступают теоретико-методологические подходы к изучению экстремизма, предметом — метод конкретного правового анализа. Изложены выделяемые исследователями недостатки международного и российского антиэкстремистского законодательства и рекомендации по его совершенствованию.

Ключевые слова: *экстремизм, методология, метод конкретного правового анализа, антиэкстремистское законодательство.*

В самом широком понимании экстремизм — это приверженность к крайним взглядам и мерам, обычно в политике.

Актуальность исследования экстремизма обусловлена следующим:

– Социально-экономические и общественно-политические преобразования, происходящие сегодня в российском обществе, характеризуются различными противоречиями. Это приводит к таким социальным последствиям, как изоляция и аномия, недоверие к институтам государства и общества, отчужденность от власти, абсентеизм [24, с. 7]. Как следствие, в обществе получили распространение настроения социального недовольства, неудовлетворенности людей существующей ситуацией в той или иной сфере общественной жизни, которая проявляется в потенциале протеста (склонность граждан участвовать в протестных акциях при определенных условиях) [5, с. 68]. Одними из наиболее опасных форм выражения протеста являются экстремистские акции и терроризм [6, с. 116].

– Как учеными, так и представителями органов власти экстремизм признается общественно опасным явлением. Так, Президент Российской Федерации В.В. Путин в ноябре 2014 г. на заседании Совета Безопасности в своем выступлении подчеркнул опасность самой природы экстремизма, разрушительный потенциал его идеологии, указал на то, что в современном мире экстремизм используется как инструмент геополитики и передела сферы влияния. Указанное свидетельствует о том, что на государственном уровне имеет место четкое понимание истинной природы и сущности экстремизма, а также степени его угрозы для России;

– Сложный и разнообразный по многим параметрам состав российского общества является предпосылкой возникновения экстремизма;

– Большинство исследователей указывают на рост проявлений экстремизма как в Российской Федерации, так и в мире. Согласно данным официальной статистики (МВД РФ), количество зарегистрированных преступлений экстремистской направленности за период с 2004 по 2014 гг. перманентно увеличивается на 695% (табл. 1). Число преступлений террористического характера за последние 10 лет снизилось на 88%, но, начиная с 2007 года наблюдается рост количества подобных преступлений на 49%. Это является тревожным сигналом для российского общества.

В разрезе регионов Европейского Севера России ситуация следующая.

Таблица 1 — **Количество зарегистрированных преступлений экстремистской направленности и террористического характера, по Российской Федерации**

Период	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	Изменение (+/–) 2014 к 2004, в %
Преступления террористического характера	9523	5438	1781	759	642	654	581	622	637	661	1128	–88
Преступления экстремистской направленности	130	152	263	356	460	548	656	622	696	896	1034	+695

Источник: Данные Министерства внутренних дел Российской Федерации

Количество преступлений экстремистской направленности за период с 2010 по 2014 гг. демонстрирует тенденцию роста на территории всех исследуемых регионов в среднем на 201%) (табл. 2). В 2014 году наибольшее число таких деяний зафиксировано в Архангельской области (22), наименьшее — в республике Коми (6). Большинство регионов поднялись в рейтинге, что является неблагоприятной тенденцией. Исключение составляет Республика Коми, опустившаяся с 52-го на 50-е место.

Количество преступлений террористического характера в период с 2010 по 2014 гг. остается примерно на одном уровне (от 0 до 3 единиц за год). Рейтинговые места большинства регионов снизились, за исключением Архангельской области, которая поднялась на 2-е место (с 44 на 42).

Необходимо отметить тот факт, что многие преступления экстремистской направленности совершаются выходцами из других регионов, в частности, приезжими с Кавказ. Данное явление в юриспруденции получило название «экспорт преступности».

Проблема экстремизма изучается с помощью различных теоретико-методологических подходов, среди которых автор выделил:

1. Метод конкретного правового анализа. С помощью данного метода изучается понятие «экстремизм», его признаки и виды, установленные действующим российским или мировым законодательством.

2. Социологический. Отправной точкой социологического изучения феномена экстремизма является его понимание как типа девиантного поведения, направленного против существующих в обществе норм, правил, принципов, обычаев, традиций. В отличие от юриспруденции, социология рассматривает в качестве девиантного поведения не только нарушение правовых норм, но и отступление от общепринятых и разделяемых большей частью общества ценностью и норм.

3. Политологический. В рамках политологии исследование экстремизма сосредотачивается на изучении политических партий, исповедующих радикальные идеологии, процессе их возникновения и развития. Политологический подход позволяет проводить анализ программ экстремистских партий, их участие в политическом процессе, электоральную базу, влияние таких партий на политическую жизнь общества.

При применении политологического и социологического подходов, экстремизм изучается на его идеологическом и мотивационном уровне вне зависимости от факта совершения действия, что отличает эти подходы от метода правового анализа. В центре внимания в таком случае оказываются сами идеологические построения, ценностные ориентации, поведенческие установки. Это позволяет определить значимые свойства, понять причины и факторы возникновения экстремизма.

4. Психологический. Его применение обусловлено наличием в человеке помимо биологического и социального, еще и духовного измерения. Следовательно, источником экстремистского сознания и обусловленного данным сознанием типа поведения индивида или группы индивидов являются не только объективные социальные условия, но и внутренний, субъективный мир личности, ее психофизиологические особенности.

Таблица 2 — **Количество зарегистрированных преступлений экстремистской направленности и террористического характера, по регионам Европейского Севера России**

Период	2010	2011	2012	2013	2014	Изменение (+/–) 2014 к 2010, в %
Вологодская область						
Преступления террористического характера	1	0	3	3	1	0
Место в рейтинге	*27*	*28*	*10*	*13*	*42*	*+15*
Преступления экстремистской направленности	3	14	14	17	15	+400
Место в рейтинге	*50*	*7*	*15*	*16*	*20*	*–30*
Архангельская область						
Преступления террористического характера	0	0	0	1	1	+100
Место в рейтинге	*44*	*28*	*33*	*21*	*42*	*–2*
Преступления экстремистской направленности	7	4	18	15	22	+214
Место в рейтинге	*30*	*47*	*8*	*18*	*12*	*–18*
Мурманская область						
Преступления террористического характера	1	0	0	0	0	–100
Место в рейтинге	*44*	*28*	*33*	*32*	*54*	*+10*
Преступления экстремистской направленности	3	3	8	11	8	+166
Место в рейтинге	*50*	*54*	*29*	*29*	*44*	*–6*
Республика Карелия						
Преступления террористического характера	1	0	0	0	0	–100
Место в рейтинге	*27*	*28*	*33*	*32*	*54*	*+27*
Преступления экстремистской направленности	8	12	15	14	18	+125
Место в рейтинге	*25*	*12*	*11*	*19*	*16*	*–11*
Республика Коми						
Преступления террористического характера	1	0	0	2	0	–100
Место в рейтинге	*27*	*28*	*33*	*16*	*54*	*+27*
Преступления экстремистской направленности	3	5	2	9	6	+100
Место в рейтинге	*50*	*41*	*58*	*38*	*52*	*+2*

Источник: данные Генеральной Прокуратуры Российской Федерации (портал правовой статистики)

5. Статистический. Его сущность заключается в анализе динамики количества преступлений экстремистской и террористической направленности, учет которых ведется Министерством внутренних дел и Генеральной Прокуратурой Российской Федерации. Чаще всего этот метод выступает в качестве подсобного: ученые в основном приводят данные статистики для обоснования актуальности проблемы.

Исследование, результаты которого представлены в настоящей статье, было посвящено методу конкретного правового анализа.

Нормы права в сфере мирового и российского антиэкстремистского законодательства изучаются с помощью метода конкретного правового анализа, в основном специалистами в области юриспруденции: Ю.А. Авдеевым, С.П. Вайле, С.В. Дьяковым, М.П. Клейменовым, М.В. Костромичевой, В.В. Лунеевым, А.Г. Никитиным, А.В. Петряниным, Е.П. Сергуном, А.М. Сысоевым, С. Фридинским и другими. Правоведы изучают также правоприменительную практику в сфере противодействия экстремизму.

Изучаются следующие нормативные акты:

– Выработанные ООН: Декларация о мерах по ликвидации международного терроризма от 9 декабря 1994 г. (здесь впервые был применен термин «экстремизм»), Декларация о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам от 18 декабря 1992 г. и т. д. [3–4].

– Законодательство Совета Европы: Европейская конвенция о пресечении терроризма от 27 января 1977 г.; Международная конвенция о борьбе с бомбовым терроризмом от 15 декабря 1997 г.; Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма от 9 декабря 1999 г. [9; 14–15].

– Законодательство СНГ: «Модельный закон о противодействии экстремизму» от 14 мая 2009 г. [16].

– Законодательство Шанхайской организации сотрудничества (ШОС): Шанхайская Конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом от 15 июня 2001 г. [23].

– Законодательство Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС): Договор о сотрудничестве в охране внешних границ государств — членов ЕврАзЭС от 21 февраля 2003 г. [7].

– Антиэкстремистское законодательство отдельных стран.

– Антиэкстремистское законодательство Российской Федерации: Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» [17].

Примером исследования норм международного законодательства могут служить работы А.В. Петрянина и А.М. Сысоева.

А.В. Петрянин отмечает, что мировое сообщество устанавливает следующие концептуальные признаки экстремизма: транснациональный характер деятельности экстремистских организаций; признание того факта, что экстремизм представляет угрозу не только для безопасности конкретных государств, но и для всего мирового сообщества в целом; признание специфической мотивации, характерной для исследуемой группы преступлений (политическая, расовая, этническая, национальная, религиозная ненависть или вражда).

По убеждению А.В. Петрянина, большинство из международно-правовых документов, подготовленных под эгидой ООН, во многом декларативны и не содержат не только перечня экстремистских деяний (за исключением терроризма), а также дефиниций экстремизма и его признаков, но и сколько-нибудь эффективных механизмов взаимодействия по вопросам противодействия экстремизму между странами.

Главным недостатком законодательства Совета Европы ученый считает неполноту перечня экстремистских деяний. Особенностью Шанхайской Конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом является, по мнению А.В. Петрянина, придание экстремизму исключительно политического оттенка (при отсутствии иных мотивов совершения экстремистских преступлений). Поэтому, закрепленное в Конвенции определение экстремизма слишком широкое и несет скорее политический, нежели юридический смысл.

Вышеуказанные обстоятельства свидетельствуют о наличии пробелов в актах международного законодательства. Поэтому, по мнению А.В. Петрянина повышению эффективности противодействия экстремизму могла бы способствовать разработка соответствующего понятийного аппарата [18].

По убеждению в А.М. Сысоева, в «антиэкстремистском» законодательстве уже заложена дискриминация, так как группы, которые берутся под охрану в силу своих особенностей (расы, национальности, религиозной и социальной принадлежности и т. п.) объявляются государством приоритетными, что, в свою очередь, «создает трещину в общественных отношениях». Например, законодательством ряда стран (США, Австралии, Швеции и др.) защищается гомосексуальность, но охрана от преступных посягательств в отношении лиц гетеросексуальной направленности не является приоритетом [19].

В Российской Федерации законодательное определение экстремизма содержится в ст. 1 Федерального закона от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности». Специфика этого нормативно-правового закона состоит в том, что в нем отсутствует прямое определение экстремизма (экстремистской деятельности). В тексте закона содержание термина закрепляется через перечисление действий, относимых к видам экстремистской деятельности, таких как: насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации; публичное оправдание терроризма и иная террористическая деятельность; возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни; пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии; нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии и т. д. [17].

Список данных деяний фактически представляет собой отсылку к соответствующим статьям административного и уголовного кодексов. Иными словами, за осуществление экстремистской деятельности в России существует административная и уголовная ответственность. Например, Кодекс об административных правонарушениях предусматривает административную ответственность за публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики (ст. 20.3), организацию деятельности общественного или религиозного объединения, в отношении которого принято решение о приостановлении его деятельности (ст. 20.8.), производство и распространение экстремистских материалов (ст. 20.9).

Уголовный Кодекс Российской Федерации содержит 16 статей, прямо предусматривающих уголовную ответственность за экстремизм (например, ст. 212 — массовые беспорядки, ст. 280 — публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности, ст. 282 — возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства, организация экстремистского сообщества, организация деятельности экстремистской организации). Кроме того, ряд статей (12) подразумевают, что указанные в них преступления, совершаемые по экстремистской мотивации, также считаются экстремистскими (например, ст. 105, п. «л» — убийство, ст. 136 ч. 1. — нарушение равенства прав, свобод человека и гражданина, ст. 214 ч. 2 — вандализм и т. д.).

Статьи 205–207 устанавливают ответственность за крайнюю форму проявления экстремизма: террористическую деятельность (теракт, содействие террористической деятельности, публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма, прохождение обучения в целях осуществления террористической деятельности, организация террористического сообщества и участие в нем), а также за заведомо ложное сообщение об акте терроризма и захват заложника.

Практически все исследователи российского антиэкстремистского законодательства указывают на его несовершенство. Выделяются следующие недостатки:

1. Отсутствие единого определения понятия «экстремизм» в современном российском законодательстве. Большинство ученых настаивают на необходимости введения такого определения. Некоторые авторские определения экстремизма приведены в таблице 3.

2. Отсутствие четких критериев выделения преступлений экстремистской направленности. По мнению В.В. Лунеева, «в действующем УК РФ существует 16 статей, на основании которых виновные могут быть привлечены за совершение

Таблица 3 — **Определения экстремизма в юридической научной литературе**

Автор	Определение
В.В. Лунеев	Лицо или группа людей, приверженные к крайним радикальным взглядам, применяемым мерам или реализуемым принципам [12, с. 29].
М.П. Клейменов	Общественно опасная деятельность, выражающаяся в совершении преступлений по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы [9].
Р.М. Узденов	Социальное, негативное явление, проявляющееся в совокупности общественно опасных уголовно наказуемых деяний, совершаемых в соответствии с определенной системой взглядов, воззрений, убеждений, возведенных в культ, с целью достижения определенного результата, предусмотренного этой системой взглядов, в какой-либо области общественных отношений, существующий порядок в которой отрицается экстремистами [21, с. 16–17].
И.В. Куликов	Экстремизм — это социальное явление, заключающееся в деятельности организаций провокационного характера, деятельность которых направлена на изменение конституционного строя государства, также сюда можно включить работу религиозных или иных общественных объединений, осуществляющих организацию массовых беспорядков, актов вандализма и иных действий, мотивами к побуждению которых является расовая, политическая или религиозная ненависть [12, с. 188].

экстремизма… а при желании и все 260 статей Особенной части УК, если в мотивации проглядывается соответствующая ненависть как отягчающее обстоятельство» [2, с. 32].

А.М. Сысоев пишет, изъятие из диспозиции ч. 1 ст. 282.1 УК РФ четкого указания, какие именно деяния являются преступлениями экстремистской направленности, сделало их ситуационно неопределенными. Исходя из этого, любое преступление, совершенное на основании выделяемых законодателем «мотивов ненависти или вражды», фактически будет считаться экстремистским. Учитывая неопределенность некоторых мотивов (в частности, социальной вражды), основную массу зарегистрированных преступлений можно трактовать как совершенные по мотивам ненависти. Сложности, возникающие в связи с применением понятий социальной принадлежности и социальной группы, в немалой степени обусловлены тем, что они в действующем законодательстве не определены. Это обстоятельство порождает казусы, когда большинство преступлений можно трактовать как деяния экстремистской направленности.

Автор делает вывод, что современное антиэкстремистское законодательство можно назвать крайне бессистемным и несформировавшимся — оно не только не обеспечивает должной охраны от посягательств, основанных на мотивах ненависти или вражды, но и угрожает демократическим правам человека, гарантированным Конституцией страны. Например, отсутствие в уголовно-правовых нормах, предусматривающих ответственность за деяния экстремистской направленности такого важного квалифицирующего признака, как насилие, а также призывы к нему, создает угрозу для обеспечения свободы слова как основополагающего принципа демократического общества.

В связи с этим А.М. Сысоев полагает необходимым принять следующие меры: конкретизировать перечень мотивов, относимых к экстремистским, ограничившись расовой, национальной, религиозной враждой; сузить пределы уголовной репрессии, определив мотивы ненависти или вражды в качестве обстоятельств, отягчающих ответственность, только для преступлений, направленных против жизни и здоровья; отказаться от понимания в качестве экстремистских деяний преступлений, в которых мотив ненависти не сопровождается причинением насилия, а равно призывами к нему; на законодательном уровне разграничить основ-

ные понятия «экстремизм», «экстремистская деятельность», «преступления экстремистской направленности», которые используются практически в качестве синонимов [20, с. 52].

А.М. Верховский призывает уточнить те или иные конкретные наказуемые формы противоправных действий. Формулировка «разжигание», равно как и «возбуждение» «вражды» или «розни» представляется А.М. Верховскому крайне неудачной: «Статья должна быть сформулирована предельно четко: «оскорбление», «клевета», «призывы к…» (с конкретным уточнением, к чему именно призывы), что позволит решить сложный вопрос об «умысле» [2].

По мнению М.В. Костромичевой, перечень деяний, имеющих экстремистскую направленность, требует детализированного описания. Необходимость такой детализации проистекает из того, что само деяние определяется посредством оценочных понятий («возбуждение», «рознь», «ненависть», «вражда» в другом пункте), что категорически неприемлемо в тексте юридического документа) [11, с. 101].

С.П. Вайле отмечает, что в части раскрытия понятия «экстремистская деятельность» в положениях нормативных актов (в Федеральном законе «О противодействии экстремистской деятельности», конкретных составах особенной части уголовного и административного кодексов Российской Федерации) имеют место серьезные разночтения. Большая часть преступлений экстремистской направленности вовсе не индивидуальна, а образована от иных преступлений путем их отягощения специальным мотивом (который выступает главным квалифицирующим признаком). Это во многом усугубляет и без того сложную ситуацию по линии противодействия экстремизму, поскольку установление, документирование и доказывание мотивации на практике всегда было и на сегодняшний день продолжает оставаться сопряженным с рядом проблем [1, с. 59].

3. Излишняя политизация. На это обращают внимание В.В. Лунеев и М.П. Клейменов.

В.В. Лунеев пришел к выводу, что введенные законодательством Российской Федерации экстремистские преступления охватывают около двух десятков деяний политизированной мотивации, которых практически нет в других странах. По словам ученого, придание экстремизму только негативного и особенно политически преступного характера, является глубоко односторонним, ошибочным или, по крайней мере, сомнительным уголовно-правовым и криминологическим решением [13, с. 29].

М.П. Клейменов ставит под сомнение целесообразность включения в перечень экстремистских такого противоправного деяния, как публичное заведомо ложное обвинение лица, замещающего государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъекта Российской Федерации, в совершении им в период исполнения своих должностных обязанностей деяний, указанных в настоящей статье и являющихся преступлением. Поскольку соответствующее лицо облечено властью, ресурс которой значительно расширяет возможности субъективного усмотрения, то оно может расценивать как экстремизм любую критику в свой адрес. Потом, возможно, разберутся, что имела место критика, но негативные последствия для человека уже наступят [10, с. 168].

Ряд исследователей проводят сравнительный анализ понятий «экстремизм» и «терроризм» (С.В. Дьяков [8], С. Фридинский [22]). Они резюмируют, что понятие «экстремизм» гораздо шире понятия «терроризм». Последний представляется одной из наиболее общественно опасных форм проявления экстремизма, к которому наиболее часто прибегают экстремистские организации при достижении своих целей.

В целом, исследователи предлагают разграничивать террористические и экстремистские преступления по признакам субъективной стороны — цели и мотиву; по результатам совершенных действий в виде тяжести ущерба общественным отношениям; по применяемым орудиям и средствам совершения преступлений.

Таким образом, можно констатировать, что в большинстве научных исследований подчеркивается отсутствие общепринятого понятия «экстремизм», выделенных признаков экстремизма, разграничения терминов «экстремизм», «экстремистская деятельность», «преступления экстремистской направленности» и т. д. Несовершенство законодательства ведет к ошибкам в правоприменении, что, в свою очередь, порождает неприятие самого противодействия экстремизму частью общества.

Поэтому исследователи настаивают на устранении недостатков антиэкстремистского законодательства: выработке четких дефиниций «экстремизм», «экстремистская деятельность», «терроризм»; определении круга противоправных действий, которые следует относить к экстремизму, отказе от излишней политизации определения экстремизма.

Литература

[1] *Вайле С.П.* Экстремизм в современной России: тенденции и перспективы // Вестник Казанского юридического института МВД России. — 2015. — № 1. — С. 59–62.

[2] Верховский А.М. Государство против радикального национализма. Что делать и чего не делать? — М., 2002.

[3] Декларация о мерах по ликвидации международного терроризма: Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 09.12.1994 № 49/60 // Действующее международное право. — Т. 3. — М., 1997.

[4] Декларация о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам: Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 18.12.1992 № 47/135 [Электронный ресурс]. — URL: http://www.un.org

[5] *Дементьева И.Н.* Протестные настроения в комплексе трендов общественного развития // Проблемы развития территории. — 2014. — № 4 (72). — С. 67–81.

[6] *Дементьева И.Н.* Протестный потенциал в регионе в контексте проблемы национальной безопасности // Проблемы развития территории. — 2015. — № 3 (77). — С. 115–126.

[7] Договор о сотрудничестве в охране внешних границ государств — членов ЕврАзЭС от 21 февраля 2003 г. // СЗ РФ. — 2009. — № 13.

[8] *Дьяков С.В.* Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства: уголовно-правовое и криминологическое исследование. — СПб.: Юридический центр-пресс, 2012. — 267 с.

[9] Европейская конвенция о пресечении терроризма от 27.01.1977 № 090 // СЗ РФ. — 2003. — № 3.

[10] *Клейменов М.П., Артемов А.А.* Понятие и виды криминального экстремизма // Вестник Омского университета. Сер. Право. — 2010. — № 3. — С. 167–174.

[11] *Костромичева М.В.* Экстремизм: определение понятия в правовом дискурсе // Вестник Челябинского государственного университета. — 2013. — № 31. — С. 100–102.

[12] *Куликов И.В.* Экстремизм как общественно опасное деяние // Социально-экономические явления и процессы. — 2013. — № 6. — С. 188–190.

[13] *Лунеев, В.В.* Российский экстремизм: политика и реалии // Криминологический журнал ОГУЭП. — 2009. — № 1 (8). — С. 29–38.

[14] Международная конвенция о борьбе с бомбовым терроризмом от 15 декабря 1997 г. [Электронный ресурс]. — URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/bombing.shtml/

[15] Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма от 9 декабря 1999 г. [Электронный ресурс]. — URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/terfin.shtml

[16] Модельный закон о противодействии экстремизму: Постановление 32-9 Межпарламентской ассамблеи государств — участников СНГ от 14 мая 2009 г. [Электронный ресурс]. — URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31400742

[17] О противодействии экстремистской деятельности: федеральный закон от 25.07.2002 №114-ФЗ [Электронный ресурс]. — URL: http://www.szrf.ru/doc.phtml?nb=edition00&issid=2002030000&docid=43

[18] *Петрянин А.В.* Экстремизм как конвенциональное преступление // Юридическая наука и практика // Вестник Нижегородской академии МВД России. —2014. — № 1. — С. 146–155.

[19] *Сысоев А.М.* Криминализация деяний экстремистской направленности: современные проблемы и перспективы // Человек: преступление и наказание. — 2010. — № 4. — С. 32–34.

[20] *Сысоев А.М.* Современная система противодействия криминальному экстремизму: проблемы реализации и направления развития // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. — 2009. — № 5. — С. 51–54.

[21] *Узденов Р.М.* Экстремизм: криминологические и уголовно-правовые проблемы противодействия: автореф. дис. … канд. юрид. наук. — М., 2008. — 29 с.

[22] *Фридинский С.* Терроризм как крайняя форма проявления экстремизма // Уголовное право. — 2008. — № 3. — С. 120–123.

[23] Шанхайская Конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом от 15 июня 2001 г. // СЗ РФ. — 2003. — № 41.

[24] *Шабунова А.А. Гужавина Т.А., Кожина Т.П.* Доверие и общественное развитие в России // Проблемы развития территории. — 2015. — № 2 (76). — С. 7–19.

УДК 32:378(470)

ЛАУШКИНА Галина Анатольевна,
старший преподаватель кафедры уголовного права,
процесса и криминалистики
Башкирского института социальных технологий (филиала)
ОУП ВО «Академия труда и социальных отношений» (г. Уфа)
e-mail: mara8603@mail.ru

ПРАВОСОЗНАНИЕ И ПРАВОВОЕ ВОСПИТАНИЕ КАК ЭЛЕМЕНТ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ И КАК НАПРАВЛЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЮРИДИЧЕСКОЙ КЛИНИКИ

В статье рассматривается проблема правового нигилизма среди различных слоев населения. Предлагаются пути решения данной проблемы, путем создания юридической клиники.

Ключевые слова: *правосознание, юридическая клиника, правовая культура, правовое воспитание.*

Правовое сознание и правовая культура занимают самостоятельное место в механизме правового регулирования. Несомненна роль правосознания в качестве элемента механизма правового воздействия. Правосознание является специфической формой общественного сознания.

Правосознание как часть механизма правового воздействия не характеризуется специфическими юридическими, нормативно-регулирующими свойствами. Можно сказать, что оно — связующее звено между нормативными предписаниями, выражающими волю законодателя, и реальными общественными отношениями.

Правосознание оказывает серьезное мотивационное воздействие на поведение людей. При этом правовое сознание оказывает воздействие на поведение людей как вместе с нормами права, наряду с ними, так иногда и вопреки им [2].

Носителем сознания может быть только личность, т. е. человек в единстве всех своих социально-психологических качеств и сил, направляющих его практическую деятельность. Структурными элементами сознания являются: постоянство сознания, познание (приобретение в ходе общественно-практической деятельности знаний об окружающем мире — от ощущений к творческому мышлению), знания (целостная и систематизированная совокупность понятий, усвоенных человеком с помощью мышления и памяти), усвоение (понимание, запоминание и возможность использования определенных сведений), переживания (реакция на конкретные обстоятельства, факторы, отражение реального мира). Высшим уровнем сознания выступает самосознание.

Правосознание — это система взглядов, представлений, чувств, установок, выражающих отношение людей к действующему или желаемому праву, к иным правовым явлениям, к поведению людей как правомерному или противоправному. В функциональном значении она познавательная, регулятивная, прогностическая, коммуникативная и оценочная [1].

Специфика правового сознания состоит в том, что оно воспринимает, а затем и воспроизводит жизненные реалии через призму справедливого, праведного, свободного. Оно требует установления общеобязательных норм поведения. Правосознание очерчивает границы правового и неправового, правомерного и противоправного. Оно требует юридических мер для обеспечения права. В отличие от других форм сознания правовому в большей степени присущи формализованность, определенность и категоричность. Ему свойственно требовать жесткого контроля за исполнением

правовых обязанностей. Но в первую очередь правовое сознание ориентировано на создание всех условий для осуществления прав человека и гражданина.

Все зависит от того, насколько существующая норма одобряется правосознанием и в какой степени полно регулирует общественные отношения. Поэтому можно говорить о регулирующем воздействии правосознания на общественные отношения. Оно обычно не существует в «чистом» виде, правосознание взаимосвязано с другими видами и формами осознания реальности и действительности. Так, достаточно часто правосознание переплетается с моральными воззрениями. Люди оценивают право и правовые явления с точки зрения мольных категорий добра и зла, справедливости и несправедливости, совести, чести и др. Отношение к праву часто определяется политическими взглядами [4–5].

Однако между правом и правосознанием существует тесная взаимная связь, которая проявляется как во влиянии правосознания на право, так и наоборот — во влиянии права на правосознание. Прежде всего, это влияние проявляется в процессе формирования права и весьма заметно на его завершающей стадии — стадии правотворчества. Оно заключается в том, что именно правосознание вырабатывает представления о необходимости и потребности принятия определенных нормативно-правовых решений. Определяющее значение имеет уровень правосознания, правовой культуры всех субъектов, участвующих в создании нормативно-правовых актов.

Не в меньшей степени правосознание влияет и на соблюдение законов. Как форма общественного сознания оно оказывает корректирующее воздействие на сознание отдельных индивидов и таким образом способствует повышению его уровня, приближению индивидуального правосознания к общественному. Соблюдение требований законодательства находится в прямой зависимости от уровня правосознания всех членов общества, их культурности.

Следует выделить одну из основных функций правосознания — идейно-воспитательную, которая служит основой для воспитания внутренней потребности соблюдать нормы права, формирования такой черты характера человека, как законопослушание, привития уважения к закону как непреложной ценности, без которой не может существовать цивилизованное общество. Это база для формирования правовой установки личности, т. е. ее психологической предрасположенности к соблюдению норм закона, складывающейся под воздействием различных социальных и психологических факторов. Для идейно-воспитательной функции характерна также широкая пропаганда общечеловеческих моральных ценностей — справедливости, гражданского общества, демократии, человечности, идей о гуманном назначении и все возрастающей роли права в общественной жизни — как действенного инструмента обеспечения и защиты интересов личности, материального и духовного прогресса человечества.

Если правосознание характеризует отношение к праву с внутренней стороны человеческой деятельности, то выразителем такого отношения вовне выступает правовая культура. Эти категории теснейшим образом связаны между собой. Согласно определению, правовая культура — разновидность социальной культуры, которая представляет собой достаточно сложное и многоплановое понятие, состоящее из правовой культуры личности и правовой культуры общества.

Правовая культура личности — это знание и понимание права, а также действие в соответствии с ним. Правовая культура личности тесно связана с правосознанием, опирается на него. Но она шире правосознания, ибо включает в себя не только психологические и идеологические его элементы, но и юридически значимое поведение.

Не всякого индивида, знающего и понимающего юридические нормы, можно считать правокультурным человеком. Таковым является только тот, у кого знание юридических правил сочетается с потребностью соблюдения их предписаний, кто в своей деятельности им следует.

Правовая культура личности состоит из следующих элементов: психологического, идеологического, поведенческого.

Правовая культура личности означает правовую образованность человека, включая

правосознание, умение и навыки пользоваться правом, подчинение своего поведения требованиям юридических норм. Ведущий себя культурно (активно) субъект предпочитает лично ознакомиться с правовым актом, выбрать нужные юридические средства и возможности и действовать сообразно правовым требованиям, считая их социально ценными.

Правовая культура общества — это обусловленное социальными, духовными, политическими, экономическими особенностями качественное состояние правовой жизни общества, характеризующееся достигнутым уровнем развития всех юридических явлений (правовых актов, юридической деятельности, правосознания и т. д.), а также степенью гарантированности государством и обществом прав и свобод человека и гражданина.

Структура правовой культуры общества состоит из следующих элементов:

– уровня правосознания и правовой активности общества;

– степени прогрессивности юридических норм (уровень развития права, культура юридических текстов и т. п.);

– степени прогрессивной юридической деятельности (культура правотворческой, правоприменительной и правоохранительной деятельности).

Правовая культура общества является частью его общей культуры и характеризуется:

– полнотой, развитостью и обеспеченностью прав и свобод человека и гражданина;

– реальной потребностью в праве;

– состоянием законности и правопорядка в стране;

– степенью развитости в обществе юридической науки и юридического образования и т. п. [6].

Формирование правосознания и правового воспитания, предполагает, что взаимоотношения «государство — гражданин — личность» должно быть направлено на подготовку ролевых функций гражданина, добросовестное выполнение которых предоставляет возможность каждому человеку нормально существовать в системе государственной жизни, использовать свои права и свободы, определенные Конституцией, а также рассчитывать на защиту со стороны государства. Каждый гражданин должен иметь необходимый уровень правовых знаний, уважать законы и сознательно их исполнять. Государство же обязано в свою очередь создать все необходимые условия для реализации нрав и свобод, гарантированных Конституцией. Формирование правосознания личности не может происходить стихийно, вне системы социальных институтов государства.

К сожалению, приходится констатировать, что осуществление правовой реформы проходит на фоне негативных факторов, к числу которых можно отнести рост наркомании, злоупотребление алкогольными и табачными изделиями, увеличение преступности. Поэтому первоочередной задачей государства и общества становится создание условий для оздоровления нации, в том числе и реализации системы мер по повышению правосознания и правовой культуры граждан.

Эффективность преобразований в социально-экономической и социально-политической сферах жизнедеятельности общества во многом зависит от того, насколько осознанно, а следовательно активно, будут участвовать в данном процессе все социальные группы, в том числе и молодежь — самая динамичная и энергичная часть общества.

Активная трансформация российской действительности изменила отношение молодого поколения к праву как к жизненной ценности. Меняются взгляды и оценки правомерного и неправомерного поведения, социальной деятельности, а также формы и методы развития правосознания в молодежной среде.

Как свидетельствуют статистические данные, динамика молодежной преступности имеет тенденции к возрастанию. В молодежной среде процветают неуважение к закону, праву, правовой нигилизм, что вызывает негатив, деформацию сторон правосознания, которая резко критически, отрицательно относится к требованиям уважения и соблюдения права.

Динамика развития правосознания и выработка у молодежи правового мышления, адекватного общественным изменениям связаны с решением ряда задач, одной из которых является овладение молодыми людьми соответствующими знаниями о социальной и духовной ценности права как явления мировой

цивилизации, осознание неразрывной связи гражданских прав и обязанностей.

Правосознание и правовое воспитание оказывают серьезное мотивационное воздействие на поведение людей. Оно содержится в общественном мнении и влияет на общественные отношения так же, как и нравственные нормы. Тесное взаимодействие и взаимопроникновение нравственности и права обусловливают особое значение воспитания правосознания и правовой культуры как важного фактора дальнейшего укрепления законности и правопорядка в обществе [2].

Одной из форм реализации данного направления является Юридическая клиника «Социальная правозащита» Башкирского института социальных технологий (далее — Юридическая клиника), созданная по инициативе студентов. Юридическая клиника, осуществляя конституционное право граждан на квалифицированную помощь (ст. 48 Конституции Российской Федерации), решая вопрос повышения доступности правосудия для малоимущих групп населения, активно ведет прием граждан по вопросам гражданского, трудового, семейного, наследственного права.

Юридическая клиника преследует следующие цели:

– социально-ориентированные. Это участие в решении социальных проблем общества путем оказания бесплатной юридической помощи, защита прав и законных интересов граждан; содействие реализации прав граждан, гарантированных Конституцией РФ и международными правовыми актами; представительство интересов граждан в суде и иных государственных органах; оказание содействия правозащитным организациям; повышение уровня правовой культуры населения;

– профессионально-ориентированные, включающие повышение уровня профессиональной подготовки студентов; приобретение и совершенствование студентами практических умений и навыков; развитие у студентов высокого правосознания, понимания социального значения юриспруденции и роли юриста в обществе; профессиональная ориентация учащихся общеобразовательных школ.

Работа Юридической клиники осуществляется в письменной форме путем подготовки правового заключения, справки по законодательству, проектов документов. Как правило, прием граждан ведут два студента (обычно это студенты второго курса), обязанности секретаря исполняет студент 1-го курса.

В рамках Юридической клиники студенты получают практические навыки работы с нормативными документами, составления исковых заявлений, кассационных жалоб, жалоб в порядке надзора, заявлений об установлении юридических фактов, иных заявлений и т. д. Кроме того, при необходимости студенты выступают представителями граждан в суде, в исполнительном производстве, перед органами государственного управления и в отношениях с противоположной стороной по делу.

Услуги Юридической клиники широко востребованы жителями г. Уфы. Так, только с ноября 2014 г. поступило около 50 обращений от граждан, в числе которых пенсионеры, домохозяйки, безработные, женщины, находящиеся в декретном отпуске по уходу за ребенком. С учетом специфики работы Юридической клиники и сложности дел обращающихся граждан порядка 50% из общего числа обращений приходились на повторный прием.

Рассматривая в процентном соотношении тематику обращений можно разделить на следующие: 55% — кредитные обязательства перед банками, физическими лицами; 15% — признание права собственности на жилое помещение; 10% — выселение из жилого помещения; 10% — истребование имущества из чужого незаконного владения; 10% — установление границ земельного участка.

В перспективе планируется расширить направления деятельности Юридической клиники за счет:

– взаимодействия с председателями районных судов г. Уфы, которые и будут являться основополагающим поставщиком обращающихся граждан;

– взаимодействия с Уполномоченным по правам человека Республики Башкортостан;

– консультирования по проблемам ЖКХ.

Резюмируя сказанное, следует отметить, что роль правового воспитания и правосознания в формировании правовой культуры очень велика и как было указано выше, оно является одним из способов борьбы с такими опасными

явлениями как правовой нигилизм и правовой идеализм. Правовая неосведомленность граждан в значительной степени снижает предупредительную силу законов, затрудняет своевременное и квалифицированное решение вопросов, затрагивающих их права и интересы.

Литература

[1] *Белканов Е.А.* Проблемы теории государства и права. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2004. — С. 125–128.

[2] *Кистяковский Б.А.* Теория государства и права. — М.: НОРМА, 2004. — С. 178.

[3] *Нигматуллина Т.А.* Молодой политик в управлении регионом. — М.: NOTA BENE, 2014. — 234 с.

[4] *Смоленский М.Б.* Правовая культура, личность и гражданское общество в России: формула взаимообусловленности // Правоведенье. — 2003. — С. 21–24.

[5] *Смоленский М.Б.* Гражданское общество в условиях Российского конституционализма: аспекты правовой культуры. — М.; Ростов н/Д.: МарТ, 2003. — 256 с.

[6] *Смоленский М.Б.* Конституционно-правовые основы формирования правовой культуры и развития гражданского общества в Российской Федерации // Государственное и муниципальное управление (Ученые записки СКАГС). — Ростов н/Д.: СКАГС, 2003. — № 4. — С. 50–59.

УДК 343.163

ОСМАНОВ Роман Азерович
помощник прокурора, г. Уфа
e-mail: Shomik1@ya.ru

РОЛЬ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ В БОРЬБЕ С ЭКСТРЕМИЗМОМ

Борьба с терроризмом и экстремизмом — задача общегосударственная, для выполнения которой требуется мобилизация всех ресурсов. Общественная опасность экстремизма — в провоцировании власти к ответному насилию, дестабилизации демократических институтов общества, поощрении практики нарушения конституционных прав и свобод человека. В статье анализируется работа органов прокуратуры на примере Республики Башкортостан.

Ключевые слова: *прокуратура, надзорная деятельность, экстремизм, терроризм, профилактика.*

В настоящее время экстремизм и терроризм отрицаются международным сообществом как средство для достижения политических целей. Борьба с данными явлениями провозглашена ООН одной из приоритетных задач своей деятельности. При этом, одними из основных направлений усилий, предпринимаемых с целью противодействия экстремизму и терроризму, являются: создание международной и национальной правовой базы, формирование мощных антитеррористических центров и привлечение вооруженных сил для борьбы с экстремизмом, а также оздоровление социально-экономической обстановки в странах и регионах, являющихся источниками вооруженных конфликтов.

В Шанхайской Конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, заключенной в г. Шанхае 15 июня 2001 г., понятие «экстремизм» и «терроризм» рассматриваются как различающиеся. При этом отмечается, что экстремизм направлен на насилие, в частности, на конституционный строй, общественную безопасность.

Так, в ст. 3 указанной Конвенции отмечается, что «экстремизм — какое-либо деяние, направленное на насильственный захват власти или насильственное удержание власти, а также на насильственное изменение конституционного строя государства, а равно насильственное посягательство на общественную безопасность, в том числе организация в вышеуказанных целях незаконных формирований или участия в них, и преследуемые в уголовном порядке в соответствии с национальным законодательством сторон» [2, 11].

Это свидетельствует о том, что в Шанхайской Конвенции страны рассматривают борьбу с экстремизмом как важное условие обеспечения мира и согласия обществе.

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года (утверждена Указом Президента Российской Федерации от 12.05.2009 № 537) [4] терроризм и экстремизм наряду с другими опасными явлениями криминального свойства определены как источники угроз национальной безопасности. Основным законом, определяющим правовые и организационные основы противодействия экстремистской деятельности и устанавливающим ответственность за ее осуществление является Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности». В соответствии с ним, экстремистская деятельность — это деятельность по насильственному изменению основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации; публичное оправдание терроризма и иная террористическая деятельность; возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни; пропаганда исключительно-

сти, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии; нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии.

При этом согласно вышеназванному Федеральному закону, основным органом, способным осуществлять превентивные меры по воспрепятствованию распространению экстремистской деятельности, является прокуратура Российской Федерации.

Надзорная деятельность органов прокуратуры Российской Федерации осуществляется в соответствии с Приказом Генерального прокурора Российской Федерации от 07.12.2007 № 195 (ред. от 10.02.2012) «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина».

Согласно п. 1.2. Приказу Генерального прокурора Российской Федерации от 19.11.2009 № 362 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о противодействии экстремистской деятельности» особое внимание приказано уделять обеспечению постоянного и эффективного надзора за исполнением законодательства о межнациональных отношениях и противодействии экстремизму в деятельности Министерства внутренних дел Российской Федерации, Министерства юстиции Российской Федерации, Федеральной миграционной службы, Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций и их территориальных органов, в том числе за своевременностью, полнотой, законностью и обоснованностью принимаемых ими мер по выявлению и пресечению экстремистских проявлений.

На основании ст. 6 Федерального закона от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», при наличии достаточных и предварительно подтвержденных сведений о готовящихся противоправных действиях, содержащих признаки экстремистской деятельности, и при отсутствии оснований для привлечения к уголовной ответственности Генеральный прокурор Российской Федерации или его заместитель либо подчиненный ему соответствующий прокурор или его заместитель направляет руководителю общественного или религиозного объединения либо руководителю иной организации, а также другим соответствующим лицам предостережение в письменной форме о недопустимости такой деятельности с указанием конкретных оснований объявления предостережения [4].

Форма предостережения всегда письменная. В тексте документа указывается лицо, которому объявляется предостережение, приводятся сведения о готовящихся противоправных деяниях, разъясняются последствия игнорирования предостережения, а также содержание ответственности за нарушение закона, о недопустимости которого предостерегается должностное лицо.

Кроме того, ст. 7 вышеуказанного Закона гласит, что предупреждение общественному или религиозному объединению может быть вынесено также министерством юстиции Российской Федерации либо его территориальным органом, а в ряде случаев — Федеральным органом исполнительной власти в сфере печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.

Однако, не смотря на принимаемые меры, органами прокуратуры продолжают выявляться значительные нарушения в названной сфере. Поскольку суть экстремизма предполагает воздействие на сознание значительного количества людей, проведение проверок средств массовой информации играют значительную роль для обеспечения безопасности страны. К примеру, в 2009 году Клинской городской прокуратурой по заявлению председателя НП «Армянская диаспора Клинского района» о распространении в ряде статей информационной еженедельной газеты «Согласие и Правда» высказываний, которые формируют неприязненное и враждебное отношение к мигрантам, рабочим из стран СНГ, проведена проверка, материалы которой были направлены в Следственный отдел по г. Клин СУ СК при прокуратуре Российской Федерации по Московской области для принятия решения в порядке ст. ст. 144, 145 УПК РФ. По результатам рассмотрения материалов

21 августа 2009 г. возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 282 УК РФ, поскольку в вышеуказанных статьях, согласно заключению лингвистического исследования, содержится информация, направленная на разжигание национальной розни и формирование негативного отношения к определенным социальным группам, в том числе мигрантам [1, 64].

С широким распространением сети Интернет и расширением числа ее пользователей проблема распространения экстремистской деятельности приобрела значительно более широкие масштабы, чем раньше. Лица, осуществляющие противоправные действия по пропаганде экстремизма активно пользуются различными социальными сетями и сайтами для вовлечения легко внушаемых категорий граждан в деятельность по возбуждению социальной, расовой, национальной или религиозной розни.

К примеру, в 2015 году прокуратурой Стерлитамакского района Республики Башкортостан в ходе мониторинга сети Интернет были выявлены сайты, содержавшие материалы экстремистского характера. Так, на 22 Интернет-ресурсах публиковались запрещенные статьи о деятельности террористической организации «Хизб-ут-Тахрир», а также материалы антисемитского характера, пропагандирующие национализм, фашизм и межнациональную рознь [3].

В целях защиты прав и законных интересов граждан и основ конституционного строя, прокуратура района обратилась в суд с требованием обязать ОАО «Башинформсвязь» заблокировать доступ к экстремистским текстам. Суд согласился с заявлением прокурора и удовлетворил его в полном объеме.

Бесконтрольное распространение в Интернете радикального ислама, а также националистического профашистского характера, свободный доступ к сайтам запрещенных экстремистских и террористических организаций способствует разжиганию межнациональной напряженности.

В последние несколько лет набирает обороты практика вербовки российских граждан, в основном девушек, не достигших 20-летнего возраста, в радикальные исламистские группировки. Так, в средствах массовой информации широкий резонанс получил случай с 19-летней девушкой, якобы пытавшейся добраться до Сирийской Арабской Республики, чтобы примкнуть к экстремистской организации «Исламское государство Ирака и Леванта», запрещенной на территории Российской Федерации решением Верховного Суда Российской Федерации от 29 декабря 2014 г. на основании заявления Генерального прокурора Российской Федерации.

Проблема распространения экстремистских идей требует принятия эффективных мер по предупреждению и пресечению проявлений любых форм экстремизма.

На сегодняшний день органами прокуратуры, в том числе в рамках надзора за уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельностью, налажено четкое взаимодействие с иными правоохранительными органами. Осуществляется систематический обмен информацией, организован мониторинг публикуемых материалов, в том числе в сети Интернет, на предмет наличия информационных материалов с признаками экстремизма.

Между тем проведенный анализ внесенных прокуратурой Республики Башкортостан актов реагирования показал, что несмотря на принимаемые меры в ряде районов имеют место значительные нарушения требований законодательства о противодействии экстремизму. Так, в некоторых образовательных учреждениях Дюртюлинского, Стерлибашевского и Бакалинского районов республики не были установлены системы контентной фильтрации, что позволяло обучающимся прямо из компьютерных классов учебных заведений осуществлять выход на сайты экстремистского содержания. В 2013 году прокурорами республики в данной сфере проведено более 100 проверок, по результатам которых в суды направлено более 90 исковых заявлений с требованиями обязать образовательные учреждения установить системы сетевой фильтрации.

Значительное количество выявляемых прокурорами нарушений связано с профилактикой экстремистских проявлений органами местного самоуправления. Проведенные в 2013 году прокурорские проверки показали, что в некоторых районах Республики Баш-

кортостан отсутствуют муниципальные программы профилактики экстремизма и терроризма. Фактически это означает, что на территории данных районов не проводится мониторинг общественно-политической ситуации, не уделяется должное внимание анализу этноконфессиональной напряженности (количество религиозных организаций, культовых зданий и сооружений), не проводится пропаганда нетерпимости к возбуждению социальной, расовой, национальной или религиозной розни. Еще в ряде случаев созданные программы составлялись формально и представляли собой перечень физкультурно-спортивных мероприятий.

Одной из причин большого числа нарушений в данной сфере является отсутствие достаточного финансирования. Зачастую органы местного самоуправления просто не имеют возможности реализовать необходимое количество профилактических мероприятий. К примеру, объем финансирования Программы «Профилактика терроризма и экстремизма в муниципальном районе Белокатайский район Республики Башкортостан на 2013–2015 годы» составил 210 тыс. руб., т. е. по 70 тыс. руб. в год.

Практика прокурорского надзора также свидетельствует о том, что в вопросах борьбы с молодежным экстремизмом Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» не решает всех задач.

По-прежнему одной из серьезных проблем остается отсутствие действенного механизма государственного контроля за деятельностью незарегистрированных (неформальных) молодежных объединений. Отсутствуют правовые основания к постановке на учет в органах внутренних дел несовершеннолетних, являющихся активными участниками неформальных молодежных организаций, деятельность которых близка к экстремистской (футбольные и хоккейные фанаты и др.). Чрезмерно усложнена процедура привлечения к ответственности лиц, занимающихся изготовлением, распространением, хранением и пропагандой литературы фашистской и экстремистской направленности. Недостаточно эффективно решаются на федеральном уровне (и, как следствие, на региональных уровнях) задачи занятости, социальной реабилитации молодежи в районах политических и военных конфликтов, лиц, принимавших участие в военных действиях.

В этой связи есть необходимость подумать о разработке федеральной целевой программы по формированию установок толерантного сознания и профилактике экстремизма в российском обществе на ближайшие годы. Видимо, есть необходимость в принятии и реализации аналогичных региональных программ во всех субъектах Российской Федерации, в особенности в регионах, где националистические проявления в молодежной среде наиболее распространены.

Литература

[1] *Агапов П.В., Залужный А.Г.* Прокурорский надзор за исполнением законов о государственной безопасности, межнациональных отношениях и противодействии экстремизму: пособие. — М.: Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2012. — С. 64.

[2] *Долговая А.И.* Экстремизм: понятие, система противодействия и прокурорский надзор: методическое пособие. — М.: Российская криминологическая ассоциация, 2009. — С. 11.

[3] По иску прокуратуры суд вынес решение об ограничении доступа к 22 экстремистским сайтам [Электронный ресурс]. — URL: http://bashprok.ru/news/news.php?ID=29981&sphrase_id=80024

[4] Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» // «Российская газета». — 2002. — № 138–139. — 30 июля.

УДК 327:37(470)

ШАФИКОВА Айгуль Рифхатовна,
старший преподаватель кафедры экономики, информатики и аудита
Башкирского института социальных технологий (филиала)
ОУП ВО «Академия труда и социальных отношений», г. Уфа
e-mail: aigul23-11@mail.ru

БЮДЖЕТНАЯ ГРАМОТНОСТЬ КАК ФАКТОР ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СТРАНЫ

Экономическая безопасность страны — основополагающий принцип развития эффективных экономических отношений между секторами макроэкономики. В статье рассматривается бюджетная грамотность населения как одного из способов обеспечения экономической безопасности.

Ключевые слова: *бюджетная грамотность, гражданское общество, экономическая безопасность, благополучие граждан, инструменты государственной экономической политики, государственный бюджет.*

Экономическая безопасность страны — один из ключевых факторов благополучия граждан. Государственная стратегия экономической безопасности Российской Федерации гласит: «Состояние экономики, отвечающее требованиям экономической безопасности Российской Федерации, должно характеризоваться определенными качественными критериями и параметрами (пороговыми значениями), обеспечивающими приемлемые для большинства населения условия жизни и развития личности, устойчивость социально-экономической ситуации, военно-политическую стабильность общества, целостность государства, возможность противостоять влиянию внутренних и внешних угроз» [3].

Правительство на законодательном уровне принимает меры по предотвращению теневой экономики, сокрытия доходов, отклонения от уплаты налогов, продажи наркотических средств, однако существуют и другие способы обеспечения стабильной ситуации в экономике. Помимо запретов и уголовного наказания, необходимо проводить политику экономического просвещения, формируя у граждан чувство ответственности, потребность в рациональном экономическом поведении, вовлеченность в макроэкономические процессы общества.

Формировать бюджетную грамотность населения следует уже с детского возраста. Предупредить и избежать возникновения неблагоприятных последствий гораздо разумнее, чем перевоспитывать взрослых людей. Не случайно сейчас так много говорят об экономике знаний, уровне образованности, гражданской ответственности, патриотическом воспитании подрастающего поколения и, как это ни покажется странным, но и о патриотическом воспитании. Любовь к Родине выражается не только в готовности отдать за нее жизнь, но и в бережном отношении к ее ресурсам, в том числе экономическим и финансовым.

Лишь в последние годы в России начали разрабатывать проекты, направленные на повышение финансовой и бюджетной грамотности детей и молодежи. Одной из задач, поставленных Президентом Российской Федерации в Бюджетном послании на 2014–2016 гг., стала разработка особого документа — «Бюджета для граждан», с помощью которого каждый гражданин может разобраться в бюджетной политике страны, региона или муниципалитета и найти ответы на интересующие его вопросы [2].

Вместе с тем несмотря на то, что в общеобразовательных учреждениях в курсе «Обществознание» выделен блок «Экономика», преподают его учителя обществознания, порой не обладающие необходимыми знаниями в области экономики. Кроме того, отведенные на

экономические параграфы часы не позволяют представить школьникам финансовые, налоговые, инвестиционные и другие реалии в том объеме, в котором ученик смог бы понять и разобраться в столь непростой дисциплине. Следовательно, прежде чем обучать учеников, надо повысить квалификацию учителей.

Сегодняшние дети — это будущие участники финансового рынка, налогоплательщики, вкладчики и заемщики. И азы экономических знаний помогут им более уверенно войти в мир рыночных отношений, избежать многих вопросов, возникающих, прежде всего, из-за неосведомленности и низкого уровня знаний в сфере экономики.

Сегодня, в условиях трансформации национально-государственной экономической системы, как никогда остро назрела необходимость контроля за экономической безопасностью страны. Какими же средствами обладает правительство для осуществления данного вида контроля? Государственная политика имеет в своем арсенале два инструмента регулирования экономики: денежно-кредитную и бюджетно-налоговую политики. Первая позволяет воздействовать на ситуацию на рынке путем увеличения (уменьшения) предложения денег либо изменения ставок по кредитам, вторая же направлена на регулирование макроэкономики посредством налоговых ставок и пертурбаций в государственном бюджете. В условиях кризиса, когда сектор домохозяйств и предпринимательский сектор остаются лицом к лицу со своими проблемами, именно государство, применяя фискальную и (или) монетарную политики, выступает «спасательной шлюпкой» для «утопающих». Для того чтобы население действительно смогло оценить вклад государства в разрешение конфликтных, неоднозначных и спорных экономических ситуаций, нужна доступная и понятная для граждан информация, иными словами — прозрачность процедур выработки, принятия и реализации органами власти ключевых решений. Это позволит гражданам самостоятельно делать выводы об эффективности расходов, целевом использовании средств и в целом об эффективности работы государственного аппарата [1].

Российская Федерация на протяжении последних нескольких лет переживает сложные моменты: вызовы глобализации, вступление во Всемирную торговую организацию, мировой экономический кризис, введение санкций. Они так или иначе трансформируют экономику России, бросая все новые вызовы. К примеру, для вступления в ВТО стране необходимо было соблюсти определенные условия: пересмотреть уровень таможенных пошлин, ввести принципы «национального режима» и «наиболее благоприятствуемой нации», изменить правовой режим доступа и работы иностранных лиц в сфере страховых, финансовых, телекоммуникационных услуг. Процедура эта состоит из ряда этапов и проводится в течение нескольких лет. Мировой экономический кризис хотя и был спрогнозирован отдельными экспертами-аналитиками, тем не менее нанес существенный удар по экономике страны. Граждане вновь оказались не готовы противостоять росту цен, тарифов, ставок и т. д. Более того, они не смогли выработать рациональное поведение, которое позволило бы им менее болезненно пережить сложную ситуацию. Введение санкций против России зарубежными странами стало очередным ударом по экономике страны. Они были направлены, как многие ошибочно полагают, не против таких крупных предприятий, как «Роснефть», «Сбербанк» и др., которые были лишены возможности займа денежных средств в зарубежных банках, а в первую очередь оказали негативное воздействие на жизнь самого населения. И вновь эти действия были расценены многими — в силу непонимания экономической подоплеки — как следствие неправильных решений российского правительства.

Можно ли было избежать всех этих событий? Ответить на этот вопрос однозначно не удастся. Мы можем лишь рассуждать и делать соответствующие предположения. Но одно мы можем с уверенностью констатировать: если бы в России было больше экономически грамотных людей, понимающих, что такое бюджет, бюджетная система, бюджетная и финансовая грамотности, то эти события были бы восприняты иначе.

Неслучайно большинство как международных, так и отечественных экспертов считают: чем раньше молодежь познакомится с понятием бюджетной грамотности, тем быстрее

сформируются полезные финансовые привычки, которые помогут избежать многих ошибок в будущем, а также заложат основу финансовой безопасности и благополучия человека на протяжении жизни. Многие страны уже имеют опыт введения бюджетной грамотности в качестве самостоятельной дисциплины или дополнительного курса. В ряде стран ведется активная просветительская работа по толкованию и разъяснению бюджета для простых граждан. Создаются и выпускаются печатные издания, брошюры, буклеты, листовки с изложением наиболее важных понятий государственного бюджета на доступном языке. Для студентов и школьников разрабатываются онлайн игры, позволяющие в нетрадиционном формате познакомиться с бюджетом страны.

Что касается России, то сегодня мы заметно продвинулись в решении вопросов повышения бюджетной грамотности подрастающего поколения. Об этом свидетельствуют, в частности, итоги впервые прошедшей в стране в марте 2015 г. Недели финансовой грамотности для детей и молодежи, в которой приняли участие более 15 000 студентов и школьников [4], и которая показала, что в регионах ведется разноплановая работа по просвещению молодежи в области государственных финансов и бюджета.

Активно включилась в эту работу и Республика Башкортостан, где для продвижения и популяризации документа «Бюджет для граждан», а также обеспечения экономической безопасности страны разработан следующий алгоритм действий: 1-й этап — разработка и реализация технологии добровольчества детей и молодежи; 2-й этап — обеспечение каналов распространения информации (проведение Дней бюджетной грамотности, просветительская работа среди школьников и людей пенсионного возраста, создание рубрик, посвященных заданной тематике на студенческом и школьном телевидении); 3-й этап — участие молодежи в разработке инновационных проектов по данной тематике (написание законотворческих инициатив, участие в конкурсах и грантах); 4-й этап — осуществление контроля за результатами проделанной работы (проведение социологических опросов); 5-й этап — обмен опытом с иностранными коллегами, работающими с аналогичной тематикой (посредством социальных сетей, видеозвонков, электронной почты и т. д.).

Результатом этой работы должно стать получение населением новых знаний и компетенций в области бюджетной грамотности, что, без сомнения, приведет к развитию человеческого потенциала, росту уровня благосостояния и финансовой безопасности граждан России.

Таким образом, экономическая безопасность страны должна обеспечивать, прежде всего, эффективность самой экономики, т. е., наряду с защитными мерами, осуществляемыми государством, она должна защищать себя сама [2].

Литература

[1] *Кобилев А.Г., Пономаренко Т.А.* Обеспечение экономической безопасности страны, как основополагающий аспект ее развития // Российский академический журнал. — 2014. — №1 (27). — С. 40–42.

[2] Проект «Содействие повышению уровня финансовой грамотности населения и развитию финансового образования в Российской Федерации» Проект ID № P120338 [Электронный ресурс]. — URL: http://www.minfin.ru/common/img/uploaded/library /2011/05/GPN-RUS.pdf

[3] Указ Президента Российской Федерации от 29.04.1996 № 608 «О Государственной стратегии экономической безопасности Российской Федерации (Основных положениях)» [Электронный ресурс]. — URL: http://base.garant.ru/106503/

[4] URL: http://finagram.com/money-week-2015/

УДК 32:37(470)

ТИМОФЕЕВ Станислав Геннадиевич
студент 3-го курса юридического факультета
Башкирского института социальных технологий (филиала)
ОУП ВО «Академия труда и социальных технологий» (г. Уфа)
e-mail: stanislav664@gmail.com

Научный руководитель: ***НИГМАТУЛЛИНА Танзиля Алтафовна,***
доктор политических наук, доцент, директор
Башкирского института социальных технологий (филиала)
ОУП ВО «Академия труда и социальных отношений» (г. Уфа)
e-mail: vova-velc@yandex.ru

КРАЕВЕДЕНИЕ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ПОЗИЦИИ МОЛОДЕЖИ

Патриотическое воспитание молодежи, формирование ее гражданской позиции, социальной ответственности — одна из насущных задач современности. В статье на примере работы профильных клубных объединений рассматривается роль краеведения в воспитании духовно-нравственной, толерантной личности, обладающей важнейшими качествами гражданина и патриота России.

Ключевые слова: *патриотизм, воспитание, самосознание, профильные клубные формирования.*

> … В человеке порядочном патриотизм есть не что иное, как желание трудиться на пользу своей страны, и происходит не от чего другого, как от желания делать добро — сколько возможно больше и сколько возможно лучше
>
> *Н.А. Добролюбов*

В русском национальном самосознании понятие патриотизма нередко связывалось с традициями православной культуры и заключалось в готовности отказаться от себя, пожертвовать всем ради страны. Многие общественные и государственные деятели, такие как Н.М. Карамзин, С.Н. Глинка, А.И. Тургенев, призывали через свое творчество «положить жизнь за Отечество», что тесно перекликается с Евангелием от Иоанна: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» [7].

Во времена Петра I патриотизм считался выше всех добродетелей и практически был российской государственной идеологией. Слова «Бог, Царь и Отечество» отражают главные ценности времени. Русский солдат служил не ради чести своей или императора, а в интересах Отечества. Но не только с военной службой связывали понятие патриотизма граждане Российской Империи, гражданский патриотизм был распространен повсеместно.

Коренные преобразования в нашей стране конца XX — начала XXI века, определившие крутой поворот в новейшей истории России, сопровождались изменениями в социально-экономической, политической и духовной сферах общества и сознании ее граждан, в первую очередь — молодежи.

Традиционные основы воспитания и образования стали подменяться «более современными», чаще всего западными: христианские добродетели — общечеловеческими ценностями гуманизма; уважение старших и совместный труд — развитием творческой эгоистической личности; целомудрие, воздержа-

ние, самоограничение — вседозволенностью и удовлетворением своих потребностей; интерес к отечественной культуре — исключительным интересом к иностранным языкам.

М.Я. Курганская справедливо отмечает: «В условиях системного кризиса российская молодежь формирует собственное понимание патриотизма и отношение к нему в ряде случаев не только не совпадает с нормативной моделью патриотизма, закрепленной в официальных источниках, лежащих в основе построения системы патриотического воспитания, но, на уровне личностных тезаурусов части российской студенческой молодежи, располагается в зоне отчуждения и даже отторжения» [2, 267–270].

Однако последние события изменили ситуацию. Все началось неожиданно — с Олимпийских игр в Сочи: 81% россиян, по данным «Левада-центра», отметили у себя подъем патриотических чувств. Присоединение Крыма к России вызвало чувство гордости за страну уже у 88% респондентов, взлетевший рейтинг Президента России — еще одно тому подтверждение. А блистательная победа нашей сборной на чемпионате мира по хоккею вызвала, по словам аналитиков, «третью волну патриотизма» [8]. Продолжая этот перечень, заметим, что события на Украине, санкции по отношению к нашему государству со стороны ряда стран, вопреки ожиданиям западноевропейских политологов, привели к объединению россиян, возрождению национальной идеи, всплеску патриотизма. Патриотизм всегда играл важную роль в политическом сознании России, а одной из основных особенностей российского национального характера — и так было всегда, во все исторические эпохи — являлся именно патриотизм.

Толковый словарь В. Даля раскрывает понятие «патриот» так: «Любитель отечества, ревнитель о благе его» [1, 627]. «Словарь русского языка» С.И. Ожегова дает следующее определение: «Человек, преданный своему Отечеству, своему народу» [5, 453]. В отличие от определения, данного в словаре С.И. Ожегова, в словаре В. Даля есть существенное уточнение — «ревнитель о благе его», т. е. человек, старающийся сделать что-то на благо своего Отечества. И это принципиальное уточнение для каждого, кто считает себя патриотом.

На наш взгляд, интересной представляется трактовка понятия «патриотизм», предложенная М.В. Циулиной: она выделяет «ядро» патриотизма и его «внешнюю оболочку». «Ядро» патриотизма, считает ученый, составляют такие ценности, как деятельность на благо Родины; освоение культуры Малой Родины и страны в целом; защита Отечества. «Внешнюю оболочку», то есть те ценности, которые являются «дорогой» к патриотизму, представляют семья; дружба; уважение к людям; ценность таких качеств личности, как честность, справедливость, уверенность в своих силах, способность отвечать за себя; ценность познания и его результатов; сохранение окружающей среды [6, 329–333].

У патриотизма множество разнообразных и неоднозначных трактовок, но самое распространенное определение патриотизма коротко и ясно — это любовь к своей Родине. Обобщая все определения патриотизма, можно сказать, что это — одно из наиболее глубоких человеческих чувств, закрепленных веками и тысячелетиями. Под ним понимается преданность и любовь к своему Отечеству, к своему народу, гордость за их прошлое и настоящее, готовность к их защите. Патриотизм является важнейшим духовным достоянием личности, характеризует высший уровень ее развития и проявляется в ее активной самореализации на благо Отечества. Быть патриотом — естественная потребность людей, удовлетворение которой выступает как условие их материального и духовного развития, утверждения гуманистического образа жизни, осознание своей исторической культурной, национальной и духовной принадлежности к Родине и понимание демократических перспектив ее развития в современном мире [3].

Государство много делает для того, чтобы воспитать у подрастающего поколения патриотические качества, гражданскую активность и социальную ответственность. На это направлена, прежде всего, государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2011–2015 годы» [4].

Сегодня основные положения Государственной программы, конечным результатом кото-

рой предполагается положительная динамика роста патриотизма в стране, возрастание социальной и трудовой активности граждан, особенно молодежи, их вклада в развитие основных сфер жизни и деятельности общества и государства, преодоление экстремистских проявлений отдельных групп граждан и других негативных явлений, возрождение духовности, социально-экономическая и политическая стабильность и укрепление национальной безопасности, активно реализуются, в том числе и в Республике Башкортостан.

Особую роль и место в воспитании подрастающего поколения играют военно-патриотические и подростковые клубы, а также муниципальное учреждение «Центр патриотического воспитания молодежи».

В настоящее время в Уфе функционируют 77 подростковых, 17 военно-патриотических клубов. Все спортивные и исторические секции в этих клубах работают на бесплатной основе. Занимаясь здесь, молодые люди имеют возможность получать не только навыки, непосредственно связанные с военной подготовкой, но и повышать свою правовую грамотность, пополнять знания по истории, знакомиться с особенностями современных военных организаций.

Одним из таких профильных клубных формирований на территории Орджоникидзевского района города Уфы является Детский центр туризма, краеведения и экскурсий «Зенит». В клубе работает экспериментальная площадка «Школьная туристско-краеведческая академия «Эрудит». В Академии проходят мероприятия, направленные на формирование гражданской позиции и привитие любви к малой Родине. Назову лишь некоторые из них, получившие большой общественный резонанс:

- ежегодный конкурс на переходящий кубок имени Героя Советского Союза Бикеева Султана Хамитовича «За лучшую работу в духовно-нравственном и патриотическом воспитании учащихся» среди общеобразовательных учреждений Орджоникидзевского района городского округа г. Уфа;
- районный конкурс юных экскурсоводов «По малой родине моей»;
- районный конкурс исследовательских краеведческих работ учащихся общеобразовательных учреждений Орджоникидзевского района городского округа г. Уфа «Дорогами Отечества»;
- районный конкурс детского и юношеского литературно-краеведческого творчества Сергея Донатовича Довлатова и др.

С недавнего времени Детский центр «Зенит» начал активно сотрудничать с Башкирским институтом социальных технологий [8]. Совместная работа школьников и студентов приносит обоюдную пользу: проведено ряд мероприятий, способствующих формированию у молодежи патриотизма, гражданственности, гордости за свою Родину. Благодаря сотрудничеству к 70-летию Великой Победы подготовлена и издана книга «Дорогами огненных лет», где собраны воспоминания ветеранов войны и тружеников тыла, отрывки из их дневников, интервью с ними. Это — пример преемственности поколений, воспитания интереса к истории своей страны и желания принести ей пользу.

Одним из способов обогащаться духовно может стать вроде бы достаточно обычный, на первый взгляд, сплав по реке. Республика Башкортостан — древний многонациональный край с богатейшими историческими и культурными традициями — расположена на склонах Южного Урала и в Предуралье. Водный туризм в республике давно пользуется большой популярностью, тем более что для этого созданы прекрасные условия. Здесь много рек — спокойных равнинных и бурных горных: Белая, Уфа, Инзер, Ик, Дема, Ай, Юрюзань. Каждая из рек имеет свою историю, является частью комплекса какого-либо памятника культуры. Так, к примеру, река Белая протекает по территории знаменитого национального парка «Башкирия» и заповедника «Шульган-Таш».

Сплавы — это не только отличный отдых для любителей тишины и покоя, желающих избавиться от городской суеты и шума, набраться свежих сил и вдохновения, проверить свои силы и возможности, укрепить здоровье. Это еще и возможность поближе познакомиться с природой родного края, уви-

деть изнутри его красоту, поделиться своими впечатлениями с друзьями… Именно в таком общении чаще всего мы задаемся этическими вопросами и наиболее готовы к пониманию себя как личности, несущей ответственность не только за собственную судьбу, но и будущее семьи, а также малой и большой Родины.

В своей статье «Россия: национальный вопрос», опубликованной в «Российской газете», В.В. Путин писал: «Любой человек, живущий в нашей стране, не должен забывать о своей вере и этнической принадлежности. Но он должен, прежде всего, быть гражданином России и гордиться этим» [8]. В первую очередь эти слова относятся к молодежи.

Литература

[1] *Даль В.И.* Толковый словарь русского языка: современное написание. — М.: АСТ: Астрель», 2004. — С. 627.

[2] *Курганская М.Я.* Жизненная позиция и общественная полезность трудовой деятельности как социологические показатели молодежного патриотизма / М. Я. Курганская // Знание. Понимание. Умение. — 2012. — №1. — С. 267–270.

[3] *Нигматуллина Т.А.* Региональное проектирование молодежной политики. — М.: NOTA BENE, 2014. — 184 с.

[4] О государственной программе «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2011–2015 годы»: Постановление Правительства Российской Федерации // СЗ РФ. — № 41. — 11 октября 2010 г. (Часть II).

[5] *Ожегов С.И.* Словарь русского языка / под ред. д-ра филол. наук, проф. Н.Ю. Шведовой. — М., 1972. — С. 453.

[6] *Циулина М.В.* Патриотическое воспитание учащихся в общеобразовательной школе: организационно-содержательный аспект // Вестник Орловского государственного университета. — Сер. Новые гуманитарные исследования. — 2011. — № 1 (15). — С. 329–333.

[7] URL: http://www.nirsi.ru

[8] URL: http://www.rg.ru/2014/06/10/reg-urfo/patriotizm.html

[9] URL: http://www.ufabist.ru

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ

УДК 343.9

СОЛОДКАЯ Ирина Николаевна,
старший преподаватель кафедры
уголовного права, процесса и криминалистики
Башкирского института социальных технологий (филиала)
ОУП ВО «Академия труда и социальных отношений» (г. Уфа)
e-mail: anticolltctor@yandex.ru

БАСКАКОВ Алексей Тихонович,
кандидат философских наук, доцент кафедры
уголовного права, процесса и криминалистики
Башкирского института социальных технологий (филиала)
ОУП ВО «Академия труда и социальных отношений» (г. Уфа)
e-mail: Alexei.baskakov@yandex.ru

НЕКОТОРЫЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВАНДАЛИЗМА, СОВЕРШЕННОГО НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ

В статье обсуждаются отдельные уголовно-правовые и криминалистические аспекты вандализма, совершенного подростками. Вандализм, предусмотренный ст. 214 УК РФ, является сравнительно неисследованным преступлением, поскольку до принятия действующего УК РФ он был неизвестен уголовному законодательству. Вандализм является преступлением, совершаемым в основном несовершеннолетними. Опасностью современного вандализма является то, что указанное деяние влечет другие, более тяжкие преступления, такие как умышленное уничтожение и повреждение имущества, массовые беспорядки, хулиганство, экстремизм и т.д.

Ключевые слова: *вандализм, несовершеннолетние, подростковая преступность, квалификация преступлений, методика расследования, порча имущества, осквернение имущества.*

Изменения, происходящие в нашем государстве, обусловили привлечение внимания к формирующейся вокруг подростков и молодежи среде. Ситуация вокруг несовершеннолетних в современной России далека от идеала.

В последнее время отмечается значительное усиление целого ряда отрицательных тенденций, посягающих на общественный порядок, и российская уголовная политика должна быть направлена на эффективное противодействие указанным преступлениям. Насилие и жестокость среди несовершеннолетних посягают на права и законные интересы личности, общества и государства, а также на нравственные ценности. Вандализм является разновидностью подобного антиобщественного поведения, и, по сути, представляет особый вид хулиганства, выделенный в самостоятельное преступление.

Опасность современного вандализма проявляется в том, что указанное деяние влечет другие, более тяжкие преступления. Участники молодежных групп и организаций, в том числе

и националистической направленности, могут наносить символику своей организации, непристойные надписи, лозунги и рисунки и в общественных местах или местах с широким доступом населения. Эти действия могут сопровождаться уничтожением или повреждением имущества, но помимо привлечения внимания общественности эти действия могут повлечь хулиганство, причинение побоев, умышленное уничтожение и повреждение имущества, массовые беспорядки, проявления экстремизма и межнациональной розни.

Современный вандализм продолжает оставаться опасным преступлением, посягающим на общественный порядок, спокойствие граждан, нередко приводящим к совершению других, более тяжких преступлений. Вандализм по большей части является подростковым и/или молодежным преступлением. Согласно данным статистики главного информационно-аналитического центра МВД РФ данное преступление совершают в основном подростки 13–14 лет. Исходя из статистических данных на 2012 год, возраст лиц, совершающих данное преступление, помолодел на 3–4 года.

Доля вандализма среди других регистрируемых преступлений составляет примерно 0,1%, но реальный уровень вандализма превышает данные официальной статистики, что говорит о том, что вандализм является высоколатентным преступлением. К тому же недостаточно разработаны особенности уголовно-правовой квалификации вандализма, и практические работники квалифицируют вандализм, исходя из субъективных побуждений, ошибочно подменяя вандализм смежными составами преступлений, чаще всего квалифицируя его как хулиганство.

УК РФ определяет вандализм как «осквернение зданий или иных сооружений, порчу имущества на общественном транспорте или иных общественных местах». До принятия действующего УК РФ уголовное законодательство не содержало данной нормы, и поэтому официальное толкование ее содержания отсутствовало. Постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15.11.2007 № 45 «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений» весьма скупо разъяснены отличия вандализма от хулиганства [1]. В Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28.06.2011 № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» содержится лишь правило о квалификации вандализма с преступлениями экстремисткой направленности по правилам совокупности преступлений [2].

Согласно общей теории квалификации преступлений, юридическая оценка противоправного деяния начинается с объекта и предмета преступного посягательства. Затем выделяют признаки самого деяния, т. е. определяют рамки и содержание объективной стороны. Далее выявляют все признаки субъекта преступления и содержание субъективной стороны.

Родовым объектом вандализма являются общественные отношения по поводу общественной безопасности и общественного порядка. Но общественный порядок не может быть объектом единичного преступления, поскольку этот объект является общим для всех деяний, нарушающих нормальное функционирование общества, поэтому непосредственным объектом вандализма являются общественные отношения, сложившиеся в результате соблюдения норм права, направленных на поддержание общественного спокойствия. Факультативным объектом вандализма являются отношения собственности и общественная нравственность.

Предметом вандализма являются здания, иные сооружения и имущество, т. е. жилые дома, объекты культурно-просветительского, санаторно-курортного, управленческого назначения, архитектурные сооружения, памятники, обелиски, мемориалы и т. д.

Вандализм характеризуется осквернением зданий, сооружений, порчей имущества на общественном транспорте или в иных общественных местах. Данное преступление всегда совершается с прямым умыслом, т. е. виновный знает, что оскверняет здания, сооружения, наносит ущерб чужому имуществу. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15.11.2007 № 45 «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений», не дает толкования

осквернению или порче имущества. Исходя из материалов практики судов Республики Башкортостан, осквернение и порча выражаются в нанесении повреждений кресел, стекол, скамеек, что затрудняет использовать их по основному назначению.

При квалификации объективной стороны вандализма нужно учитывать содержание надписей и изображений, возможность их устранения, а также характер самого сооружения (любые здания и сооружения, кроме надгробных). Вандализм является оконченным преступлением с момента совершения действий, указанных в диспозиции ст. 214 УК РФ, т. е. является преступлением с формальным составом, но в случае причинения имущественного ущерба состав преступления является материальным. Место совершения преступления является обязательным признаком объективной стороны преступления, им является любое общественное место либо место с возможностью широкого доступа населения. Появление даже небольших разрушений, надписей, рисунков чаще всего способствует последующему разрушению этих объектов. Испорченные объекты кажутся бесхозяйными, вызывают желание у подростков их порчи, что требует серьезных материальных затрат на их восстановление. Около 75% вандализма совершается в городах, так как контролировать поведение подростка в городе значительно труднее, чем в сельской местности.

Вандализм может быть совершен по мотиву мести, злобы, экстремистских побуждений. На мотивацию несовершеннолетних влияет безнадзорность, бесконтрольность, низкий уровень воспитания. Для подростков вандалов характерны низкая успеваемость в школе, частые прогулы школьных занятий, склонность к свободному времяпрепровождению. Общепринято, что данное преступление чаще совершают подростки мужского пола, нежели женского, т. к. девочки слабее физически и более контролируемы, а данное деяние чаще совершается в вечернее или ночное время и требует значительных физических усилий. Девочки склонны к некрупным повреждениям разрушениям, например, имущества школ. Причем совершение действий, входящих в объективную сторону вандализма, является обычным досугом для подростков. Подростковый вандализм совершается в присутствии друзей, поэтому является групповым преступлением [3].

По мнению психологов, у детей задолго до наступления возраста уголовной ответственности вырабатывается способность контролировать свое поведение, понимание значения своих поступков и запретности определенных действий, т. е. подростки способны к сознательно волевому контролю своих действий. Тут же возникает вопрос о возможности понижения возраста уголовной ответственности несовершеннолетних. Но на современном этапе нет четких границ социальной зрелости, поэтому критерии определения возраста уголовной ответственности довольно подвижны.

В настоящий момент нет единой методики расследования вандализма, а существующие методики разрознены. Единая методика расследования вандализма может быть создана на основе анализа способов совершения вандализма, его вредоносных последствий, способов сокрытия преступления, механизма преступления и способов выявления, раскрытия, расследования и предупреждения вандализма.

Специфическими причинами вандализма у подростков являются биопсихологические детерминанты. Отмечено, что в период полового созревания у подростков появляется сильное стремление к самостоятельности, проявляются негативизм и упрямство. Довольно частой причиной вандализма является скука, зависть и неприязнь, конфликт с родителями, школьными учителями [4].

Специфика первоначального этапа расследования вандализма состоит в том, что возбуждению уголовного дела предшествует процессуальная и организационная деятельность, с целью проверки сообщения о преступлении. Именно УПК РФ возлагает обязанность по проверке сообщений о преступлении на дознавателя, орган дознания, следователя и прокурора, но не указывает средства, с помощью которых она осуществляется данная процедура и не называет ее алгоритм.

Исходя их результатов практической деятельности правоохранительных органов, можно предположить, что ими являются:

1. Ряд следственных действий (осмотр места происшествия, освидетельствование, судебная экспертиза).

2. Оперативные мероприятия: опрос граждан; наведение справок; обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств.

3. Процессуальные действия, облеченные в форму: требования (передать, представить определенные документы, предметы и т. п.); поручения (провести инвентаризацию, ревизию и т. п.); запроса (сведений о деятельности предприятия, учреждения, организации за определенный период (ч. 4 ст. 21 УПК РФ).

4. Административные мероприятия: проверка документов у граждан, если имеются достаточные основания подозревать их в совершении преступления, освидетельствование подозреваемых в совершении преступления.

Определяя направление расследования, следователь, дознаватель должны в каждом конкретном случае действовать в соответствии со сложившейся следственной ситуацией. Будучи относительно не новой криминалистической категорией, следственная ситуация и по сей день является предметом обсуждения, начиная с ее понятия, назначения, содержания, классификации, определения места в системе криминалистической науки и др.

Литература

[1] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15.11.2007 № 45 «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений» [Электронный ресурс]. — Доступ из СПС КонсультантПлюс.

[2] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28.06.2011 № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» [Электронный ресурс]. — Доступ из СПС КонсультантПлюс.

[3] *Самохина, Л.М.* Вандализм, совершаемый несовершеннолетними: уголовно-правовой и криминологический аспекты: автореф. дис. … канд. юрид. наук. — Челябинск, 2007. — 26 с.

[4] *Шурухнов, В.А.* Расследование вандализма: автореф. дис. … канд. юрид. наук. — М., 2003. — 27 с.

УДК 343.9

МИГУНОВ Алексей Саввович,
научный сотрудник, руководитель
научно-исследовательского центра криминалистических экспертиз
Башкирского института социальных технологий (филиала)
ОУП ВО «Академия труда и социальных отношений», г. Уфа
e-mail: bist-atiso@rambler.ru

К ВОПРОСУ О ДАВНОСТИ ОБРАЗОВАНИЯ СЛЕДОВ РУК

В статье анализируется проблема по установлению давности образования следов рук. Рассматриваются подходы к этой теме в отсутствии методики по определению давности оставления следов рук, одним из которых является эксперимент. В статье описан эксперимент по выявлению следов с учетом давности их образования.

Ключевые слова: *давность образования следов, эксперимент, следы рук, потожировое вещество.*

При решении задач, стоящих перед экспертно-криминалистическими подразделениями правоохранительных органов в области применения криминалистических средств и методов в расследовании и раскрытии преступлений, нередко возникают вопросы, требующие особого внимания. Одним из них является установление давности образования следов рук. Актуальность проблемы обусловлена интересом к этой теме в рамках судебных заседаний, при решении экспертами практических задач. Необходимо отметить, что в настоящее время методики по определению давности образования следов рук в экспертной практике не существует. При этом важность обсуждения и поиск решений этой проблемы в дактилоскопии приобретает особую остроту. Важно понимать, что при завершении процесса следообразования потожировые следы рук, претерпевая различные воздействия, начинают изменяться. Существует два пути изменения следов рук, образовавшихся на предмете [1, 48].

Один из них — естественное старение следа, когда латентные или слабовидимые следы рук находятся в нормальных условиях (в помещении при температуре 20 °С, давлении 760 мм рт. ст., нормальной влажности воздуха). В первую очередь, речь идет о потере влаги потожировым веществом в результате поверхностного испарения, диффундирования вглубь воспринимающего объекта, поглощения ее пылью и другими загрязнениями. Испарение присуще в основном потовой компоненте, поскольку именно в ее составе высоко содержание влаги. Жировая компонента изменяется за счет окисления непредельных жирных кислот (прогоркания) и присоединения к разрушающимся двойным связям молекул воды (осаливания).

При обработке физическим способом с использованием дактилоскопических порошков следов рук, измененных в процессе естественного старения, структура узора будет следующей:

– границы папиллярных линий нечеткие, контуры линий нарушены;

– ярко выраженные различия в плотности расположения частичек порошка (окрашенных участков) по всей длине папиллярных линий, наличие неокрашенных участков (структура близкая к пунктиру). Данный процесс обусловлен тем, что участки потожирового вещества, на которых произошло испарение потовой компоненты, не окрашиваются, между тем, участки с жировой компонентой обеспечивают прилипание порошка;

– папиллярные линии тонкие;

– мелкие детали узора нечеткие либо не просматриваются вовсе.

Второй путь — это активное воздействие окружающей среды [1, 49–50]:

– влияние влаги — повышенная влажность воздуха, пребывание под дождем, в водоемах, оседание росы;

– температурные воздействия. Повышение температуры способствует интенсификации процессов старения за счет усиления испарения влаги пота и окисления жировых составляющих потожирового вещества. Медленное и длительное ее повышение (например, воздействие солнечного тепла) вызывает растекание потожирового вещества по воспринимающей (особенно, твердой и гладкой) поверхности и «расползание» отображения кожного рисунка;

– запыленность среды, способствующая более раннему уничтожению следов за счет прилипания к следообразующему веществу частиц пыли, в некотором смысле «проявление» следов пылью. Распространению пыли содействует такой атмосферный фактор, как ветер. Кроме того, ветер усиливает испарение влаги из следов.

Таким образом, след априори изменяется. В настоящее время в составе следообразующего потожирового вещества специалисты не в состоянии установить такой компонент, вещество или какой-либо иной индикатор, по изменению которого во времени можно было бы с большой точностью судить о давности образования следа руки. Это одна из причин отсутствия возможности разработки методики по определению давности образования потожировых следов рук (ног). Между тем, это не означает, что невозможно в рамках судебных заседаний и на практике обосновывать некоторые моменты, касающиеся давности образования следов рук, с учетом опыта эксперта, проводимых экспериментов и исследований, отраженных в литературе по данной тематике [1–4]. Так, к примеру, обвиняемое лицо может ссылаться на то, что след, выявленный физическим способом с использованием дактилоскопического порошка, мог быть им оставлен на месте происшествия 3–4 года назад. В этой ситуации вопрос давности образования следа рассматривается экспертом в каждом конкретном случае отдельно, поскольку необходимо учитывать, изучать много различных факторов, влияющих на конкретный следонесущий объект и след в частности. Знание специалистом закономерностей изменения в следе, разницы между относительно «свежим» и «старым» следом может быть положено в основу грамотной, обоснованной аргументации в суде. При этом эксперт должен понимать, что делать вывод о невозможности сохранения следа в течение 3–4 лет можно только в отношении следа, образованного наслоением потожирового вещества. Однако если в следообразующем потожировом веществе имеются иные включения (масло, жиры, краска, клей и т. п.), то в этом случае говорить с уверенностью о невозможности сохранении следа в течение указанного периода нельзя.

Для анализа подобных ситуаций проводились и проводятся эксперименты по выявлению следов рук с различной давностью образования на объектах, изготовленных из различных материалов, с использованием разных способов выявления: физического, химического, физико-химического.

Автором был проведен ***эксперимент*** по выявлению потожировых следов рук.

Цель эксперимента — установить влияние давности образования следов рук на их качество при выявлении физическим способом, и возможность копирования следов на следокопировальный материал. Для проведения эксперимента использовались следующие объекты:

– ламинированное покрытие (фрагменты ДСП);

– стекло (бутылки, изготовленные из прозрачного и темно-коричневого стекла);

– полимерный материал (емкости белого цвета);

– металл неокрашенный (клинок кинжала).

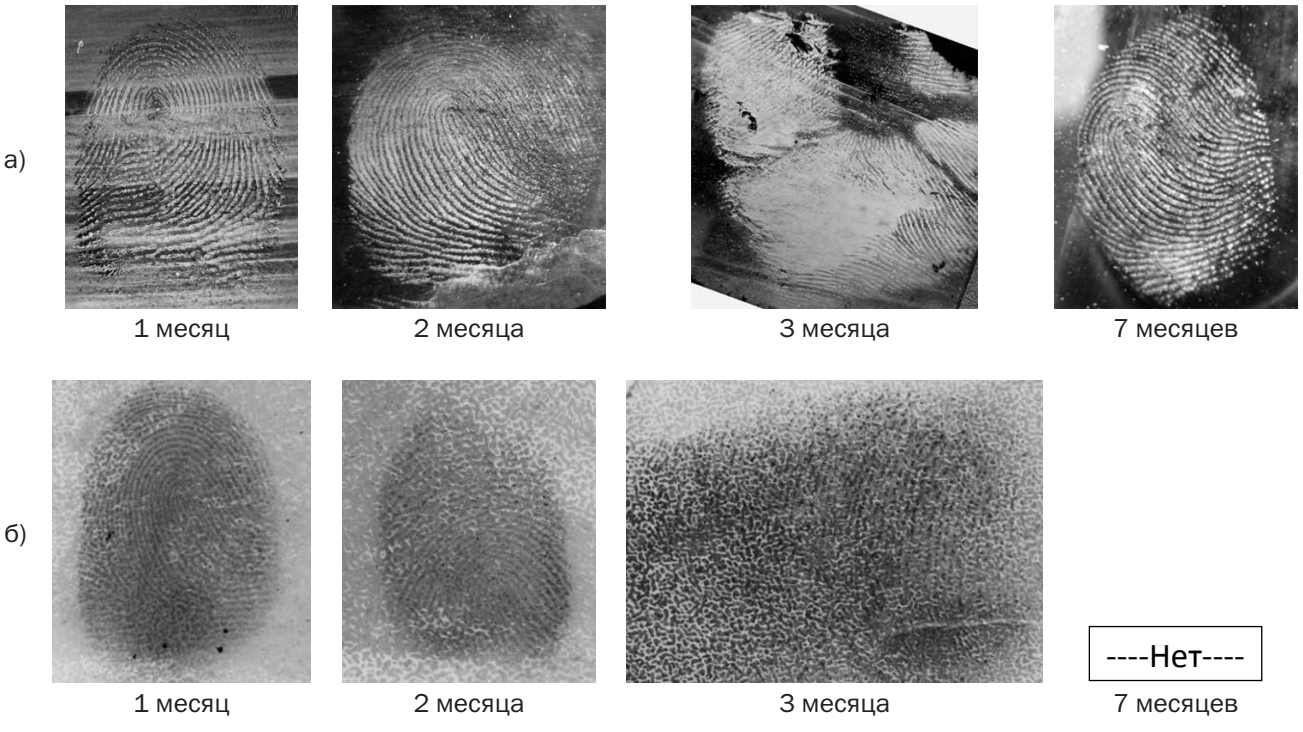


Рисунок 1 — **Следы папиллярных узоров рук,** выявленных:
а) магнитным дактилоскопическим порошком ПМД-Б на темно-коричневым стекле;
б) магнитным дактилоскопическим порошком ПМД-Ч на ламинированном покрытии

Вышеперечисленные объекты были условно разделены на участки, на которых были оставлены следы рук, и помещены в картонную коробку. Коробка находилась в металлическом шкафу. Хранение следоносителей осуществлялось в нормальных условиях (в помещении, при температуре около 20 °С, давлении воздуха 760 мм рт. ст., нормальной влажности воздуха). Влияние агрессивных сред (пыли, влаги, температурных воздействий, солнечных лучей) на следоносители максимально исключено. Учитывая условия хранения, предполагается, что следы претерпевали изменения, определяемые как естественное старение. Для выявления следов рук применялся физический способ с использованием магнитных дактилоскопических порошков ПМД-Ч, ПМД-Б, немагнитных дактилоскопических порошков ПД-Ч, ПД-Б, магнитных, волосяных кисточек. Выявление следов рук производилось спустя 1, 2, 3 и 7 месяцев с момента оставления следов. Физический способ выбран не случайно, так как он чаще всего используется специалистами при обработке объектов непосредственно на местах происшествий, и, как следствие, именно по этим следам в последующем могут возникать вопросы. В качестве примера представлены иллюстрации следов папиллярных узоров рук, выявленных магнитным дактилоскопическим порошком ПМД-Б на темно-коричневым стекле и магнитным дактилоскопическим порошком ПМД-Ч на ламинированном покрытии соответственно[1] (рис. 1).

В результате эксперимента установлено, что следы рук, оставленные на стекле, выявляются физическим способом спустя полгода. Следы на стекле, выявленные за исследуемый период, достаточно четкие, нежели следы, выявленные на неокрашенном металле, полимерном материале, ламинированном покрытии. Следует отметить, что эксперимент осуществлялся со следами, изменение которых определено как близкое к естественному старению. Также необходимо учесть и разность в материалах следоносителей (например, по-

[1] При изготовлении иллюстраций следов не применялись операции изменения характеристик яркости и контрастности.

лимерные материалы в своей группе также могут быть разными по качеству и т. п.). При активном воздействии на след внешних факторов результаты по выявлению будут иными, причем с тенденцией в сторону ухудшения качества следа.

Литература

[1] *Анциферов В.К., Корноухов В.Е., Ярослав Ю.Ю.* Дактилоскопическая экспертиза. — Красноярск, 1990. — 413 с.

[2] *Донцова Ю.А., Капитонов В.Е.* Давность следов рук и оптимальные способы обнаружения следов рук различной давности на различных поверхностях. — М.: ЭКЦ МВД РФ, 2008.

[3] *Ивашков В.А.* Работа со следами рук на месте происшествия: учеб. пособие. — М., 1992. — 29 с.

[4] *Ярослав Ю.Ю.* К проблеме установления давности потожировых следов папиллярных узоров // Криминалистика и судебная экспертиза — Киев, 1988. — № 37.

КОНСТИТУЦИОННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

УДК 343(470.57)

ФАДЕЕВ Кирилл Владимирович,
кандидат политических наук,
доцент кафедры политологии и истории
ФГБОУ ВПО «Башкирский государственный университет», г. Уфа
bashgu_politolog@mail.ru

КОНСТИТУЦИОННАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ ТРАКТОВКИ ПОСЛАНИЙ ГЛАВЫ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН В КАЧЕСТВЕ ПОЛИТИКО-ПРАВОВОГО ДОКУМЕНТА

Очевидным следует признать тот факт, что правовая трактовка п. 10 ст. 87 гл. 5 Конституции Республики Башкортостан с категориально-правовой точки зрения определяет обращение главы региона в форме послания. Вместе с тем, в рамках данного конституционного содержания присутствует информация о наличии, наряду с посланием, отчета республиканского политического лидера перед Государственным Собранием — Курултаем, что способствует допущению определенного рода идентичности Основного закона Республики конституциям и уставам 21 субъекта Российской Федерации. В данной статье исследуется правовая природа и сущность посланий Главы Республики Башкортостан в конституционном измерении региона.

Ключевые слова: *Республика Башкортостан, регион, конституция, правовая природа, документ, послания.*

По конституционному предписанию, раскрывающему содержательную часть отчета, главный республиканский правовой документ предписывает наличие информации о положении региона, в том числе по вопросам, поставленным законодательным (представительным) органом власти Башкортостана, что аналогично основным законам 58 регионов России. Кроме того, содержанию отчета предписывается наличие информационного блока, обуславливающего фиксацию и озвучивание результатов деятельности региональных исполнительных органов властных структур, что характерно не только для республиканской Конституции, но и для конституционных и уставных трактовок 60 субъектов нашей страны. Основной закон Башкортостана идентичен конституциям и уставам 45 регионов, в которых речь идет о результатах деятельности Правительства субъекта Российской Федерации.

Детерминирующий эффект воздействия Послания Президента России, в качестве правового документа, на регионы выражен в необходимости ежегодной отчетности Главы Республики Башкортостан о результатах деятельности республиканского Правительства. Данная отчетность имеет не только конституционную, но и соответствующую нормативно-правовую обусловленность регионального юридического значения. Об этом свидетельствует интересующая нас содержательная часть Закона «О Правительстве Республики Башкортостан».

В соответствии со ст. 1 гл. 1 настоящего закона «Правительство Республики Башкортостан возглавляет Президент Республики Башкортостан». Именно по этой причине республиканский лидер выступает с отчетами перед

Государственным Собранием Башкортостана. Этот факт, с определенной долей условности, подтверждает логику правового обоснования данного процесса, окончательное юридическое закрепление которого отображено в ст. 12 гл. 3 закона. Трактовка данной статьи представлена следующим образом: «Правительство Республики Башкортостан… готовит… отчеты о выполнении программ социально-экономического развития Республики Башкортостан для представления их Президентом Республики Башкортостан Государственному Собранию — Курултаю Республики Башкортостан» [1].

Республиканский законодательный (представительный) орган, в свою очередь, принимает ежегодные постановления об отчете Главы Республики Башкортостан о результатах деятельности Правительства Республики Башкортостан [4].

Таким образом, логика нормативно-правового обоснования ежегодной отчетности Главы Республики Башкортостан о деятельности башкирского Правительства, детерминируемой в первую очередь, что вполне очевидно, основными задачами, содержащимися в Послании Президента Российской Федерации, а также трансформируемыми в содержании идентичного документа регионального уровня, имеет политическую и правовую обусловленность. Данная обусловленность характеризуется, с некой допустимостью, четкой политико-правовой последовательностью, призванной обеспечивать в опосредованно-правовом порядке реализацию посланий российского Президента на территории Башкортостана. Этот факт подтверждает допустимость очевидности того обстоятельства, что Послание Президента России, в частности для Башкортостана, выступает в качестве некоего источника права, стимулирующего его реализацию на территории республики посредством правового обеспечения указанного процесса.

Возвращаясь к рассмотрению самого Послания Президента Республики Башкортостан, то п. 10 ст. 87 республиканской Конституции определяет адресность воздействия изучаемого регионального стратегического документа Государственному Собранию — Курултаю Республики Башкортостан.

По степени хронологической определенности период оглашения Послания Главы Республики не конкретизируется в конституционном порядке. Вместе с тем Основной закон Башкортостана определяет периодичность отчетов республиканского лидера перед местным Государственным Собранием, которым предписывается ежегодное оглашение.

Что касается рассмотрения самих ежегодных Посланий Президента Российской Федерации как правовых источников федерального значения, реализуемых на территориях субъектов посредством источников права регионального уровня, то продуктивность данной реализации их основных положений на местах предполагает необходимость наличия юридического обоснования необходимых процессов. Эти процессы выражены в формировании, изложении и реализации исследуемых документов — как на федеральном уровне, так и на уровнях субъектов Российской Федерации.

Возвращаясь к рассмотрению вопроса о трансформации Посланий Президента Российского государства на уровне Республики Башкортостан посредством формирования и оглашения посланий главы нашего региона, следует, с определенной долей условности, отметить ряд особенностей.

Специфика настоящих особенностей заключается в том, что исследуемый стратегический документ регионального значения является уменьшенной моделью федерального послания (с точки зрения статусности).

Во-первых, это касается направленности воздействия посланий к законодательным (представительным) органам власти на общегосударственном (Федеральному Собранию) и региональном (Государственному Собранию — Курултаю Республики Башкортостан) уровнях.

Во-вторых, по структуре содержания изучаемые документы, как правило, состоят из двух частей. Процессы структуризации посланий не имеют какой-либо правовой обусловленности. Вероятнее всего, они детерминированы политическими традициями нашего государства. Первая (содержательная часть) напоминает некую форму отчетности за прошедший период. Вторая составляющая содержания посвящена определению корректирующего векто-

ра направлений и обозначению новых, приоритетных направлений последующего преобразования и развития внутриполитического и внешнеполитического курса России — на макроуровне, и Башкортостана — на микроуровне по отношению к предыдущему.

В третьих, трансформация содержательных составляющих Посланий Президента Российской Федерации на уровне субъектов определенным образом наблюдалось в Посланиях Главы Республики Башкортостан.

В соответствии с информацией, излагаемой в содержании стратегических документов, определяющих внутриполитический и внешнеполитический курс как страны в целом, так и в Башкортостане в частности, можно констатировать трансформационную логичность экстраполятивного характера содержательной части Посланий Президента России, отраженной в определенного рода идентичных документах регионального значения. При этом, безусловно, учитывается специфика актуальности проблем нашей республики.

Как непосредственный (само Послание Президента России, реализуемое в регионе), так и опосредованный (посредством трансформации федерального послания в региональное) политико-правовой процесс реализации Посланий российского Президента в Башкортостане осуществляется некоторым образом также, как и на федеральном уровне.

Вместе с тем планы мероприятий и постановления по реализации Посланий главы Российского государства, принимаемые и утверждаемые в стенах Государственного Собрания — Курултая Республики Башкортостан, носят статус документов для внутреннего пользования и нигде не освещаются.

По идентичной причине исследовательские возможности ограничены с точки зрения рассмотрения правового процесса, обеспечивающего опосредованную реализацию президентского послания, т. е. посредством его трансформации в стратегическом документе Главы Республики Башкортостан. Сам план мероприятий и постановления Госсобрания по реализации Послания Президента Республики Башкортостан также не подлежат освещению.

Вместе с тем информация о деятельности Президиума законодательного (представительного) органа республики по обсуждению и утверждению плана работы по реализации Послания Президента Башкортостана все же является доступной. Примером очевидности данного факта могут служить сведения об утверждении плана работы по реализации Послания Президента Республики Башкортостан от 30 ноября 2011 г., которые опубликованы на сайте Государственного Собрания — Курултая Республики Башкортостан (www.gsrb.ru) [5].

По аналогии с данным планом мероприятий, после его утверждения Президиумом Государственного Собрания — Курултая Республики Башкортостан и в соответствии с его содержанием, формируется муниципальным Советом проект плана мероприятий по реализации Послания Главы Республики Башкортостан, «подробно рассматривается депутатами на заседаниях постоянной комиссии Совета и Президиума Совета» [2]. Далее по проекту плана мероприятий принимается решение муниципальным Советом по его утверждению, после чего уже сам план утверждается Президиумом муниципального Совета. С момента утверждения муниципальный план мероприятий по реализации Послания Президента Республики Башкортостан вступает в силу. В качестве примера в данном случае можно рассматривать решение муниципального Совета и план мероприятий муниципального района Мишкинский район Республики Башкортостан по реализации Послания Президента Республики Башкортостан (www.mishkan.ru) [3].

Из этого следует вполне очевидный факт, в соответствии с которым формирование и функционирование разноуровневой цепи (в соответствии с федеративным устройством нашего государства) процессов правового обеспечения реализации Послания Президента России обуславливает восприятие его в качестве первостепенного политико-правового документа. Данная очевидность является детерминирующей основой, предполагающей в перспективе работу законодательных органов современного Российского государства по приданию изучаемому документу, определяющему внутриполитический и внешнеполитический курс преобразования и развития нашей страны, правового статуса.

Литература

[1] Закон «О Правительстве Республики Башкортостан»: [принят Государственным Собранием — Курултаем Республики Башкортостан 14.03.2003: по состоянию на 02.03.2011 № 474-з]. — Уфа, 2011. — С. 4, 9.

[2] О плане мероприятий по реализации Послания Президента Республики Башкортостан [Электронный ресурс]. — URL: http://www.tuimaz.ru/index.html

[3] О реализации Послания Президента Республики Башкортостан Государственному Собранию — Курултаю Республики Башкортостан «Дальнейшая модернизация Башкортостана: путь к благополучию и процветанию в XXI веке» (О положении в республике и основных направлениях ее развития в 2010 году) в муниципальном районе Мишкинский район Республики Башкортостан [Электронный ресурс]. — URL: http://www.mishkan.ru/index.html

[4] Постановление Государственного Собрания — Курултая Республики Башкортостан от 21.03.2013 № ГС-2855 «Об отчете Президента Республики Башкортостан о результатах деятельности Правительства Республики Башкортостан за 2012 год» [Электронный ресурс]. — URL: http://www.garant.ru/index.html

[5] Президиум утвердил план работы по реализации Послания Президента Башкортостана [Электронный ресурс]. — URL: http://www.gsrb.ru/index.html

УДК 342.7

ХАСАНОВ Фидель Загирович,
кандидат политических наук,
помощник судьи Верховного Суда Республики Башкортостан, г. Уфа
e-mail: tackbir@mail.ru

КАЧЕСТВО ТОВАРОВ И УСЛУГ КАК СОСТАВЛЯЮЩИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА НА ОХРАНУ ЗДОРОВЬЯ

Статья посвящена реализации государством конституционного права на охрану здоровья путем повышения качества товаров и услуг в медицинской сфере.

Ключевые слова: *здравоохранение, государственная политика, система здравоохранения, здоровье, медицина, товары, услуги.*

Конституционное право на охрану здоровья является неотъемлемым правом каждого человека и гражданина. От степени реализации права на охрану здоровья зависит сама возможность существования человека как биологического вида.

Провозглашая право на охрану здоровья в Конституции Российской Федерации, государство взяло на себя обязанность по проведению широкого комплекса социально-экономических, политико-правовых мероприятий, которые являются гарантиями осуществления указанного права на практике. Тем не менее реализация конституционного права на охрану здоровья в современной России сталкивается с достаточно большими проблемами, в том числе и в сфере государственного контроля за качеством товаров и услуг.

Проблемы, связанные с реализацией конституционного права на охрану здоровья, охватывают не только сугубо практические задачи, но и ряд теоретико-методологических вопросов, одним из которых является трактовка феномена здоровья. Проблема обеспечения качества и безопасности товаров и услуг является фундаментальной проблемой общества и государства, от решения которой напрямую зависит реализация права каждого на охрану здоровья [2]. Это обусловливается огромным значением качественных характеристик и показателей безопасности продукции и услуг как необходимых условий обеспечения здоровья граждан.

Рынок товаров и услуг в России заполнен некачественными и опасными образцами, что ставит под большой вопрос возможность практического осуществления права на охрану здоровья.

Причиной тому, помимо общих изменений в социально-экономическом укладе государства, являются недостатки правового регулирования процесса обеспечения качества и безопасности товаров и услуг, а также организационно-правовые недостатки государственного контроля в данной сфере.

Пробелы в законодательстве, понятийные расхождения, дисбаланс государственного внимания в области обеспечения качества и безопасности товаров и услуг в сторону преимущественного гарантирования безопасности товаров в ущерб их качеству характерны для сегодняшней России и требуют своего скорейшего разрешения.

Одной из серьезных проблем, требующих неотлагательного решения, является неопределенность нормативного закрепления самих понятий качества и безопасности. Противоречивость, вариативность толкования, абстрактность имеющихся определений не дают возможности для выработки четких критериев, необходимых для объективной оценки качества и безопасности выпускаемой и находящейся в обороте продукции.

Понятия «качество продукции» и «безопасность продукции» являются определяющими в понятийном ряду категорий, посредством ко-

торых нормативно устанавливаются содержательные элементы права на охрану здоровья. Неопределенность нормативного закрепления самих этих понятий создает серьезную проблему для реализации данного конституционного права, поскольку не позволяет вырабатывать достаточно четких критериев оценки качества и безопасности товаров и услуг. Для устранения существующей неопределенности в нормативном закреплении понятий в федеральном законодательстве, целесообразно закрепить в Федеральном законе от 27.12.2002 № 184-ФЗ «О техническом регулировании» следующие определения понятий безопасности и качества продукции. «Безопасность продукции — это характеристика продукции, исключающая возможность причинения данной продукцией вреда здоровью и жизни человека, животных и растений, а также вреда окружающей среде и имуществу при обычных условиях ее использования». «Качество продукции — это совокупность свойств (характеристик) продукции, соответствующих требованиям нормативных документов и удовлетворяющих потребности потребителя». В Федеральном законе от 02.01.2000 № 29-ФЗ «О качестве и безопасности пищевой продукции» предлагаем закрепить следующие определения: «качество пищевой продукции — это совокупность характеристик (свойств) пищевой продукции, соответствующих требованиям нормативных документов и способных удовлетворять потребности человека в пище при обычных условиях ее использования»; «безопасность пищевой продукции — это характеристика пищевой продукции, исключающая возможность причинения данной продукцией вреда жизни и здоровью человека при обычных условиях ее использования» [1].

В условиях российской действительности серьезную проблему для реализации конституционного права на охрану здоровья представляет собой диспропорция в правовом регулировании вопросов качества и безопасности, что нашло свое выражение в утрате качеством характера обязательного нормативного требования для продукции. В данных обстоятельствах, с учетом сложившихся в России правовых традиций, а также менталитета российского производителя, права российских граждан в области охраны здоровья не могут быть в полной мере гарантированы.

Выход из этой ситуации лежит в области дальнейшего совершенствования правовой базы регулирования отношений в сфере обеспечения качества и безопасности продукции и услуг. Необходимо гармонизировать законодательные подходы в части закрепления обязательных требований к продукции, предусмотрев в них не только требования, обеспечивающие ее безопасность, но и требования, обеспечивающие качество продукции.

Существующая законодательная политика государства, направленная на закрепление обязательных требований, обеспечивающих только лишь безопасность продукции, должна быть изменена. Для определенных видов продукции должны быть предусмотрены обязательные требования, обеспечивающие ее качество. Перечень этих требований должен будет определяться видом продукции и его назначением (для детского питания, диабетические продукты и т. п.).

В целях совершенствования механизма реализации конституционного права на охрану здоровья необходимо обеспечить осуществление эффективного контроля качества и безопасности товаров и услуг со стороны государственных органов, для чего следует: принять в дополнение к Федеральному закону от 23.11.1995 № 174-ФЗ «Об экологической экспертизе» Федеральный закон «Об экологическом мониторинге используемых в растениеводстве технологий, почв, посевов и хранящихся продуктов ГМ-культур», что повысит ответственность руководителей Роспотребнадзора в субъектах Российской Федерации, а также руководителей центров гигиены и эпидемиологии; внести изменения в Федеральные законы «О техническом регулировании» и «О качестве и безопасности пищевых продуктов» в части обязательного подтверждения соответствия не только безопасности продукции, но и ее качества техническим регламентам, стандартам или условиям договоров; принять отдельный Федеральный закон «О стандартизации», который бы определил место и статус стандартов, возможный перечень товаров, выпускаемых по ГОСТу, критерии определения единых стандартов [3].

В качестве институциональной составляющей, обеспечивающей реализацию конститу-

ционного права на охрану здоровья в обозначенной сфере, выступают государственные органы, осуществляющие контроль за качеством и безопасностью товаров и услуг. В организационно-правовом плане данные органы представляют систему, призванную обеспечивать основное право человека в области здоровья посредством осуществления определенного строго регламентированного вида деятельности. Данный вид деятельности именуется контрольно-надзорной деятельностью.

По целому ряду направлений конечной целью этой деятельности является обеспечение конституционного права на охрану здоровья, а внешней формой выражения — проведение контрольных мероприятий (проверок), предметом которых является соблюдение нормативных требований технических регламентов и национальных стандартов, т.е. качество и безопасность производимой и потребляемой продукции.

Последние годы ознаменовались значительным реформированием системы государственного контроля и надзора за качеством и безопасностью товаров, что напрямую связано с реформированием всей системы органов государственного управления. Однако правовое обеспечение контрольно-надзорной деятельности в обозначенной сфере далеко не в полной мере способствует обеспечению конституционного права на охрану здоровья.

В законодательстве до сих пор имеет место смешение понятий контроля и надзора, чему в немалой степени способствует отсутствие обоснованных критериев разграничения данных понятий в юридической доктрине.

Недостатки правовой теории находят свое выражение в практике законодательного закрепления и распределения полномочий контролирующих органов, определения их функций и целевого назначения.

Вопреки нормативно закрепленным принципам недопустимости совмещения контрольных полномочий с полномочиями по аккредитации или сертификации, одновременного возложения одних и тех же полномочий на два и более органа, в практике деятельности контролирующих органов допускается дублирование, чему способствуют недостатки в правовой модели их функционирования.

На наш взгляд, основными причинами широкого распространения фальсифицированной и контрафактной продовольственной продукции являются: во-первых, реализация продовольственных фальсификатов и контрафакта приносит огромные прибыли, способные с лихвой покрыть возможные штрафы при обнаружении данной продукции; во-вторых, низкий уровень правовой и потребительской культуры граждан; в-третьих, недостаточность достоверной информации о фактической потребительской ценности продуктов и возможных противопоказаниях при их употреблении; в-четвертых, отсутствие государственной политики, направленной на поощрение выпуска качественной продукции, а не только дешевой; в-пятых, несовершенство действующего законодательства, что создало условия для безнаказанности производителей некачественной продукции; в-шестых, непродуманное реформирование органов государственного контроля за качеством пищевых продуктов и других товаров.

В этой связи необходимо ужесточить меры ответственности производителей и продавцов некачественной и фальсифицированной продукции, внести изменения в Федеральные законы «О техническом регулировании» и «О качестве и безопасности пищевых продуктов», принять отдельный закон «О стандартизации», создать в субъектах Российской Федерации центры идентификации товаров для проведения соответствующих экспертиз, внедрять практику стимулирования производителей качественной продукции путем присуждения премий в области качества, предоставления налоговых льгот победителям данных конкурсов.

Литература

[1] *Волкова Н.С.* Государственное управление социальной сферой: состояние и модернизация // Журнал российского права. — 2013. — № 7. — С. 5–16.

[2] *Воронцова Е.В.* Соотношение категории «охрана здоровья» со смежными категориями // Известия Юго-Западного государственного университета. Сер. История и право. — 2012. — № 2. — С. 144–149.

[3] *Сергеев Ю.Д., Боговская Е.А.* Модернизация законодательства: проект Закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Медицинское право. — 2011. — № 4. — С. 3–10.

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

УДК 347(430)

ГОРЕЛОВ Максим Владимирович,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданского права и процесса
Башкирского института социальных технологий (филиала)
ОУП ВО «Академия труда и социальных отношений» (г. Уфа)
e-mail: Gorelov-maxim@yandex.ru

ПРОБЛЕМА ДОГМАТИЧНОЙ КВАЛИФИКАЦИИ ИНСТИТУТОВ ВСТУПЛЕНИЯ ТРЕТЬЕГО ЛИЦА В ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС ГЕРМАНИИ

В статье рассматриваются квалификации институтов вступления третьего лица в гражданский процесс Германии. В статье делается вывод о существовании «процессуального решения» и «материально-правового решения» вступления в гражданский процесс третьего лица.

Ключевые слова: *третьи лица, гражданский процесс Германии, истец, ответчик, формальная заинтересованность, вступление в процесс третьего лица.*

Решение конфликтов между тремя лицами, которые все чаще возникают в практике, должно осуществляться с точки зрения достижения экономичности судопроизводства и достаточного вовлечения заинтересованности сторон. В этом отношении вопрос в соответствии с догматичной квалификацией институтов вступления третьего лица в гражданский процесс Германии представляет опорную точку для анализа прав на участие третьего лица в стороннем судебном процессе в части судебного разбирательства, в котором рассматривается вопрос по существу самого дела. При этом следует обратить внимание на то, что основной процессуально-теоретический спор о материально-правовом и процессуальном подходе институтов вступления третьего лица в процесс находит свое непосредственное выражение в проблематике догматичного обоснования правовых институтов, а также в многочисленных спорных вопросах касательно отдельных институтов вступления третьего лица в процесс. Спор между учениями затрагивает процессуально-правовой основной вопрос соотношения материального права и процессуального права, следовательно, основное понимание права на предъявление иска.

I. Процессуальное решение

Действующее законодательство Германии процессуально регулирует защиту третьих лиц в форме возможностей вступления третьего лица в процесс, т. е. оно предоставляет не материально-правовые, а процессуальные средства для решения конфликта между тремя сторонами. Решение законодателя в пользу данного процессуального подхода оценивается в качестве косвенного доказательства полностью преобладающим пониманием письменности [9] и правосудия [13] для того, чтобы основание процессуальных полномочий участников могли интерпретироваться таким образом, как будто между ними существует особенное процессуальное правовое отношение, которое не предоставляет пространства для методов материального гражданского права. Исходя из этого, данное процессуальное учение оспаривает любое материально-правовое основание институтов вступления третьего лица в процесс, то есть в соответствии

с данным учением между участниками необязательно существует материальное правовое отношение, а под институтами вступления третьего лица в процесс подразумеваются институты обычной процедурной уместности. Вследствие этого ограничивается релевантность тех же самых прав на предъявление иска, предопределенных законом на процессуальное урегулирование.

Относительно правового института вступления третьего лица в процесс, в связи с данным процессуальным подходом возникает вопрос, как можно обосновать то, что третье лицо с самостоятельным исковым требованием также направляет свой иск к первичному истцу, хотя между ними обоими не существует материально-правовое отношение. Данная основная проблема вступления третьего лица в процесс с самостоятельным исковым требованием решается процессуальным пониманием в том отношении, что институт процессуального права рассматривают только как связь двух исков третьего лица к истцу и к ответчику предшествующего процесса в качестве процессуальных соучастников, то есть, в соответствии с этим в случае вступления третьего лица в процесс с самостоятельным исковым требованием речь идет об осуществлении субъективного соединения исковых требований [8]. В случае квалификации иска, которого добивается третья сторона в процессе, к первому истцу при этом на сегодняшний момент происходит ссылка на иск об установлении факта в соответствии с § 256 Гражданского процессуального кодекса, который предполагает только формальную заинтересованность в установлении, а не материально-правовое требование [11]. Заинтересованность в установлении, необходимая для иска об установлении факта, существовала при подсудности первого судебного процесса в силу закона согласно § 64 Гражданского процессуального кодекса [14].

Согласно процессуальному подходу иск третьего лица с самостоятельным требованием по поводу предмета гражданского спора влечет за собой второй судебный процесс, инициированный только в качестве дополнения к так или иначе проводимому предшествующему судопроизводству. Таким образом, согласно этому существует только технологически формальная связь между судопроизводством первого процесса и судопроизводством по иску третьего лица с самостоятельным требованием по поводу предмета гражданского спора.

II. Материально-правовое решение

Между тем противоположное мнение пытается квалифицировать материальное основание процессуального правового отношения среди участников вступления третьего лица в процесс с самостоятельным исковым требованием, чтобы таким образом раскрыть имущественное основание исков третьего лица с самостоятельным требованием по поводу предмета гражданского спора. Хотя при этом среди представителей данного решения [6] в рассмотрении различных частных вопросов существуют разногласия, все же в принципе доминирует единство. Целью частично различных по своей интенсификации методов является наделение вступления третьего лица в процесс с самостоятельным исковым требованием более практичной и теоретической релевантностью посредством признания свойственного ему материально-правового содержания [3, 649ff].

1. В последнее время материально-правовое обоснование институтов вступления третьего лица в процесс было впервые детально проанализировано Е. Пикером [3]. Исходя из институционной цели правовых институтов, которая существует для него в предоставлении правовой защиты от стороннего судебного преследования, Пикер добивается процессуально-правового уточнения исков третьего лица с самостоятельным требованием по поводу предмета гражданского спора. Процессуальное производство предшествующими сторонами означает по закону характерное нарушение прав третьего лица, так что третье лицо под судебным преследованием первых сторон подразумевает незаконное присвоение принадлежащих ему прав и противозаконное посягательство, направленное против него [3, 665].

В соответствии с данным мнением материально-правовые основания исков третьего лица с самостоятельным требованием по поводу предмета гражданского спора лежат в пределах материальных прав на самооборону от стороннего судебного преследования. Ос-

нованием для подачи иска является право на защиту, вытекающее из субъективного права, которое наделяет третье лицо правами на оборону стороннего обладания правом [3, 669ff]. Такая защищенная правовая позиция должна всегда иметь место тогда, когда или существует та же самая вещная принадлежность спорной правовой позиции, или существуют якобы вещные, предписанные права в пользу третьего лица или имеется законная или договорная предписанная правовая позиция, которая запрещает предыдущей стороне осуществлять судебное преследование [3, 674]. Однако третье лицо в своей предписанной правовой позиции может осуществлять эффективную защиту только тогда, когда ему присвоят право как следствие его извечного права требования, требовать от первых сторон не совершения посягательства. Правовой статус материального права на защиту является согласно данному мнению или негаторным или якобы негаторным [3, 675–676]. В принципе за исключением предписанной правовой позиции для устранения фактического обстоятельства посягательства все же не обязательно бездействие сторон, тем более что в качестве достаточного и соответствующего средства может рассматриваться только законное признание лучшего права третьего лица [3, 678].

Данное процессуально-правовое толкование в дальнейшем рассматривает вступление третьего лица в процесс с самостоятельным исковым требованием в качестве негаторного (или якобы негаторного) иска по своей природе, основание которого заключается в материально-правовом праве на самооборону третьего лица и интерпретирует, таким образом, институты вступления третьего лица в процесс Гражданского процессуального кодекса в основном с учетом его функции в качестве средств защиты материальной правовой позиции.

Исходя из этого, вступление третьего лица в процесс с самостоятельным исковым требованием больше не рассматривается как обычная формальная связь двух исков, а понимается как единый иск с единым правом требования по поводу предмета гражданского спора, то есть, предполагается, что единственный иск предъявляется к сторонам предшествующего судебного процесса, как будто имеется объективное соединение исков [3, 662–663]. Следовательно, предшествующий правовой спор является правоустанавливающим для полномочия вмешательства и в материальном смысле [3, 665]. Согласно Пикеру правовые институты, к которым небрежно относились во время практики, оказываются пригодными средствами эффективной и одновременно своевременной правовой защиты, когда исходят из особенного материального основания институтов процессуального права.

2. Попытка Пикера обосновать материально-правовую основу вступления третьего лица в процесс с самостоятельным исковым требованием получает преимущественное одобрение Люке [2, 361ff]. Между тем, предположение того, что нарушение собственного права посредством стороннего ведения судебного процесса может следовать из заключения от противного наличия § 64 Гражданского процессуального кодекса, приведет к переоценке значения данного положения. Законодателю нельзя подчиняться, посредством порядка судебного заседания он хотел высказаться о материально-правовой оценке процессуального действия. Более того, в то время соответствующая материально-правовая оценка процессуального действия на основании неравных прав была совсем невозможной в некоторых государствах и не предоставила компетенцию законодателя для урегулирования данного вопроса. Следовательно, устранение нарушений нельзя достичь только с помощью материально-правового толкования Пикера, так как третья сторона в процессе не в состоянии предотвратить осуществление его мнимого требования на основании только правоустанавливающего действия судебного решения, выносимого в его пользу. Кроме того, назначение судопроизводства находится на усмотрении суда и поэтому не представлена необходимая последовательность вступления третьего лица в процесс с самостоятельным исковым требованием [2, 362].

Тем не менее, Люке обозначает способ решения Пикера с использованием незначительных модификаций допустимым. Он видит материально-правовое основание вступления третьего лица в процесс с самостоятельным исковым требованием к истцу основного су-

дебного процесса [2, 361ff, 366, 371]. Требование не совершения действия третьей стороны в процессе является обоснованным, так как одно лишь признание своего права не может привести к пресечению судебного преследования и, следовательно, не гарантирует достаточной правовой защиты. Воздействие на основной судебный процесс обеспечивается только судебным решением, обязывающим ответчика воздержаться от определенного действия [2, 363]. Проблематика требований не совершения действия, которое противоречит поведению в процессе, и против признания которой приводится, что истцу запрещается осуществление предусмотренного законом производства по делу и вместе с этим лишает компетентный суд права (вмешательства в правовую защиту) [10], не является непосредственно относящейся к делу. В отличие от случаев, постоянно лежащих в основе данного вопроса, в которых сторона препятствует осуществлению судопроизводства своей другой стороной, нужно дальше выносить исковое требование во вступлении третьего лица в процесс с самостоятельным исковым требованием, тем более что в данном судопроизводстве осуществлялось обязательное решение касательно субъективного права истца в праве, утвержденном в основном судопроизводстве [2, 365].

Следовательно, существует материально-правовое основание искового требования вступления третьего лица в процесс с самостоятельным исковым требованием в требовании не совершения действия, которое возникает из-за причиненного вследствие судебного преследования нарушения. Вместе с тем, третья сторона, выигравшая процесс, имеет «действенное средство» [2, 371] для предотвращения продолжения судопроизводства истцом основного судебного процесса. Вступление третьего лица в процесс с самостоятельным исковым требованием в соответствии с данным предложением решения представляет собой только «особое положение субъективного соединения исковых требований» [2, 368], следовательно, объединение исков требования о прекращении действий по отношению к предшествующему истцу с конкурирующим требованием третьего лица в процессе к предшествующему ответчику [12].

3. Некоторые представители письменности [7] придерживаются метода Пикера, если при этом частично имеются разногласия в отношении частных вопросов, и высказываются за материально-правовое толкование иска третьего лица с самостоятельным требованием по поводу предмета гражданского спора в качестве иска к предшествующим сторонам, который соответствует материальному нега торному требованию. Как правило, согласно этому принимается нега торное или якобы нега торное исковое требование третьего лица с самостоятельным требованием по поводу предмета гражданского спора, так что вступление третьего лица в процесс с самостоятельным исковым требованием кажется независимой формой иска [1].

4. В противоположность этому Шилькен [4] отрицает правовой статус нега торного иска об осуществлении материального права на самооборону. Хотя релевантность § 64 Гражданского процессуального кодекса не исчерпывается процессуальной связью иска с особым урегулированием подсудности, так как вступление третьего лица в процесс с самостоятельным исковым требованием служит осуществлению материального права третьего лица по отношению к первым сторонам, которые посредством своего судебного преследования ущемляют правовую позицию третьего лица вследствие присвоения прав, однако это не требует особого «основания для вступления третьего лица в процесс». Положением § 64 Гражданского процессуального кодекса определяется первоначально реализация собственных активных притязаний на исполнение обязательств, которая выступает в качестве основания вступления третьего лица в процесс наряду с отражением стороннего судебного преследования. Шилькен считает сквозную ответственность за материальное право необходимой, однако отрицает ограничение негаторного иска. § 64 Гражданского процессуального кодекса предоставляет процессуальное решение материально-правовых конфликтов интересов между сторонами.

В этом отношении Шилькен представляет «позицию посредника» между процессуальным и материально-правовым подходом вступления третьего лица в процесс с самостоятельным исковым требованием.

5. Кроме того, по мнению Шобера [5] процессуальный правовой институт вступления третьего лица в процесс с самостоятельным исковым требованием не должен считаться обособленным от материально-правовых отношений, которые существуют между участниками. Хотя принятие материального права на самооборону в пользу третьего лица является чистым домыслом, так как его уполномочивание на заявленную правовую позицию, на которой основывается такое право на самооборону, его нужно сначала выяснить путем судопроизводства. После выяснения данного вопроса подобное нега торное требование становиться ненужным. Кроме того, заявление о предоставлении специального права на самооборону придает правовому институту вступления третьего лица в процесс с самостоятельным исковым требованием больше сложности, чем ему причитается. Основание для чистого процессуального правила вступления третьего лица в процесс с самостоятельным исковым требованием можно поискать в области «соотношения» [15]. Нега торное или якобы нега торное «исковое требование по поводу предмета гражданского спора», напротив, не создал Гражданский процессуальный кодекс в качестве независимого предмета судебного процесса [16].

Литература

[1] Blomeyer, aaO (vgl. Fn. 27).

[2] Lüke, Beteiligung Dritter.

[3] Picker, FS Flume.

[4] Schilken in Müko, §64, Rdnr. 2.

[5] Schober, Drittbeteiligung im Zivilprozess, S.89/90.

[6] Vgl. AK/Koch, §§64–65, Rdnr. 3; Blomeyer, §110 I, S. 637; Koussoulis, ZZP 100 (1987), 211 (217); Picker, FS Flume, S.649ff; Schultes, Beteiligung Dritter, S.57; vgl. auch RG JW 1928, 1742 (1744) (Urteil vom 24.02.1928).

[7] Vgl. AK/Koch, §§64–65, Rdnr. 3; Blomeyer, §110 I, S.637; Henckel, ZZP 94 (1981), 347 (350); Koussoulis, ZZP 100 (1987), 211 (218–219) (AK/Kox, §§ 64–65.

[8] Vgl. BAGE 43, 312 (316/317) (Urteil vom 18.06.1981); Baumbach/Lauterbach/Hartmann, §64, Rdnr. 1; Bruns, Rdnr. 65a; Jauernig, §85 I, S. 306; Knepper, Hauptintervention, S.10–12; Stein/Jonas/Bork, §64 I2, Rdnr. 2

[9] Vgl. Baumbach/Lauterbach/Hartmann, §64, Rdnr. 2; Bernhardt, §57 I, S.320, Jauernig, § 85 I, S.306, Langheineken, Urteilanspruch, S.148; Schönke-Kuchinke, §26 III, S.122; Stein/Jonas/Bork, §64 II, Rdnr. 2a; Wieczorek, §64, Anm.

[10] Vgl. BGH NJW 1962, 243 (244) (Urteil vom 14.11.1961) mit Anmerkung Weitnauer, JZ 1962, 489ff; BGH NJW 1965, 1803 (1803) (Urteil vom 13.07.1965); Polandt/Thomas, Einf §823, Rndr. 21.

[11] Vgl. BGHZ 103, 101 (104) (Urteil vom 20.01.1988); Bernhardt, §57 I, S.320; Blomeyer, §111 II2, S.621; Rosenberg/Schwab/Gottwald, §93 II2, S.520; Wieczorek, §64, Rdnr. BIIIb1; a.M. Michaelis, FS Larenz II, S.443ff, der einen materiellrechtlichen Gehalt des rechtlichen Interesses bei der Feststellungsklage annimmt

[12] Vgl. Lüke, aaO, S.368; ähnlich Stein/Jonas/Bork, §64 I, Rdnr. 2; kritisch Koussoulis, ZZP 100 (1981), 211 (217)

[13] Vgl. RGZ 41, 345ff (347) (Urteil vom 08.02.1989); RGZ 61, 241ff (242) (Urteil vom 14.07.1905); BHZ 103, 101 (104) (Urteil vom 20.01.1988); BGH FamRZ 1992, 1055f (1056) für den Forderungsprätendentenstreit м 41, 345ff (347).

[14] RGZ 61, 241 (241) (Urteil vom 14.06.1905); BAGE 43, 312 (316); Rosenberg/Schwab/Gottwald, §52 II1c, S.280; Stein/Jonas/Bork, §64 I2, Rdnr.

[15] Vgl. Schober, aaO, S.90; schon Bolgiano, Handbuch, S.215.

[16] Vgl. Schober, aaO, S.90 (Fn. 30).

УДК 347(470)

ДЕБЕРДЕЕВА Дамира Маратовна,
студентка гр. 305 Института прокуратуры ФГБУ ВПО
«Саратовская государственная юридическая академия»
e-mail: uipa07@mail.ru

Научный руководитель: ***БАТУРИНА Наталья Александровна,***
кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданского процесса ФГБУ ВПО
«Саратовская государственная юридическая академия»
e-mail: naukayuipa@yandex.ru

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА «О БЕСПЛАТНОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

Статья раскрывает проблемы правоприменительной практики в сфере оказания бесплатной юридической помощи. Автор анализирует федеральное законодательство, регулирующее данный правовой институт, а также законодательство Саратовской области. Основными проблемами в исследуемой сфере автор считает слабое информирование граждан о праве на юридическую помощь, непроработанность действующего законодательства, сложность механизма оказания юридической помощи.

Ключевые слова: *бесплатная юридическая помощь, Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод, Федеральный закон «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации», Федеральный закон «О социальном обслуживании граждан пожилого возраста и инвалидов», Саратовская область, Европейский суд по правам человека.*

Согласно ч. 1 ст. 48 Конституции Российской Федерации каждому гарантируется право на получение квалифицированной юридической помощи. В случаях, предусмотренных законом, юридическая помощь оказывается бесплатно.

Статья 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее Конвенция), посвященная справедливому судебному разбирательству, прямо не предусматривает оказание бесплатной юридической помощи. Однако некоторые решения Европейского Суда расширили толкование этой статьи. Примером может служить решение Европейского Суда по делу «Эйри против Ирландии», в котором Европейский Суд указал, что ч. 1 ст. 6 Конвенции принуждает государство предоставлять помощь адвоката по гражданским делам, когда это необходимо для обеспечения реального доступа к правосудию [1].

В России конституционные основы предоставления бесплатной юридической помощи в рамках гражданского судопроизводства были конкретизированы в Федеральном законе от 21.11.2011 № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации».

Согласно ст. 20 данного закона к лицам, имеющим право на получение всех видов бесплатной юридической помощи в рамках государственной системы бесплатной юридической помощи, отнесены следующие категории граждан:

а) малоимущие граждане;
б) инвалиды I и II групп;
в) ветераны Великой Отечественной войны;
г) дети-инвалиды, дети-сироты, дети, оставшиеся без попечения родителей;
д) граждане, имеющие право на бесплатную юридическую помощь в соответствии с Федеральным законом от

02.08.1995 № 122-ФЗ «О социальном обслуживании граждан пожилого возраста и инвалидов»;

е) несовершеннолетние, содержащиеся в учреждениях системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, и несовершеннолетние, отбывающие наказание в местах лишения свободы;

ж) граждане, имеющие право на бесплатную юридическую помощь в соответствии с Законом от 02.07.1992 № 3186-1 (с изм. и доп.) «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании»;

з) граждане, признанные судом недееспособными, а также их законные представители.

Данный перечень является исчерпывающим. И это, на наш взгляд, является существенным минусом данного закона. Например, закон не предусматривает в качестве субъектов получения бесплатной юридической помощи выпускников детских домов, лиц, пострадавших от стихийных бедствий и техногенных катастроф. Кроме этого, в законе не регламентировано правовое положение иностранцев и лиц без гражданства в вопросе получения бесплатной юридической помощи, тем самым ограничивается право доступа этих лиц к правосудию, ущемляется их личное, неотчуждаемое право, которое должно гарантироваться во всех государствах в виду своего статуса.

Одной из проблем доступа к бесплатной юридической помощи граждан является слабая информационная составляющая. Зачастую нуждающиеся в юридической помощи граждане не знают о своих правах на возможность ее бесплатного получения либо не имеют информации о том, где ее можно получить.

Также не нашла законодательного разрешения проблема упрощения механизма получения бесплатной юридической помощи. Для получения бесплатной юридической помощи в рамках государственной системы необходимо представление ряда документов. Получение гражданином документов для подтверждения принадлежности к категории граждан, указанных в ч. 1 ст. 20 ФЗ «О бесплатной юридической помощи», может потребовать значительного времени и снизить ожидаемый эффект от получения юридической помощи.

Кроме этого ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» ограничивает круг правовых вопросов, по которым должна оказываться юридическая помощь безвозмездно.

В Саратовской области по инициативе прокурора области 18 апреля 2012 г. был принят закон «Об оказании бесплатной юридической помощи в Саратовской области», который вступил в силу 1 января 2013 года. На реализацию положений закона выделено 8755,8 тыс. рублей [2]. Кроме этого один день адвоката, входящего в систему оказания бесплатной юридической помощи и представляющего интересы граждан в гражданском судопроизводстве оценивается в 1500 рублей и оплачивается из средств бюджета Саратовской области [4].

Следует отметить, что Саратовская область одна из немногих субъектов Российской Федерации, принявших законы о бесплатной юридической помощи. В большинстве субъектов Российской Федерации закон о бесплатной юридической помощи не принят, что порождает множество проблем в реализации ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации». Между тем принятие на региональном уровне законов субъектов Российской Федерации о бесплатной юридической помощи прямо закреплено в данном законе. В частности, на данную проблему было обращено внимание на конференции, состоявшейся в Федеральной палате адвокатов Российской Федерации, посвященной итогам первого года действия ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» [3].

В заключение отметим, что повышение эффективности гражданского состязательного процесса не представляется возможным без дальнейшего совершенствования института бесплатной юридической помощи. Однако, как показал первый год действия ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации», в настоящее время в России не создано достаточных условий для оказания эффективной бесплатной юридической помощи. Полагаем, что решение обозначенных в настоящей работе проблем позволит повысить эффективность рассматриваемого правового института.

Литература

[1] Европейский Суд по правам человека. Избранные решения. — 2000. — Т. 1. — С. 271–287.

[2] Закон Саратовской области от 29.01.2013 № 1-ЗСО «О внесении изменений в Закон Саратовской области „Об областном бюджете на 2013 год и на плановый период 2014 и 2015 годов”» [Электронный ресурс]. — Доступ из СПС «Консультант Плюс Регион».

[3] Официальный сайт Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации. — URL: http://www.fparf.ru/news/476.htm

[4] Постановление Правительства Саратовской области от 21.02.2013 № 82 «Вопросы оказания бесплатной юридической помощи в Саратовской области» [Электронный ресурс]. — Доступ из СПС «Консультант Плюс Регион».

ПОЛИТИКО-ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА И ИДЕОЛОГИЯ

УДК 32:1

БАСКАКОВ Алексей Тихонович,
кандидат философских наук,
доцент кафедры уголовного права, процесса и криминалистики
Башкирского института социальных технологий (филиала)
ОУП ВО «Академия труда и социальных отношений» (г. Уфа)
e-mail: Alexei.baskakov@yandex.ru

ЦЕННОСТИ АБСТРАКТНОГО ПРАВА: ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ

Абстрактное право означает право свободной личности, некую «душу» личности. Это право связано с «лицом», которое требует уважения других «лиц» в качестве духовного «лица». Ценность абстрактного права как ценность экзистенциальная предполагает такой социальный строй, который основывается на правовом интересе. Сама ценность «абстрактного права» связана с высоким уровнем «правосознания» общества. Право и свобода неразрывны. В данном отношении ценность «абстрактного права» сопряжена с исследованием творческих возможностей человека. Эта ценность означает защиту самой «экзистенции» от идеологической опеки. Ценность «абстрактного» права означает охрану свободного времени человека, что связано с преодолением «собственнического» характера взаимоотношения людей. Абстрактное право стремится преодолеть бесправие в ходе осуществления социальных взаимодействий. Оно связано с уважением прав других людей, с ориентацией на моральный долг, на дух толерантных отношений, которые сопряжены с нравственным духом.

Ключевые слова: *ценности абстрактного права, экзистенция человека, правовая реальность, гражданское общество, свобода человека творческие возможности личности.*

Абстрактное право есть «в себе и для себя свободная воля» [1, 93]. Такое право есть право свободной личности. При этом право, как таковое, есть «формальное, абстрактное право» [2, 328]. Оно относится к миру «абстрактного лица». На стадии абстрактного права еще не существуют положительные, позитивные законы. Здесь действует принцип, согласно которому мы призваны уважать тот принцип, где действует само «лицо», которое требует уважения других «лиц» в качестве «лица».

Личность на стадии «абстрактного права» возникает, поскольку субъект, человек имеет «самосознание», причем самосознание о себе как «совершенно абстрактном Я» [2, 341].

В этом «Я» всякая конкретная ограниченность отрицается и признается весьма незначительной.

Никакие народы до тех пор не рождают личностей, пока они еще не достигли знания о своей сущности. Но это знание может породить видимость самого права. Множество социальных отношений, сам факт случайности «договорных связей» зачастую порождают «неправо». Люди считают «неправо» правом; они при этом полагают правом то, чего хотят получить. В результате к основным видам неправа можно отнести «непреднамеренное нарушение права», а также обман, преступление.

При обмане воля «обманутого лица» вовсе не нарушается, поскольку его заставляют верить, что с ним, в конечном счете, поступают согласно закону права. Но подлинное право часто выступает как нечто кажущееся. Объективно оно вовсе не является им, а есть лишь нечто «субъективное».

Преступление — это такая неправда, которую сам человек насильственным образом ставит на место права «в себе». Кто совершает преступление, тот отрицает не только особенное право иного «лица», но и его право вообще.

Наказание выступает не только способом восстановления нарушенного права, но и, видимо, правом самого преступника. Сам поступок свободной личности означает некое «снятие» преступления. Но в этом происходит конкретизация понятий морали и права. Когда сама личность «абстрактного права» постепенно становится субъектом моральной, свободной воли, то сами мотивы и цели поступков людей приобретают смысл субъективной свободы. Эта свобода заключается в том, что судить о человеке следует по его самоопределению. Только в поступке человека «субъективная воля» достигает статуса объективности, а значит, области действия «закона», носящего правовой характер. Сама же по себе «нравственная воля» ненаказуема.

Ценность абстрактного права заключена в «законе». При этом само положительное право часто не соответствует понятию права. Но право и закон хотя и едины, согласно своей идеальной природе, тем не менее, в самих правовых законах отражается характер народа; затем, в самих законах оказываются заложенными сами условия жизни людей, народа. Сама ценность «абстрактного права» связана с духом «нравственности», которая в основном кристаллизуется в поступках людей. Человек, который обретает возможность различать добро и зло и оказывается способным делать свободный, моральный выбор, оказывается погруженным в состояние метафизической вины, намерений, которые связаны с универсалиями добра и совести. Но, как бы то ни было, сама моральная сфера личности есть сфера, область бытия-долженствования. Эта сфера предписывает нам делать добрые поступки.

Но само право, правовая реальность не останавливается на идее права, которое существует в форме семейных отношений, затем гражданского общества и государства. Все эти взаимоотношения касаются самого уровня развития свободы, ставшей семьей затем некоей формальной общностью (гражданским обществом), наконец, органической социальной действительностью, т. е. в конечном счете государственным устройством [3, 324, 390].

В семье, как полагает Гегель, осуществляются нравственные отношения. Сам брак — это моральный и нравственный союз, т. е. некое нравственное отношение лиц. Сама семейная ответственность основывается на моральном интересе.

Однако, ценность абстрактного права как ценность экзистенциальная предполагает социальный строй, который основывается не только на правовом интересе, но и на интересе экономическом. В данном случае каждый человек выступает для себя как цель; все же остальное — «ничто». Самой «субстанцией» личности человека в гражданском обществе является частная собственность. Эта последняя выступает основой предпосылкой разделения труда, предпосылкой рождения некоей «формальной культуры», а также формального права.

Ценность абстрактного права связана с достаточно высоким уровнем «правосознания» человека и общества. Сама человеческая личность при этом полагается на силу правового и морального законов, которые являются в качестве значимой для всех граждан моральной субстанции.

Заметим, что само право в государстве выступает неким внутренним и в то же время «всемирным» началом. В данном отношении «всемирное» право можно рассматривать как нечто «абсолютное», как некий «народный» дух, как подлинную «всечеловечность» и нравственность.

Однако сама область «абстрактного» права должна все же, на наш взгляд, быть проанализирована в терминах «свободы». Но «абстрактное» право позволяет избежать опасного «смешения» свободы и несвободы. Это достигается в правовом законе, как синтезе свободы и разума человека. Ведь любые экзистенци-

альные условия свободы человека, в принципе, имеют самые различные степени и ступени существования самого «абстрактного» права. Однако, когда сам человек начинает стремиться к тому, чтобы «снять», так сказать, сами проявления свободы в эмпирическом, земном мире, то этот человек оказывается способным реализовать свободу как некое «благо», но в его некоторой, определенной особенности.

Именно в тот момент, когда сам человеческий индивидуум устремлен к благу, к прекрасному миру, которому еще предстоит реализоваться, сама нравственная свобода, а также свобода «гражданского общества», оказывается аккумулированной в социально-производственные отношения.

Нам думается, что право и свобода неразрывны (и в этом — сущность абстрактного права!). Правовые и свободные отношения зависят от самих устоев общества. Право, которое отражает состояние общественной системы, становится устремленным к тому, чтобы придать всему сообществу людей характер преодоления моральной нестабильности.

Общество, которое руководствуется принципом абстрактного права, относится снисходительно и к правонарушениям. Право (причем, не только абстрактное) следует, на наш взгляд, рассматривать во взаимосвязи с иными социальными феноменами (например, с феноменом искусства, морали, науки и т. д.).

Итак, абстрактное право есть некая ценность (причем, духовная), которая включена в духовную, социокультурную реальность. Это право выражает меру свободного развития личности человека. Но абстрактное право все же обусловлено самой природой человека и общества. Оно, в конечном счете, выступает как некая система регуляции социальных и духовных отношений, многообразных видов самой жизнедеятельности человека и общества.

Ценность «абстрактного права» сопряжена с исследованием предпосылок творческих возможностей личности человека. Эта ценность, по большому счету, означает защиту самой «духовной экзистенции» от идеологической и политической опеки, защиту от духа принуждения принимать различные убеждения. Ценность «абстрактного» права означает охрану свободного времени человека от непосредственной «единичности» лица, которая по большому счету соотносится с «преднайденной природой».

При этом сама морально-волящая личность человека становится нечто субъективным, поскольку личность всегда отталкивается от идеи бесконечной и нравственной воли. Абстрактное право же сопряжено с неким ограничением свобод, поэтому оно весьма противоречиво. Однако ценность абстрактного права стремится к тому, чтобы устранить ограничения, возникающие в ходе деятельности человека. Эта деятельность связана с тем же самым, что как раз полагает «наличное бытие» свободы как свое собственное.

Право как «непосредственное наличное бытие» задает свободу «единичному лицу», которое пытается сопоставить свой сложный духовный мир с самим собой. В абстрактных правовых отношениях люди хотя и отличают себя от самих себя, тем не менее всегда стремятся выразить свою экзистенциальную природу в отношении к другому, иному «лицу». Абстрактное право, таким образом, стремится преодолеть собственнический характер взаимоотношения индивидов. Это право является сегодня настолько мощным инструментом сообщительности людей, что сообразуется с неким переходом собственности одного человека в собственность другого. Но при этом сама нравственная воля сохраняет общий характер и выражается в охранительной тенденции субъектов права обеспечить сами договорные, а в сущности, диалогичные отношения лиц.

Абстрактное право, его сущность, связанная с экзистенциально-философским исследованием обозначенной нами проблемы реализации «особенной» воли, причем не только отличной от самой себя, но и выступающей для себя «сущей», имеет своей главной целью преодоление смешения различных прав человека, которые соотносимы с существованием семейных и государственных отношений.

Абстрактное право, на наш взгляд, стремится преодолеть бесправие в ходе осуществления различных социальных взаимодействий (например, семейных). Но мы должны учесть и тот момент, согласно которому «всякий вид права принадлежит лишь лицу, и объективно право, основанное на договоре, есть право не на лицо, а лишь на нечто ему внеш-

нее или право на нечто отчуждаемое от него» [3, 435]. В этом плане абстрактное право, которое опирается на веру в само достоинство личности, указывает на нравственное, духовное начало в ней.

В этом плане абстрактное право как способ достижения диалога между социальными, общественными интересами и интересами самой личности означает некий компромисс, который в своей сущности носит весьма гармоничный характер. Но, конечно, при том условии, если в самом государстве продолжает поддерживаться дух свободы личности человека по отношению к вещам материального мира. Абстрактное право связано с уважением прав других, с ориентацией на моральный долг, дух честности в социальном (диалоговом) партнерстве, с ориентацией на духовный идеал и толерантные отношения, которые всегда сопряжены с нравственным духом.

Литература

[1] *Гегель Г.В.Ф.* Философия права / пер. с нем. — М.: Мир книги, 2007.
[2] *Гегель Г.В.Ф.* Энциклопедия философских наук: В 3 т. — Т. 3. — М.: Мысль, 1977.
[3] *Гегель Г.В.Ф.* Философия права / пер. с нем. — М.: Мысль, 2007.

УДК 32:2

СУЛЕЙМАНОВ Тимур Фуатович,
кандидат философских наук, доцент кафедры
общеобразовательных и профессиональных дисциплин
ФГБОУ ВПО «Уфимский институт путей сообщения» (филиал)
ФГБОУ ВПО «Самарский государственный университет путей сообщения»,
e-mail: suleimanov1957@ mail.ru

КИРИЧОК Наталья Вячеславовна,
ведущий инженер-программист отдела технического надзора
и регистрации автомототранспортых средств ГИБДД
Управления МВД России по городу Уфе
e-mail: nvkirichok@mail.ru

РЕЛИГИЯ И ПРАВО В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНОЙ РЕГУЛЯЦИИ

В данной работе авторы рассматривают религию и право как нормативно-ценностные системы, осуществляющие регуляцию общественных отношений.

Ключевые слова: *религия, право, нормы, ценности, признаки, свойства, функции, государство, вера, Бог.*

Часть I

«Все в конце концов определяется религиозными верованиями народа».

Н.А. Бердяев

«…веления религии как догмы, подобно велениям права, имеют объективный, а не субъективный характер, суть веления авторитетной воли, налагающей на каждого верующего обязанности, но тем не менее области религии и права не покрывают друг друга, вменение религиозное также не тождественно с юридическим».

Н.С. Таганцев

«Вовсе не случайно ближайшей исторической предосновой права в строго юридическом смысле явилась религия, сакральные начала».

С.С. Алексеев

Актуальность данной темы обусловлена ролью и значением религии и права в системе социальных отношений. Будучи элементами духовной культуры общества, они оказывают соответствующее воздействие на нормативно-ценностные ориентации не только отдельно взятой личности, а больших социальных групп, общества в целом.

Исследование данной темы имеет важное значение и для уяснения основных процессов, происходящих в духовной жизни общества, а они в свою очередь находят отражение в социальных, происходящих в обществе, и в конечном счете это один из вопросов социального бытия человека и общества.

Обращаясь к данной теме, в первую очередь, необходимо предельно точно обозначить, что мы будем понимать под религией и правом. Здесь мы несколько изменим логику нашего рассмотрения, и сначала определимся с понятием «право» в силу того, что в отношении его дефиниции нет принципиальных, отличительных друг от друга интерпретаций, более четко (что характерно для юриспруденции) определена его суть, признаки и функции. Рассмотрев право и обращаясь к определениям религии, мы как бы пойдем от более понятного к менее понятному.

В современной юридической науке под правом понимается «система норм, выраженных в законах, иных признаваемых государством источниках и являющихся обязательным нормативно-государственным критерием правомерно-дозволенного (а также запрещенного и предписанного) поведения» [3, 157]. Определившись с понятием права, будет правильным указать и его свойства. «Использование категории „свойство" означает, что право, как и всякое иное объективное явление социальной действительности, имеет „свои", органически ему присущие объективные характеристики» [2, 47]. Общеустановлено, что свойствами права как социокультурного образования являются следующие:

«– общеобязательная нормативность, «всеобщность» — право через свою документальную форму способно делать те или иные общие правила (нормы, принципы) обязательными для всех в стране, на данной территории;

– определенность содержания — писанное право дает возможность строго фиксировать в письменных документах содержание прав и обязанностей, условия их возникновения, возможные последствия несоблюдения норм и т. д.;

– действие через дозволения — именно в письменном виде можно закрепить не свободу вообще, а субъективные права — четко определенную по границам, санкционированную государством свободу поведения, дозволенность (это не способы сделать никакие иные социальные нормы);

– государственная гарантированность — только нормы, принципы, закрепленные в письменных документах, получают надлежащую государственную гарантию, могут быть оснащены — тоже через письменные документы — процедурами и механизмами их действительной, гарантированной реализации.

Среди других свойств права следует отметить системность (структурированность) — внутреннюю подразделенность позитивного права на отрасли, институты, — которая имеет главным образом «внутреннее» значение, обеспечивает функционирование права как единого целостного организма» [3, 77–78].

Рассмотрев основные свойства права и при этом указав, что оно нормативно, будет логичным подчеркнуть признаки правовых норм. И таковыми являются:

«– правовые нормы являются эталоном социально одобряемого поведения;

– выражают волю и интересы членов общества, осуществляющих государственную власть;

– общеобязательны;

– защищены от нарушений силой государственного аппарата;

– источником их формирования является государственная власть;

– имеют абсолютный характер;

– обладают особой процедурой принятия;

– имеют особую форму выражения;

– системны;

– иерархичны» [18, 12].

Назвав в качестве существенного свойства права его тесную связь с государством, необходимо сказать, что она «выражается в том, что:

1) государство официально устанавливает право, обеспечивает его исполнение, в том числе и с помощью государственного принуждения. Для этого существует специальный аппарат надзора и контроля, пресечения нарушений, судебного рассмотрения споров, наказания виновных и т. п.;

2) право, будучи нормативным выражением государственной воли, регулирует общественные отношения в классовых, общесоциальных либо иных интересах. Согласно этому, право служит орудием проведения в жизнь политики государства;

3) право имеет общеобязательный характер, что позволяет ему выступать в качестве

особого социального регулятора, в виде критерия правомерного и неправомерного поведения;

4) в отличие от других социальных норм специфика регулятивной роли права связана с предоставительно-обязывающим содержанием большинства составляющих его норм» [15, 33].

Право представляет собой особый нормативно-ценностный регулятор. «И с этих позиций право, стало быть, регулятор нормативный, ибо право, состоящее из нормативно-унифицированных средств и механизмов регулирования общественных отношений, нацелено на то, чтобы ввести в жизнь людей начала всеобщей „нормальности", единой упорядоченности, общепризнанности» [1, 313] и «ценностный, ибо право, вводя в жизнь нормативные начала, определяет оценку жизненным явлениям и процессам и потому является основой для того, чтобы действовать «по праву» и признавать те или иные поступки в качестве таких, которые совершены „не по праву"» [1, 314].

Рассматривая право как нормативно-ценностную систему, осуществляющую регуляцию системы общественных отношений, будет правильным «с необходимой строгостью очертить функции права как регулятора.

Это:

– воспроизводство данной социальной системы;

– утверждение в жизни общества нормативных начал;

– регулятивное правовое воздействие на общественные отношения» [1, 315].

Право регулирует экономические отношения (систему отношений, возникающих при производстве, обмене и потреблении материальных благ), политические отношения (между субъектами политической деятельности), семейно-брачные и т. д.

Кратко рассмотрев основные свойства, признаки и функции права как нормативно-ценностной системы перейдем к религии.

В первую очередь обратимся к этимологии данного термина. Согласно толкованию в Большом энциклопедическом словаре термин «религия» происходит «от лат. *religio*, означающего — набожность, святыня, предмет культа» [5, 1009]. По мнению известного российского религиозного философа и правоведа И.А.Ильина, «слово *„religio"* производится от *„religare"*, оно выражает: совестливость, боязливость, осторожность, боязнь, мучение, беспокойство совести, т. е. чувство ответственности и лишь в дальнейшем — богопочитание, богослужение, религию, веру» [11, 199].

С.Н. Булгаков в своей фундаментальной работе «Свет невечерний», определяя сущность религии, исходил из того, что термин «религия» происходит от лат. «*religio — religare*» и означает «связь, связывать, соединять» [6, 12]. Аналогичную позицию в значении термина «религия» занимают Е.Н. Трубецкой и современный религиовед М. Форвард [31, 32].

В части определения религии также не существует единого мнения. Так, религиовед Ф.М. Мюллер считает, что религия — это то умственное состояние, которое «делает человека способным понять Бесконечное под различными именами» [цит по: 20, 18]. Такой же, достаточно широкой трактовки, придерживается Э. Фромм, который в своей работе «Психоанализ и религия» пишет: «Под религией я понимаю разделяемую группой систему мышления и действия, позволяющую индивиду вести осмысленное существование и дающую объект для преданного служения» [35, 158].

Классик социологической мысли Э. Дюркгейм дал определение религии как «единой системы верований и ритуалов, имеющих отношение к священным вещам, то есть к вещам избранным, — верований и ритуалов, которые объединяют в одну единую духовную общину, называемую церковью, всех тех, кто является ее приверженцами» [цит по: 32, 29].

Несомненный интерес представляет определение религии, данное С.Н. Булгаковым и Б.П. Вышеславцевым. Так, по мысли С.Н. Булгакова, религия «есть опознание Бога и переживание связи с ним» [6, 12]. Б.П. Вышеславцев в своей работе «Вечное в русской философии» пишет, что «религия есть одновременно признание Божественности Бога и Божественности самого человека. Религия есть нахождение Бога в себе и себя в Боге…» [8, 273].

Современный исследователь Д.В. Пивоваров понимает под религией «стремление человека и общества к непосредственной связи с абсолютом (Богом, богами, безусловным

средоточением всего существующего, субстанцией, главной святыней)» [17, 10].

Ф.Н. Козырев предпочитает прежде дать определение понятию «вера» и затем понятию «религия», что, на наш взгляд, верно. Так под понятием «вера», по его мнению, следует разуметь «состояние духа, в котором инобытие (Бог) обретает характер внутренне удостоверенной реальности» [12, 61]. А под религией он понимает явления «духовной жизни человека и общества, в которых отражается переживание трансцендентного как иного по отношению к наличному человеческому сознанию духовного измерения или начала» [12, 59].

В современной справочной научной литературе религия определяется как «мировоззрение и поведение отдельного индивида, группы, общности, которые определяются верой в существование сверхъестественного» [21, 444].

В части, касающейся признаков религии, «по которым мы могли бы „распознать" или „идентифицировать" религию» [32, 79], упоминавшийся нами западный религиовед М. Форвард предлагает мнение Н. Смарта и профессора Уэйлинга. Н. Смарт исходит из того, «что каждая религия содержит семь измерений:

– практическое и обрядовое;
– эмпирическое и эмоциональное;
– повествовательное и мифическое;
– доктринальное и философское;
– этическое и правовое;
– социальное и институциональное и материальное» [цит. по: 32, 79].

Профессор Уэйлинг считает, что «во всех крупных мировых религиях содержится восемь взаимосвязанных элементов. Основные религии — это динамические организмы, внутри которых взаимодействуют восемь измерений; они являются цепями, состоящими из восьми звеньев.

Восемь звеньев — это религиозная община, обряд, этика, участие в жизни общества, писание (миф), концепции, эстетика и духовность» [цит. по: 32, 79].

Д. Уилби отмечает три отличительные черты как религиозности (так и религии — авт.) — трансценденцию, конечность человека и спасение.

«Религия всегда имеет дело с трансцендентным миром, считает человека несовершенным (смертным, греховным, страдающим) и ищущим спасения, бегущим из наличного состояния в надежде на лучший (совершенный) мир» [цит. по: 9, 683].

С.Н. Булгаков, определив религию как опознание Бога и переживание связи с ним, считает, что для нее характерным является «переживание трансцендентного, становящегося постольку имманентным, однако при сохранении своей трансцендентности, переживание трансцендентно-имманентного» [6, 12]. «Религиозное переживание удостоверяет человека в реальности иного, божественного мира не тем, что доказывает его существование или разными доводами убеждает в необходимости последнего, но тем, что приводит его в живую, непосредственную связь с религиозной действительностью, ему ее показывает» [6, 12].

Эмоционально-чувственное переживание, по его мысли, является главным и определяющим в таком явлении как религия. Он подчеркивает, что «в основе религии лежит пережитая в личном опыте встреча с Божеством, и в этом заключается единственный источник ее автономии» [6, 16].

Вместе с эмоционально-чувственным переживанием в «душе человеческой появляется сознание необходимости и внебожественности, а следовательно, относительности и греховности своего бытия, но одновременно зарождается и стремление освободится от „мира", преодолеть его в Боге; другими словами, вместе с религиозным самосознанием в человеке родится и чувство зла, вины, греха, отторженности от Бога, а равно и потребность спасения и искупления» [6, 16]. Именно религиозное переживание во многом предопределяет степень восприятия религиозного учения, на что указывает З. Фрейд, который писал: «…истинность религиозных учений зависит от внутреннего переживания, свидетельствующего об этой истинности» [33, 116–117].

Религия будучи связанной с эмоционально-чувственной сферой личности всегда предполагает особое особое психологическое явление и в этом смысле она «есть психологизм только в смысле, что она представляет совокупность фактов психологической жизни, осу-

ществляющихся в конкретной индивидуальной психике» [33, с. 20].

Религия всегда представляет измененное состояние психики человека, которое позволяет ему адаптироваться в изменившихся обстоятельствах. К.Г. Юнг, подчеркивая это, писал: «…религия двух прошедших тысячелетий есть психологическая установка, особого рода приспособление к внутреннему и внешнему миру, создающее определенную форму культуры и тем самым некую атмосферу, на которую интеллектуальное отрицание не имеет никакого влияния» [36, 235].

Обязательным атрибутом религии является вера, имеющая внелогическую обоснованность, и для нее, по мнению С.Н. Булгакова, свойственно то, что это «есть путь знания без доказательств, вне логического достижения, вне закона причинности и его убедительности» [6, 28].

Религиозная вера «имеет две стороны: субъективное устремление, искание Бога, религиозная жажда, вопрос человека, и объективное откровение, ощущение Божественности мира, ответ Бога. В вере Бог нисходит к человеку, устанавливается лестница между небом и землей, совершается двухсторонний, богочеловеческий акт. И это объективное содержание веры имеет для верующего полную достоверность, его религиозное знание, полученное, однако путем откровения. Вера предполагает, в качестве своего объекта, а вместе и источника, тайну» [6, 32].

Д.В. Пивоваров, характеризуя религию, называет следующие признаки:

«– предельная индивидуализированность, так как любая религия подразумевает наличие определенной организационной структуры, выполняющей роль посредника между богом и человеком;

– личное отношение к предмету веры (в виде любой разновидности сверхъестественного), поскольку верующий, как правило, подсознательно оценивает его положительно;

– эмоционально-чувственный характер» [17, 31].

Неотъемлемой частью религии является молитва, ибо «где нет молитвы, там нет религии» [6, 26]. И.А. Ильин в отношении нее писал: «Живая религиозность невозможна без молитвы. Ибо религиозность есть обращенность к Богу, и как только это обращение осуществляется, так начинается молитва» [11, 543].

Молитва, в свою очередь, составляет самую сущность религиозного опыта, вне ее он невозможен. «В религии, как и во всей жизни человека, опыт, посвященный предмету, предшествует верному суждению о нем. Нельзя судить, решать и действовать до опыта или помимо опыта. Не стоит построять внеопытные доктрины о предметах, доступных опыту и отрывающихся только через опыт. А молитва входит в самую сущность религиозного опыта. Она начинается с первого мига обращения к Богу, с самого возникновения религиозного акта» [11, 545].

Главной же чертой религиозного опыта, по мнению немецкого религиоведа Ф. Шлейермахера, «является ощущение единства… такое чувство своего единства с природой, своей укорененности в ней, что при всех изменчивых явлениях жизни и даже при самой смене жизни смертью, которая поражает и нас, мы с радостью и спокойствием ожидали бы выполнения этих вечных законов» [цит. по: 30, с. 45].

Религиозный опыт возникает в процессе подлинного сосредоточения «религиозных чувств созерцаний. Поэтому настоящая религиозность есть живая воля к предметности: «Я призван созерцать и любить Бога, как Он есть во истину; и хочу именно этой правды о самом Боге». Только через отношение к Нему — опыт человека становится религиозным, а не «религиозно-образным». Религия есть связь человека с самим Предметом (веры — авт.); восприятие Его есть основа откровения; любовь к Нему — есть основа религиозности; созерцание Его есть основа веры; воля к Нему ведет и строит религиозный опыт; верное узрение Его и жизненное исповедание Его — задано каждому человеку» [11, 194].

Определив, что для религии свойственно познание Бога и переживание связи с ним, как «откровение трансцендентного мира, или переживание Божества» [6, с. 50], она «необходимо ощущает себя, сознает себя как откровение, притом коренным образом отличающееся от знания, которое получается в пределах этого мира. Откровение по самому понятию своему предполагает то, что открывается» [6, 50].

В результате акта откровения верующий получает «знание, которое… получено сверхъ-

естественным путем. Иначе говоря, в результате религиозного опыта человек заявляет, что Бог ему что-то сообщил» [30, 38].

Рассматривая религию, необходимо отметить, что она становится конкретным учением в силу того, что «вера необходимо родит догмат того или иного содержания, или же, наоборот, догмат есть формула того, что опознается верою как трансцендентное бытие» [6, 50].

Религиозный догмат — это своеобразная объективная истина, «взыскуемая всеми силами души, а не есть какая-то прихоть или каприз» [6, 50]. Ведь «вера есть чуждый своеволия, субъективизма и каприза путь искания религиозной истины, причем добытое на этом пути имеет за собою всю принудительность объективной истины, требующей самоотверженного служения. Без этого качества объективности вера совершенно теряла бы свой серьезный и трудный характер, свою суровость, которая всегда приносит трагическую ломку жизни героям веры» [6, с. 50].

Говоря о догматах веры следует признать, что они составляют «суть богатства религии... представляют собой как бы вехи, поставленные по пути правильно идущей религиозной жизни; нормального ее роста. Догматы суть иероглифы религиозных тайн, раскрывающихся лишь в религиозном опыте и в меру этого опыта» [6, 68].

Религия как духовное образование обязательно связана с мифом [см. более подробно: 25], которому «принадлежит роль, аналогичная той, какая свойственна понятию или суждению в теоретической философии [6, 57]; от его понимания зависит оценка религиозно-догматического сознания» [6, 57].

Мифы, как известно, «это сюжеты, выражающие различные аспекты человеческого самосознания» [30, 88]. В них находит отражение повествования о сотворении мира, о потусторонней («загробной») жизни, объяснение происходящего в природе, обществе, о том, что так или иначе судьба человека предопределяется некой высшей силой, неподвластной ему и исходя из этого он должен лишь признать это и повиноваться. В мифе «выражается содержание откровения, или другими словами, откровение трансцендентного, высшего мира… он есть те письмена, которыми этот мир начертывается в имманентном сознании, его проекциях и образах» [6, 57].

«Миф возникает из религиозного переживания, почему и мифотворчество предполагает не отвлеченное напряжение мысли, но некоторый выход из себя в область бытия божественного, некое богодейство… По своей… природе миф имеет необходимую связь с культом как системой сакральных и теургических действий, богодействием и богослужением» [6, 62]. И поэтому «первостепенное значение культа для религиозного сознания, и не только практическое, но и теоретическое. Культ есть переживаемый миф — миф в действии» [6, 62].

И.И. Гарин, обращаясь к рассмотрению признаков религии и ее составных частей, пишет, что все «великие религии объединяет единый Бог, высокая нравственность, почитание культурных традиций, уважение к закону, уважение к личности человека» [9, 682]. И далее он, не без должного основания, перечисляет все те элементы, которые образуют ту духовную систему называющейся религиозной верой, и которая «включает в свой состав не только определенное состояние сознания, но и некую врожденную установку, изначальную мотивацию, традицию, участие в определенной практике, соблюдение определенных предписаний» [9, 682].

Обязательным атрибутом религии, конечно же, является религиозное мировоззрение, которое, на наш взгляд, представляет собой соответствующую систему на мир и человека в нем, это своеобразное «понимание природы и действий Бога, его отношения к людям и ценности человеческой жизни» [9, 684]. Для религиозного мировоззрения характерным является следующее:

«– описательный, созерцательный и иносказательный подход к окружающему миру, без его подлинного объяснения и изменения;

– в центре религии находится Бог или боги, но не человек, и это ставит в центр всего религиозного учения культ Бога;

– наличие у религии собственной метафизической концепции о жизни человека в вечности, в том числе и „ином" мире;

– религиозная концепция о смерти и бессмертии, о возможности жизни в потустороннем мире, что избавит верующего от «страха смерти» [22, 18–19].

Итак, рассмотрев различные точки зрения на религию, ее признаки, мы приходим к тому, что таковыми являются:

– религиозное знание;
– религиозное сознание;
– религиозное мировоззрение;
– религиозное переживание;
– молитва;
– культ;
– религиозный опыт;
– откровение;
– религиозные чувства и эмоции;
– заповеди;
– нравственные нормы;
– религиозные догматы;
– религиозная философия;
– религиозная организация.

Назвав в качестве признаков религии наличие догматики, нравственных норм и заповедей следует подчеркнуть, что вместе взятые они образуют особую систему своеобразных религиозных норм, для которых характерны следующие признаки:

«– являются эталонами отношений;

– формируются на основе религиозных представлений;

– имеют активную направленность для последователей религии и пассивную — для иных (например, заповеди Ветхого Завета разделяются на обязательные для исполнения иудеями и достаточные для не иудеями);

– источниками религиозных норм выступают священные тексты, откровения как особая форма познания и связи с божественным;

– могут быть результатом нормативной деятельности религиозных организаций и т. д.;

– направлены для регулирования как внутренней, так и внешней жизни личности (в равной степени важно регулирование помыслов и поступков);

– аксиоматичны;

– аксиологичны;

– основываются на сакральном авторитете (Бога или личности (например, святых, пророков и т. д.);

– имеют свою санкцию;

– формируют сакральную традицию;

– стабильны» [18, 12].

Назвав признаки религиозной веры, ее структурные компоненты, мы перейдем к тем функциям, которые она осуществляет. В данной работе мы их лишь перечислим, при этом подробно их не раскрывая, потому что ранее в своих работах уже детально рассматривали [см. более подробно: 25, 4].

Религия осуществляет следующие функции:

– компенсирующую;
– интегративную;
– регулирующе-контролирующую;
– экзистенциальную;
– политическую [см. более подробно: 24, 5–12].

К вышеназванному следует добавить, что функция компенсаторная тесно связана с психотерапевтическим воздействием, что делает ее мощнейшим антидепрессантом. На это обстоятельство указывает З. Фрейд в своей работе «Будущее одной иллюзии», где писал: «Боги сохраняют свою троякую задачу: нейтрализуют ужас перед природой, примиряют с грозным роком, выступающим прежде всего в образе смерти, и вознаграждают за страдания и лишения, выпадающие на долю человека в культурном обществе» [33, 106].

Функция компенсаторная наполняет религию особым жизненным содержанием, и это является ее важнейшим свойством, на что обращает внимание К.Г. Юнг. Он писал: «Между религией народа, с одной стороны, и действительным укладом его жизни — с другой, всегда существует отношение компенсации; иначе религия не имела бы никакого практического смысла. Это правило подтверждается всюду» [36, 182].

Итак, из всего вышесказанного следует, что религия представляет собой нормативно-ценностную систему, которой свойственно наличие религиозных норм (которые вбирают в себя нормы нравственные) во многом предопределившие нормы права.

Именно в ней находит свое место абсолютная ценность, которая воплощена в обрезе Божьем. Без нее (этой абсолютной ценности) все ценности нашего бытия «оказываются относительными, т. е. обесцененными, а обесцененная ценность — это уже не ценность вовсе» [34, 10].

Именно «образ Божества в человеческой душе есть образ наивысшей ценности и наивысшей реальности; единственный образ, способный определять все наши поступки и все наше мышление» [8, 78].

Часть II

«Религия, по самому существу своему, претендует на руководительство во всех делах и отношениях. Она ищет и находит высшее слово и последнее слово; она указывает человеку то, через что сама жизнь становится во истину жизнью и каждое действие получает свой существенный смысл, свое последнее освящение».

И.А. Ильин

«Нормы религиозные… регулируют не только взаимные отношения людей, но и отношения человека к самому себе и к Богу; в этом смысле область греховного, как нарушения обязанностей религиозных, шире области преступного».

Н.С. Таганцев

Определив, что право и религия выступают как нормативно-ценностные системы, имеющие свои признаки и функции, мы обратим свое внимание на то, что их объединяет и в чем они различны, т. е. единство и различие в регуляции системы социальных отношений.

На наш взгляд, единство религии и права заключается в том, что:

во-первых, они представлены особой системой социальных норм, каждая из которых осуществляет регуляцию социальных отношений, и имеют общие признаки:

«– и те, и другие являются элементами нормативной системы общества;

– аксиологичны;

– выражают определенную волю, т. е. направлены на установление и поддержание на необходимом уровне дисциплины и порядка в обществе;

– и в тех, и в других присутствуют или подразумеваются санкции, обеспечивающие негативные последствия для нарушителей нормы;

– представляют собой средства активного воздействия на поведение людей;

– в процессе реализации не ограничиваются обособленной сферой социальных отношений;

– имеют общее функциональное и целевое значение;

– их можно рассматривать в качестве социальной информации;

– иногда политически насыщены;

– Имеют публичные формообразования» [18, 13].

При этом будет правильным сказать о том, что в ряде государств, а именно там, где ислам является государственной (или официальной) религией (а это имеет место в 28 афро-азиатских государствах) право является лишь частью религии, а мусульманское право «одной из сторон религии ислама» [10, 308].

Система мусульманского права, получившая название «шариат», представляет собой, как мы уже отмечали ранее [см. более подробно: 26, 190–193; 27, 126–128], «тщательно разработанный кодекс поведения, или канон, содержащий в себе обрядовые нормы богопочитания, нравственные законы семейной жизни и общественной жизни, различные разрешения, предписания и запреты, призванные урегулировать отношения мусульманина к Богу, к обществу в целом и к человеку в частности» [14, 161].

В качестве примера можно привести соответствующие суры и аяты из Корана, который, как известно, является основополагающим источником мусульманского права.

Так, в части, касающейся взаимоотношений мужчины и женщины, Коран запрещает жениться на многобожнице и на это указывает сура, 2 аят 220 (221), где буквально сказано: «Не женитесь на многобожницах, пока они не уверуют; конечно, верующая рабыня лучше многобожницы, хотя бы она и восторгала вас. И не выдавайте замуж за многобожников, пока они не уверуют; конечно, верующий раб — лучше многобожника, хотя бы он и восторгал вас» [13].

В Коране имеют место и нормы дозволения. В качестве такой приведем суру 4, аят 3 (3) дающий право мусульманину на многоженство: «А если вы боитесь, что не будете справедливы с сиротами, то женитесь на тех, что приятны вам, женщинах — и двух, и трех, и четырех» [13]. В этой же суре и, в частности, аяте 12 (11) содержатся нормы по разделу имущества, то есть нормы, предписывающая как поступать в случае смерти мужчины. Согласно воли Аллаха надлежит разделить наследство так: «Завещает вам Аллах относительно ваших детей: сыну — долю, подобную доле двух дочерей. А если они (лети) — женщины, числом больше двух, то им — две трети того, что он оставил, а если одна, то ей — половина. А родителям его, каждому из двух — одна шестая того, что он оставил, если у него есть ребенок. А если у него нет ребенка и ему наследуют его родители, то матери — одна треть. А если есть у него братья, то матери — одна шестая завещанного, которое он завещает, или долга. Родители ваши или ваши сыновья — вы не знаете, кто из них ближе вам по пользе, как установлено Аллахом. Поистине, Аллах знающ, мудр» [13].

Регуляция семейных отношений находит свое воплощение не только в исламе, но и в других мировых религиях, а также и отдельных национальных верованиях [7].

В норме религиозной, как и правовой, нашли свое отражение и санкции за те или иные проступки и преступления. Так, лицам Коран предписывает следующее наказание: «Вору и воровке отсекайте их руки в воздаяние за то, что они приобрели, как устрашение от Аллаха. Поистине, Аллах — великий, мудрый! (сура 4, аят 42 (38)» [13].

За такой безнравственный поступок как прелюбодеяние Коран предписывает: «Прелюбодея и прелюбодейку — побивайте каждого из них сотней ударов. Пусть не овладевает вами жалость к ним в религии Аллаха, если вы уверуюте в Аллаха, и в последний день. И пусть присутствуют при их наказании группа верующих (сура 24, аят 2 (2)).

Прелюбодей женится только на прелюбодейке или многобожнице, а прелюбодейка — на ней женится только прелюбодей или многобожник. И запрещено это для верующих (сура 24, аят 3 (3)» [13]. При этом в Коране в обязательном порядке предусмотрено и то, что обвинение должно подтверждаться свидетелями, оно не должно быть надуманным, что нашло свое отражение в суре 24, аяте 4 (4), где сказано: « А те, которые бросают обвинения в целомудренных, а потом не приведут четырех свидетелей, — побивайте их восемью — десятью ударами и не принимайте от них свидетельства никогда; это — распутники» [13].

Также считаем должным отметить, что Коран регламентирует практически все сферы жизнедеятельности мусульманина, вплоть до того, что не следует употреблять в пищу, и это нашло отражение в суре 5, аяте 4 (3), который гласит: «Запрещена вам мертвечина, и кровь, и мясо свиньи, и то, что заколото с призыванием не Аллаха, и удавленная, и убитая ударом, и убитая при падении, забоданная, и то, что ел дикий Зверь, — кроме того, что убьете по обряду, — и то, что заколото на жертвенниках, и чтобы вы делили по стрелам. Это — нечестие. Сегодня отчаялись те, которые не веровали в вашей религии; не бойтесь же их, а бойтесь Меня» [13].

В исламе норма религиозная одновременно является и нормой правовой, они слитны, не существуют раздельно [см. более подробно: 28, 1–17].

С.С. Алексеев, рассматривая данную систему социальной регуляции писал, что «„правовые задачи” успешно решаются на протяжении многих веков, и даже тысячелетий так, что нормативы и критерии, которые имеют явно „юридический” характер, действуют в тесном единении с религиозными, моральными постулатами, жесткими традициями, представлениями мировоззренческого характера» [3, 139].

Во-вторых, как религия, так и право нацелены на соответствующее упорядочивание всей системы общественных отношений, их стабильности и совершенствования, что в конечном счете будет способствовать развитию личности и общества, утверждать достаточно высокие принципы гуманизма в праве и религиозные идеалы.

В-третьих, религия и право выступают в качестве непреложных общеисторических ценностей, элементов духовной культуры общества.

В-четвертых, как религия, так и право, являются регулятором системы общественных от-

ношений, выполняющим достаточно важные функции [см., например: 19].

В-шестых, религия и право осуществляют аксиологическую функцию, формируя соответствующую систему ценностей как религиозного, так и правового характера.

В-седьмых, религия и право исходят из того, что выход за пределы как установленного Богом, так и норм, установленных законом, приведет к негативным последствиям. Так в официальном документе Русской Православной Церкви, который называется «Основы социальной концепции Русской Православной Церкви», в разделе IV «Христианская этика и светское право» сказано: «Право существует в человеческом обществе искони. Первые законоустановления даются человеку еще в раю (Быт. 2.16–17). После грехопадения, которое есть нарушение человеком божественного закона, право становится границей, выход за которую грозит разрушением как личности человека, так и человеческого общежития» [16, 282].

Церковь как религиозный институт выступает за обязательное соблюдение установленных государством правовых норм, т. е. христиане должны быть законопослушными. Именно с этого начинается глава IX (названного документа Русской Православной Церкви), которая называется «Преступность, наказание, исправление». Так, статья первая этой главы гласит: «Христиане призваны быть законопослушными гражданами земного отечества, принимая, что всякая душа должна быть „покорна высшим властям" (Рим. 13.1), и одновременно помня Христову заповедь воздавать „кесарю кесарево, а Божие Богу" (Лк. 20. 25). Но человеческая греховность порождает преступления — нарушения границ, положенных законом» [16317–318]. И здесь же поясняется, что «главным источником преступления является помраченное состояние человеческой души: „Из сердца исходят злые помыслы, убийства, прелюбодеяния, любодеяние, кражи, лжесвидетельства, хуления" (Мф. 15.19)» [16, 285].

В-восьмых, религия и право едины в силу того, что имеют единый корень: «Исторически религиозное (имеется в виду каноническое — авт.) и светское право происходят из одного источника и долгое время являлись двумя аспектами единого правового поля. Такое представление о праве характерно и для Ветхого Завета» [16, 285].

Наряду с тем общим, что объединяет религию и право в системе регуляции общественных отношений, есть и существенные различия между ними, т. е. они имеют свои отличительные особенности.

Во-первых, религия и право различаются по способам их формирования. Право «есть человеческое изобретение, конструкция, которую общество создает для своей пользы, для решения задач, определяемых им самим» [16, 288]. Религия есть явление Божественное, небесное, в то время как право — это земное, профанное.

Во-вторых, различаются механизмом воздействия на личность, социальные группы, общество в целом.

«Право… предусматривает принятие мер для принуждения к подчинению закону» [16, 282], а у религии главнейшая задача и цель — спасение души человеческой и это достаточно точно отметил Б.П. Вышеславцев, когда писал: «В самом деле, задача всякой религии… состоит в спасении, а не гибели и осуждении человека» [8, 40].

Задачи, стоящие перед религией и правом, предопределили и методы воздействия. Так «рационально-империческая норма закона обращается всегда к сознанию, к сознательной воле, и не умеет обращаться с подсознанием, которое ей не повинуется и противоборствует» [8, с. 50].

Религия для воздействия на человека всегда использует внушение, для чего обращается к подсознанию. И тут надо сказать, что внушение, которое используется в религии, не является лишь только ее особым инструментом, но она использует его наиболее эффективно. «Категория внушения объемлет всю сферу жизни, обо оно есть воздействие на сознание через посредство подсознания» [8, 77]. Исключением не является и правовая сфера, но «закон, — по точному замечанию Б.П. Вышеславцева, — обладает слабой способностью внушать. Закон не умеет обращаться с подсознанием» [8, 77].

«Отрицательное внушение не принимается, а закон состоит в значительной степени из запретов» [8, 77].

Использование эффекта внушения религия доводит до совершенства, именно в ней достигается наивысший результат недоступный ни для политики, ни для права, ни для какой-либо иной сферы жизнедеятельности человека. «Над всеми этими разнородными сферами внушения возвышается религия как высший и суверенный источник внушения. Все религии мира обладают разработанными методами внушения, умеющими обращаться с индивидуальным подсознанием» [8, 77].

Для наибольшего эффекта внушения религия использует своеобразный инструментарий, что и обеспечивает должный результат. Самое «мощное внушение, какое только известно человечеству, исходит от религиозных образов, религиозных символов и созерцаний» [8, 78]. По сути, религиозные внушения «есть внушения, получаемые от Бога» [8, 80].

В-третьих, религия выступает по отношению к человеку как внутренняя его самость, в то время как право это часть внешнего мира.

«Право — особая сфера… оно не определяет внутренних состояний человеческого сердца, поскольку Сердцеведцем, — как сказано в Основах социальной концепции Русской Православной Церкви, — является лишь Бог» [16, 282].

В-четвертых, у религии и права разное понимание наказания, т.е. использование санкции за то или иное преступление. «Церковь, не становясь судьей человеку, преступившему закон, призвана нести попечение о его душе. Именно поэтому она понимает наказание не как месть, но как средство внутреннего очищения согрешившего» [16, 320].

В-пятых, религия и право отличаются по характеру и порядку ответственности.

Известный русский правовед, общепризнанный специалист по русскому уголовному праву, автор классической работы «Русское уголовное право. Лекции» (в 2 т.) Н.С. Таганцев определили это, на наш взгляд, предельно точно. Он писал: «Суд божеский, как и суд совести, зрит тайные помыслы, зрит то, что скрыто для суда земного, и одинаково почитает виновным и прелюбодея и того, кто „еже воззрить на жену, во еже вожделения ея", потому что и он „уже любодействовал с нею в сердце своем". Оттого и последствия нарушения религиозных заповедей имеют такой же внутренний характер: религия требует от согрешившего покаяния и раскаяния, и притом не видимого и внешнего, а исходящего из сердца; об истинном суде церкви говорит Иоанн Златоуст: „Здесь врачебница, а не судилище; здесь не истязуют, а дают прощение во грехах"» [29, 28].

В-шестых, религия и право отличаются и сферами своего воздействия. «Нормы религиозные… регулируют не только взаимные отношения людей, но и отношения человека к самому себе и к Богу; в этом смысле область греховного, как нарушения обязанностей религиозных, шире области преступного» [29, 28].

Это положение нашло свое отражение и в «Основах социальной концепции Русской Православной Церкви», где указывается: «…понятие греха, установленное православными нравственными нормами, гораздо шире, чем представление светского права о преступлениях» [16, 318].

Говоря о сфере действия религии и права следует подчеркнуть, что нормы религиозные, объемля мир внутренний, распространяются (обязательны) лишь на последователей соответствующего вероисповедания. В силу того, что «религии по необходимости конфессиональны, их заповеди стоят в прямом соотношении с основаниями того или другого вероучения, и, конечно, мы не можем признать тождества правил жизни и поведения, предписываемых христианством и язычеством, магометанством и еврейством; а веления права, коих нарушения образуют область преступного, запрещают и приказывают безотносительно к религиозным верованиям тех, к кому обращается авторитетная воля государства» [29, 28].

В-седьмых, религия и право различны по уровню предъявляемых требований, что нашло свое отражение как в нормах религиозных, так и нормах права. Требования норм религиозных значительно выше тех, которые предопределены правом. «Право есть принудительное требование реализации определенного минимума добра, или порядка, не допускающего известных проявлений зла» [23, 518].

В-восьмых, религия как социальное явление исторически возникает раннее права, вера предшествует праву как государственному установлению. С.Н. Булгаков правильно пи-

сал: «…универсальную природу религии часто не понимают… полагают, что человечество социализируется политическим, правовым, хозяйственным общением; и не замечают при этом, что раннее возникают все эти частные соединения, для того, чтобы они стали возможны, человечество уже должно быть скреплено и цементировано религией, и если народность есть основа государства, то самая народность есть прежде всего именно вера» [6, 52].

Религия и ее нормы были неким основанием, фундаментом, на котором стоит система права. На это указывает С.С. Алексеев: «Вовсе не случайно ближайшей исторической предосновой права в строго юридическом смысле явилась религия, сакральные начала» [3, 137].

В-девятых, религия использует добровольность и убеждение, в то время как право — принуждение, а, следовательно, и насилие.

Таковы, на наш взгляд, общие и отличительные черты религии и права как регуляторов системы общественных отношений.

В заключение необходимо отметить, что религия и право, будучи весьма важными регуляторами общественных отношений, определяют поведение людей, при этом используют лишь только для них свойственные механизмы воздействия на отдельно взятую личность и общество в целом. И если право ставит себе целью упорядочить систему социальных отношений, то религия помимо этого еще и наполняет смыслом бытие человека.

Литература

[1] *Алексеев С.С.* Право: азбука — теория — философия: Опыт комплексного исследования. — М.: Статут, 1999.

[2] *Алексеев С.С.* Собрание сочинений: В 10 т. [+ Справочный том]. — Т. 6: Восхождение к праву. — М.: Статут, 2010.

[3] *Алексеев С.С.* Теория права. — М.: БЕК, 1995.

[4] *Ахмедов Р.М., Рахматуллин Р.Ю., Сулейманов Т.Ф.* Религиоведение: курс лекций. — Уфа: ОН и РИО УЮИ МВД РФ, 2005.

[5] Большой энциклопедический словарь. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Большая Российская энцикл. — СПб.: Норинт, 1997.

[6] *Булгаков С.Н.* Свет невечерний: Созерцания и умозрения. — М.: Республика, 1994.

[7] *Воронкова М.А.* Правовое и религиозное регулирование семейной жизни: автореф. … дис. канд. юрид. наук. — Владимир, 2007.

[8] *Вышеславцев Б.П.* Вечное в русской философии. — М.: Республика, 1994.

[9] *Гарин И.И.* Что такое этика, культура, религия? — М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 2002.

[10] *Давид Р., Жоффре-Спинози К.* Основные правовые системы современности / пер. с фр. В.А. Туманова. — М.: Международные отношения, 1999.

[11] *Ильин И.А.* Основы христианской культуры. — М.: Эксмо, 2011.

[12] *Козырев Ф.Н.* Религия как предмет изучения: опыт построения феноменологической модели // Вестник Оренбургского государственного университета. — 2006. — Т. 1. — № 2.

[13] Коран / пер. и комментарии И.Ю. Крачковского. — 2-е изд. — М.: Наука, 1986.

[14] *Максуд Р.* Ислам / пер. с англ. В. Новикова. — М.: ФАИР-ПРЕСС, 2000.

[15] *Малько А.В.* Теория государства и права в схемах, определениях и комментариях: учеб. пособие. — М.: Проспект, 2010.

[16] О социальной концепции русского православия / под общ. ред. М.П. Мчедлова. — М.: Республика, 2002.

[17] *Пивоваров Д.В.* Обыденное религиозное сознание и его связь с идеологией // Проблемы российского самосознания. Религиозные, нравственные и правовые аспекты культуры: сб. трудов науч.-практич. конф. светских ученых и теологов с участием зарубежных исследователей (Москва, 2 октября 2012 г.). — Ч. 2. — М.-Пермь, 2012.

[18] *Посашкова А.Л.* Взаимодействие религиозных и правовых норм в правообразовании: автореф. дис. … канд. юрид. наук. — Владимир, 2010.

[19] *Путилкин П.А.* Соотношение правового и религиозно-православного регулирования общественных отношений: автореф. дис. … канд. юрид. наук. — Казань, 2013.

[20] Религии мира. — 2-е изд., перераб. и доп. — Мн.: Белфакс, 1994.

[21] Российская социологическая энциклопедия / под общ. ред. академика РАН Г.В. Осипова. — М.: НОРМА—ИНФРА-М, 1998.

[22] *Свистунов М.Н.* Российская цивилизация и православие: диалектика их взаимоотношений и перспективы развития: автореф. дис. … д-ра филос. наук. — М., 2005.

[23] *Соловьев В.С.* Нравственность и право // Избранные произведения. Сер. Выдающиеся мыслители. — Ростов н/Д.: Феникс, 1998.

[24] *Сулейманов Т.Ф., Кашапов У.А.* Диалектика взаимоотношений религии и политики // Вестник Уфимского юридического института МВД РФ. — 2011. — № 4.

[25] *Сулейманов Т.Ф. , Хафизов Э.Д.* Религия как феномен культуры: лекция. — Уфа: Уфимский юридический институт МВД РФ, 1997.

[26] *Сулейманов Т.Ф.* Ислам и право // Социально-экономические и правовые проблемы борьбы с преступностью: мат-лы Всерос. науч.-практич. конф. (18 марта 2004 г.): В 2 ч. — Ч. 1. — Уфа: ОН и РИО УЮИ МВД РФ, 2004.

[27] *Сулейманов Т.Ф.* Религия и право / Онтология и аксиология права: тезисы докладов и сообщений Третьей Междунар. науч. конф. (19–20 октября 2007 г.) — Омск: Омская академия МВД России, 2007.

[28] *Сюкуяйнен Л.Р.* О понимании правовой культуры и религиозных правовых систем // Право. — 2010. — № 4.

[29] *Таганцев Н.С.* Русское уголовное право: лекции. Часть общая: В 2 т. — Т. 1. — М.: Наука, 1994.

[30] *Томпсон М.* Философия религии / пер. с англ. Ю. Бушуевой. — М.: ФАИР-ПРЕСС, 2001.

[31] *Трубецкой Е.Н.* Смысл жизни / сост. А.П. Полякова, П.П. Апрышко. — М.: Республика, 1994.

[32] *Форвард М.* Религия / пер. с англ. Н. Григорьевой. — М.: ФАИР-ПРЕСС, 2003.

[33] *Фрейд З.* Будущее одной иллюзии // Сумерки богов / сост. и общ. ред. А.А. Яковлева; пер. В. Бибихина. — М.: Политиздат. 1989 (Сер. Библиотека атеистической литературы).

[34] *Фрейд З.* Я и ОНО: Сочинения. — М.: Эксмо; Харьков: Фолио, 2004.

[35] *Фромм Э.* Психоанализ и религия // Сумерки богов / сост. и общ. ред. А.А. Яковлева; пер. В. Бибихина. — М.: Политиздат. 1989 (Сер. Библиотека атеистической литературы).

[36] *Юнг К.Г.* Психологические типы / пер. с нем. С. Лорие, перераб. и доп. В. Зеленским; под общ. ред. В. Зеленского. — М.: Университетская книга: АСТ, 1997.

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЕКТЫ БИСТ

ПОВЫШЕНИЕ БЮДЖЕТНОЙ ГРАМОТНОСТИ

2–3 апреля 2015 г. в Представительстве Всемирного банка состоялся Круглый стол в рамках проекта «Повышение бюджетной грамотности» на тему: «Уроки международного опыта в области повышения бюджетной грамотности: разработка образовательной программы по повышению бюджетной грамотности в России».

Одной из задач, поставленных Президентом Российской Федерации в Бюджетном послании на 2014–2016 гг., стала разработка особого документа — «Бюджета для граждан», с помощью которого каждый гражданин может разобраться в бюджетной политике страны, региона или муниципалитета и найти ответы на интересующие его вопросы. Такие бюджеты для своих граждан создают пока только 26 государств. Для Министерства финансов Российской Федерации эта работа новая, поэтому вместе с Открытым правительством оно привлекает к разработке и популяризации «бюджета для граждан» не только государственных служащих, но и экспертов, преподавателей вузов, представителей НКО, сотрудников СМИ и др. В результате, в 2013 году Российская Федерация присоединилась к числу стран, которые раскрывают гражданам данные о бюджетной политике в формате «бюджета для граждан».

Участники круглого стола, среди которых: Айвор Бизли, старший специалист Всемирного банка по вопросам управления в государственном секторе, руководитель проекта; Инна Рыкова, Руководитель Центра отраслевой экономики, НИФИ при Министерстве финансов России; Анна Зеленцова, координатор проекта «Повышение финансовой грамотности»; Харика Масуд, специалист Всемирного банка; Эдвард Борба, генеральный координатор по взаимодействию с федерацией и участию общественности Секретариата по обеспечению прозрачности и противодействию коррупции, Департамент генерального контролера, Бразилия; Хассан Махтат, представитель Секретариата Афлатона, Нидерланды; Джоан Хьюстон, старший консультант, Совет по оценке качества обучения Департамента общего образования Южной Африки; Марин Грольник, директор проекта, Роб Шанд, преподаватель, педагогический колледж, Колумбийский университет, США; Пол Андерсон, менеджер в сфере развития и отношений с внешними партнерами, Civix, Канада; Косарецкий С.Г., кандидат психологических наук, директор Центра социально-экономического развития школы Института образования НИУ ВШЭ; Владимир Притупов, заместитель Губернатора Алтайского края, председатель комитета администрации Алтайского края по финансам, налоговой и кредитной политике; Ольга Антипина, Министр финансов Пермского края; Лариса Павлова, руководитель Департамента реформирования, мониторинга и информатизации бюджетного процесса Министерства финансов Республики Саха; Алексей Белый, начальник отдела по работе с эмитентами и субъектами рынка коллективных инвестиций управления по фондовому рынку департамента по финансовому и фондовому рынку Краснодарского края; Танзиля Нигматуллина, директор Башкирского института социальных технологий, обсудили вопросы просвещения российской молодежи в области государственных финансов и бюджета; международный опыт в области повышения бюджетной грамотности; планирование экспериментальной апробации образовательных программ по повышению бюджетной грамотности в российских регионах.

СОЦИАЛЬНАЯ ОНЛАЙН ИГРА «ЖЭКА»

В течение февраля и марта студенты и сотрудники Башкирского института социальных технологий готовились к проведению Республиканского чемпионата среди учащихся общеобразовательных школ, студентов колледжей и вузов и людей старшего возраста по социальной интерактивной игре «ЖЭКА», созданной Фондом содействия реформированию ЖКХ.

Организаторами чемпионата выступили Министерство жилищно-коммунального хозяйства Республики Башкортостан, Министерство образования Республики Башкортостан, Региональный исполнительный комитет Башкортостанского регионального отделения Всероссийской политической партии «Единая Россия» и Башкирский институт социальных технологий.

В обучении и отборочных этапах приняли участие более трех тысяч человек: из Уфы, Кумертау, Ишимбая, Салавата, Сибая, Стерлитамака, Нефтекамска, Дюртюлей, Куюргазинского района и др. Такой интерес не случаен: игра увлекательная, развивающая, а самое главное — она учит экономно расходовать энергоресурсы, бережно относиться к своему дому и двору.

Финал Республиканского чемпионата состоялся 10 и 14 апреля. Он показал, что его участники — люди не равнодушные и социально ответственные. Ведь «ЖЭКА» — это не просто игра, это важное государственное дело. Экономия бюджета в сфере жилищно-коммунального хозяйства позволит государству направить больше средств на медицинскую помощь, образование, науку.

ДИПЛОМНЫЕ ПРОЕКТЫ СТУДЕНТОВ БИСТ — СФЕРЕ ЖКХ

25 мая в Министерстве жилищно-коммунального хозяйства Республики Башкортостан состоялся круглый стол по вопросам взаимодействия вузов и Минжилкомхоза РБ.

В совещании приняли участие заместители министра жилищно-коммунального хозяйства Республики Башкортостан, депутат Государственного Собрания — Курултая республики Елена Родина, руководители Кумертауского филиала Оренбургского государственного университета, Башкирского государственного университета, Башкирского института социальных технологий, Уфимского государственного нефтяного технического университета, Уфимского государственного авиационного технического университета и Уфимского государственного университета экономики и сервиса.

В ходе совещания были обсуждены механизмы взаимодействия вузов и Минжилкомхоза РБ с использованием экспертного потенциала учебных заведений — профессорско-преподавательского состава, аспирантов и студентов, использование практических проектов, реализуемых в жилищно-коммунальном хозяйстве.

В качестве одного из направлений сотрудничества студенты республики будут разрабатывать курсовые и дипломные проекты, которые впоследствии найдут применение в жилищно-коммунальном хозяйстве.

По итогам круглого стола инициатива министерства была поддержана. Кроме того, было решено разработать модель взаимодействия, направленную на решение задач по прохождению практики студентами профильных специальностей, подготовке кадров для отрасли жилищно-коммунального хозяйства и использования экспертного потенциала вузов для проектирования задач прикладного характера.

НАУКА

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ В АКАДЕМИИ ТРУДА И СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

12–14 мая студенты Башкирского института социальных технологий представляли филиал в головном вузе на Международной научно-практической конференции «Социально-трудовая сфера — 2015 (проблемы молодежи)», посвященной юбилейным датам: 70-летию Победы в Великой Отечественной войне, 110-летию профсоюзного движения России и 25-летию образования ФНП.

Конференция была организована кафедрой профессиональных иностранных языков совместно с отделом аспирантуры Академии труда и социальных отношений. В ее работе приняли участие аспиранты, студенты Академии и ее филиалов, а также студенты из других стран — Вьетнама, Китая, Франции, Польши.

В рамках конференции работало четыре секции. Выступающие посвятили свои доклады актуальным молодежным проблемам: патриотизму, гражданской позиции, оценке роли советского народа в годы Великой Отечественной войны. Речь шла и о таких вопросах, как трудоустройство молодежи, отношение к профсоюзам и мотивации профсоюзного членства. Эта тематика вызвала интерес у всех участников конференции — как у представителей нашей страны, так и зарубежья, ведь, несмотря на разницу менталитетов и языков, проблемы, по сути, были одинаковыми.

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ И ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ИНТЕРЕСЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

25 июня 2015 года в Башкирском институте социальных технологий состоялась Международная научно-практическая конференция «Национальная безопасность и государственные интересы Российской Федерации», посвященная 25-летию Дня России.

Основными направлениями работы конференции были:

- Уроки Великой Отечественной войны в современных реалиях национальной безопасности Российской Федерации.
- Терроризм, экстремизм и «цветные революции» как потенциальные угрозы международной безопасности.
- Информация, идеология, культура и образование в системе национальных интересов России.
- Экономическая составляющая национальной безопасности, приоритеты в области экономического развития.
- Национальная политика и безопасность.
- Патриотическое воспитание молодежи как фактор государственной политики.

По материалам конференции выпущен данный номер научного журнала «Вестник БИСТ» .

ШКОЛА МОЛОДОГО ЛИДЕРА

В БИСТ ПРОШЛА РЕСПУБЛИКАНСКАЯ СТУДЕНЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ОЛИМПИАДА!

6 апреля 2015 г. на базе Башкирского института социальных технологий прошел финальный тур ежегодной Республиканской студенческой экономической олимпиады. Организаторами РСЭО — 2015 выступили Министерство образования Республики Башкортостан, ООО Компания права «Респект» и Башкирский институт социальных технологий.

Целью Олимпиады стало определение уровня подготовки студентов в сфере экономики, оценка кругозора и сформированности профессиональных компетенций будущих специалистов, их способности принимать грамотные управленческие решения, в том числе в нестандартных ситуациях.

76 студентов из 11 ведущих вузов Республики демонстрировали знания в четырех номинациях: «Экономика предприятий», «Налоги и налогообложение», «Финансово-экономический анализ» и «Поиск правовой информации в справочной правовой системе «КонсультантПлюс».

Объективно и профессионально оценить знания и навыки студенческой молодежи было поручено экспертному жюри, в состав которого вошли Рыкова Инна Николаевна — заместитель директора Научно-исследовательского финансового института Министерства финансов

Российской Федерации, доктор экономических наук; Хисматуллина Рузалия Сафиулловна — Председатель Комитета Государственного Собрания — Курултая Республики Башкортостан по бюджетной, налоговой, инвестиционной политике и территориальному развитию; Зубаиров Айдар Сабирович — управляющий банком ВТБ24 Регионального операционного офиса «Уфимский», Рафаиль Вагитович Гибадуллин — Уполномоченный по защите прав предпринимателей в Республике Башкортостан.

Республиканская олимпиада — это важный этап в формировании у молодых специалистов экономической культуры и современного экономического мышления, воспитание инициативы и самостоятельности.

ГОТОВИМСЯ К САММИТАМ СТРАН ШОС И БРИКС

25 июня в Институте повышения квалификации профсоюзных кадров прошел круглый стол, посвященный IV Профсоюзному форуму стран БРИКС «Профсоюзы стран БРИКС на защите прав человека труда». В числе участников были представители Федерации профсоюзов Республики Башкортостан, отраслевых комитетов профсоюзов республики и вузов.

В рамках Круглого стола было организовано онлайн-общение с заместителем Председателя Федерации Независимых Профсоюзов России Евгением Макаровым, который проин-

формировал собравшихся об истории создания БРИКС и декларациях, принятых за годы работы Профсоюзного форума.

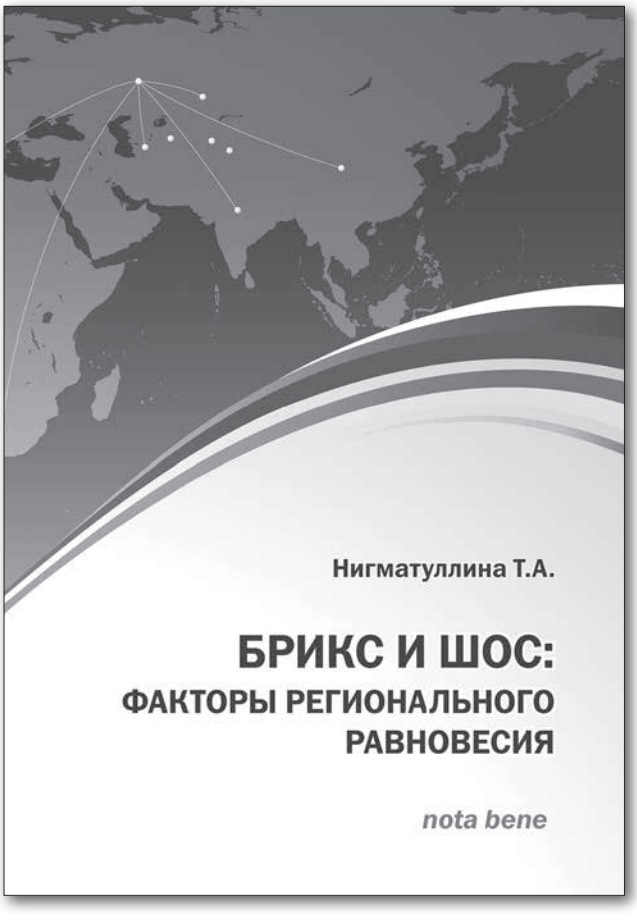
Директор Башкирского института социальных технологий Танзиля Алтафовна Нигматуллина презентовала свою новую монографию «БРИКС и ШОС: факторы регионального равновесия», в которой исследовано многообразие политических конфигураций, складывающихся в современном многополярном мире. Автор представила в книге интегративный анализ экономических, политических, научно-образовательных, социокультурных, информационно-коммуникационных ресурсов, идейных платформ стран, входящих в ШОС и БРИКС, способных оказывать воздействие на мироустройство и развитие политического плюрализма. Такой формат позволяет читателю масштабно представить новейшую евразийскую ситуацию.

В своем выступлении Танзиля Алтафовна подробно остановилась на системном анализе взаимодействия стран ШОС и БРИКС не только на страновом, межгосударственном, но и межрегиональном уровне, в формате «R2R» — «Region to Region», а также на уровне крупных муниципалитетов, предложила активнее поддерживать и «продвигать» молодежь в институты гражданского общества. Это, по ее мнению, поможет укрепить профсоюзный авторитет во всей вертикали власти.

Представленный в монографии практический материал рассматривается автором с опорой на Республику Башкортостан, Уфу и другие города России и страны мира, принимавшие саммиты ШОС и БРИКС.

Интересными и содержательными были разнополярные выступления политологов республики по данной теме.

Кандидат политических наук, докторант кафедры национальных и федеративных отношений БИСТ (филиала) ОУП ВО «АТиСО» Артур Рамилевич Сулейманов подробно остановился на понятиях «геополитические реалии», «многополярность мира». Речь шла и о и введенных сегодня против России санкциях.



Вместе с тем были затронуты вопросы развития молодежного профсоюзного движения в странах БРИКС, задачи профсоюзов.

Приближается важный исторический момент для Уфы и профсоюзов республики — Саммиты стран ШОС и БРИКС. Поставлены задачи, будут приняты исторические документы, и профсоюзам необходимо будет претворять их в жизнь!

К 70-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

ПОКЛОНИМСЯ ВЕЛИКИМ ТЕМ ГОДАМ...

6 апреля в Башкирском институте социальных технологий состоялась презентация самого масштабного проекта, посвященного 70-летию Великой Победы — книги «Дорогами огненных лет».

Инициаторами создания книги стали Башкирский институт социальных технологий и Детский оздоровительно-образовательный центр туризма, краеведения и экскурсий «Зенит».

В книге представлены: 21 воспоминание об огненных годах войны; 34 истории семьи; 16 историй героев тыла; 17 стихотворений и писем с фронта и на фронт. Всего более 30 лучших работ учащихся Орджоникидзевского района и студентов БИСТ.

В мероприятии приняли участие директора школ и заведующие детскими садами, ученики и преподаватели школ Орджоникидзевского района, студенты и педагоги БИСТ, которые были непосредственными участниками создания книги.

В качестве почетных гостей были приглашены: ветеран Великой отечественной войны Хайров Ильгиз Гарифович, председатель Совета ветеранов Орджоникидзевского района; Фарит Назарович Вахитов, научный сотрудник Музея Боевой Славы, ветераны Афганской войны — Роман Апреев, председатель городского Совета «Боевое братство», и Хатиб Богданов, член правления городского Совета «Боевое братство».

Студенты БИСТ подготовили праздничный концерт.

Книга, без сомнения, станет семейной реликвией и будет занимать самое почетное место в доме. Перечитывая книгу, мы снова и снова будем вспоминать своих родных, тех, кто каждодневно совершал незаметный, но такой нужный стране подвиг, кто приближал нашу победу и перед кем сегодня мы должны склонить голову в знак благодарности.

И тогда связь времен не прервется, ведь «павшие живут, пока о них помнят».

CONTENTS

NATIONAL SECURITY AND STATE INTERESTS OF THE RUSSIAN FEDERATION

BURIKIN Aleksey Dmitrievich,
Doctor of Economics, Professor,
Assistant Director of Yaroslavl branch
of Academy of Labor and Social Relations

VISHNEVSKAYA Marina Dmitrievna,
Student of Yaroslavl branch
of Academy of Labour and Social Relations, Uzbekistan

ECONOMIC SECURITY OF REGIONAL INVESTMENT SYSTEM

The article deals with the process of creating and functioning of regional investment system. It also suggests the ways of providing its economic security. Besides, the work investigates the risks which can affect the effectiveness of the investment system and offers the ways of its protection.

Key words: *investments, security, risks.*

GLINSKAYA Irina Yurievna,
Doctor of Political Science, Assistant Professor of Advertising
and Business Communication Chair,
Peoples' Friendship University of Russia, Moscow

THE ROLE OF MASS MEDIA IN INFORMATION-PSYCHOLOGICAL WAR

The article gives the analysis of new as well as traditional mass media influence on the society in the modern information-based world system. As a result of the analysis the author gives a variety of principal general regulations in the context of using mass media for prevention separative and other conflict situations.

Key words: *mass media, new media, information-psychological war, technology, opposition, threat, national interests.*

KURMANOV Albert safuatovich,
Doctor of Juridical Science,
Head of the Civil Law and Procedure Chair,
the Bashkir Institute of Social Technologies (branch)
of the Academy of Labour and Social Relations (Ufa)

A PREVENTING ASOCIAL BEHAVIOR AMONG YOUNG PEOPLE AS A FACTOR OF PATRIOTIC EDUCATION

During the latest decade our society has been experiencing a systemic crisis in social, economical, political and ideological spheres. The following negative tendencies began to spread among various social groups: legal nihilism, cynicism, indifference, low attitude towards the societal and state interests. The article describes the measures for preventing the asocial behaviour among young people through the prism of patriotism.

Key words: *preventative measures, asocial behaviour, safety, parenting, patriotism, youth.*

LANDA Kamil Gazimagomedovich,
Doctor of Political Science, Professor
of the National and Federal Relations Chair,
the Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration (Moscow)

THE ROLE OF DAGESTAN IN NATIONAL SECURITY PROTECTION OF RUSSIA IN CASPIAN REGION

The geostrategic political and economical value of the Republic of Dagestan to the national security protection of Russia is examined in the article. The author presents the approximate monitoring circuit of the social, political and economic situation that allows predicting the potential contradictions and establish the contradiction prevention policy.

Key words: *geopolitics, security strategy, Dagestan, inter-ethnic communication, national security, instability prevention policy, balance of interests.*

NIGMATULLINA Tanzilya Altafovna,
Doctor of Political Science, Assistant Professor, Director of Bashkir Institute of Social Technologies (branch) the Academy of Labour and Social Relations (Ufa)

SOCIO-POLITICAL MEDIATION AMONG YOUNG PEOPLE

The problems of youth conflicts always aroused heightened interest among scientific-and-expert community. At various points of the state and society development using various methodological approaches the researches studied the processes of youth socialisation in different aspects of life (politics, business, cultural self-fulfilling, etc).Frequently these processes are accompanied by confrontations and conflict situations. Acting as one of the actors of the social process, the young generation transforms under the influence of the socio-political space and interacts with each other formulating common and individual interests.

Key words: *political mediation, youth, youth policy, socio-political technologies, conflict, parenting, consensus, unity.*

RAHMATULLINA Zugura Yaganurovna,
Doctor of Philosophic Sciences, Professor, Deputy Chairman of the Culture Committee of the State Duma of the Federal Assembly of Russian Federation, Chairman of the National Assembly of the Republic of Bashkortostan

CROSSCULTURAL DIALOGUE AS SPIRITUAL BASIS FOR NATIONAL SECURITY OF THE MULTINATIONAL RUSSIAN FEDERATION

The following article examines the current issues of the purposeful formation in public conscience the importance of crosscultural and interconfessional dialogue as one of the "spiritual bonds" consolidating the nation in modern geopolitical situation. Civil peace and conciliation, equal communication and co-creation of nations, their religions and authentic cultural outlooks in the multi-ethnic, multicultural and multi-religious Russian society are the basis of Russian secure present and confident future.

Key words: *cross-cultural dialogue, interconfessional world, multiculturalism, youth, mobilization resource, ethnophobia, unity, national security.*

SULEIMANOVA Shukran Saidovna,
Doctor of Political Science,
Professor of the Public Relations and Media Policy Chair,
Institute of Public Administration and Management,
Russian Presidential Academy National Economy
and Public Administration

THE CURRENT STATE OF RUSSIAN ETHNOPOLITICAL SECURITY

The author notes the significant impact on the state structure and Russian domestic political climate by its multinationality. Interethnic concord serves as the most important condition of country's safety and development at the present stage. Ethnopolitical security is among most timely and vital courses of domestic security of the Russian Federation. In addition to that, the ethnopolitical security, as an element of national security in socio-political sphere, determines the development of meaningful interethnic and federal relations in Russia.

Key words: *ethnopolitical security, interethnic concord, state structure, potential threats, integrity, nationwide objectives.*

TERNOVAYA Lyudmila Olegovna,
Doctor of Historical Science,
Professor of the Sociology and Management Chair,
The Moscow State The Moscow State Automobile and Road
Technical University (MADI)

TRAINING OF SPECIALISTS IN THE FIELD OF HUMAN RESOURCE MANAGEMENT IN THE CONTEXT OF PERSONNEL SECURITY

The transition from personnel management to human resource management can be clearly seen in the theory and practice of management. The next step agreeable to innovative approaches in Economics is talent management. This process undergoes differently under the conditions of various regional labour markets. It is more advanced in global companies. The introduction of such management model can be considered as the most important course for provision of personnel security.

Key words: *human resource management, international labour market, multinational companies, talent management, personnel security.*

TURIN Sergey Borisovich,
Doctor of Economics, Assistant Professor,
Director of the Yaroslavl branch
of Academy of Labour and Social Relations

BIRKO Anastasia Valerievna,
Student of Yaroslavl branch of Academy
of Labour and Social Relations, Turkmenistan

THREATS TO NATIONAL SECURITY OF THE RUSSIAN FEDERATION

Russia as one of the biggest countries in the world is exposed to various levels of threats to its national security: international, regional, national as well as political, economic, social, military, ecological, etc. A brief analysis of main challenges and threats to the national security of the Russian Federation in the context of modern global world is given in the article.

Key words: *national security, threat, international sphere, consequences, risk, effectiveness.*

AMINOV Ildar Rinatovich
Candidate of Juridical Sciences,
Assistant Professor of the State Law
Chair Institute of Law, Bashkir State University (Ufa)

ON THE FOUNDATION OF THE NATIONAL SECURITY OF RUSSIA

During the last twenty years the Russian Federation made its strategic choice and adjusted its development policy several times. These processes presented a number of problems to the government, political elite and population. The problems are connected to forming of the constitutional design, civil society, constitutional state and market economy as well as to provision of national security. The events of the 1990s in Russia were related to the search for the way out of the social and economical political "chaos" with partial loss of socio-cultural ideals, political practices and norms that were potentially important to the present and future of the Russian Federation. The ideological foundation of the Russia's national security is examined in the article.

Key words: *national security, foundation, values, consolidation, processes, national cause, constitutional state, infrastructure, inter-ethnic relations, region.*

ARPENTIEVA Mariam Ravilievna,
Candidate of Psychological Sciences,
Assistant Professor, Kaluga Tsiolkovsky State University

PROFILING IN PROVISION OF NATIONAL SECURITY OF RUSSIA

In the modern international and domestic safety system profiling holds a specific place as a range of measures for diagnostic charting and security threat perception in situations of various in kind and scale: portraiture and prediction of political leaders' behaviour, restoring mass crime patterns, working with terrorists and serial killers, professional selection and forming groups of experts, high-ranking executives in high tech corporations. Profiling in provision of national security of Russia is analysed in the article.

Key words: *national security, psychology, profiling, terrorism, metasignal, self control, programme.*

ILIKAEV Aleksandr Sergeevich,
Candidate of Political Sciences,
Associate Professor
of the Political Science and History Chair,
Bashkir State University (Ufa)

POLITICAL MANAGEMENT IN THE CONTEXT OF THE NATIONAL SECURITY PROBLEM IN RUSSIA

In the context of sanctions renewal the role of the political management in Russia has become important more than ever. Being a relatively new topical field of study it includes several main models that determine the "style" of policy making. The general take on the current Russian government policy observes the progress in the terms of scenario and cost-based models. In addition to that it is necessary to acknowledge the absence of the structural and functional state management philosophy. However plain bureaucracy restructuring and political reforms are unable to supersede the ideological matrix that exists in the society and forms the basis of the political system. The only promising way out is formulating new and timely ideologemes compliant with civil society values. Their key provisions should imply the final Russia stance on its past, Euroasian integration as well as reasonable estimate of significance of life support systems and social protection.

Key words: *sanctions, political management, structural and functional approach, expenditure method, Scenario Analyses, normative conception, behavioural conception, rational bureaucracy, new public management, ingoing administration, state management, ideologeme, national security.*

Kuznetsov Igor Aleksandrovich,
Candidate of Juridical Sciences,
Assistant Professor,
Bashkir Institute of Social Technologies (branch)
of the Academy of Labour and Social Relations (Ufa)

CIVIC CHAMBER AS CIVIL SOCIETY INSTITUTION

Civic Chamber of the Russian Federation was formed in accordance with the national law of 4th April 2005 on Civic Chamber of the Russian Federation. According to law, Civic Chamber is to be elected every three years and to liaise between citizens and government authority and local government in order to consider citizens' needs and interests, protect their rights and liberties while forming and implementing national policy as well as to provide public oversight of government work.

Key words: *society, civic society, right, state, constitutional state, legal awareness, legal culture, Civic Chamber, federal government, national law.*

MOLODOV Oleg Borisovich,
Candidate of Historical Sciences, senior research worker
of the Institute of Socio-Economic Development
of Territories of Russian Academy of Sciences (Vologda)

ON THE CONCEPT AND TYPOLOGY OF EXTREMISM

The article is dedicated to the analysis of the theoretic problems in researching the extremism. It is a complex social phenomenon combating which has become especially urgent. Along with that, there is no uniform understanding of the subject matter of the extremism and its types and aspects in Social and Humanitarian Sciences. The debatable aspects of the term "extremism" as well as the questions of its typology and classification are characterised in the article.

Key words: *extremism, extremist activity, extremality, typology of extremism.*

ORLOV Mikhail Olegovich,
Candidate of Philosophical Sciences,
Professor of Theology and Religious Studies Chair,
Dean of the Philosophy Department,
Saratov Chernyshevsky State University

RUSSIAN SPIRITUAL TRADITION AS AN ATTRIBUTE OF THE STATE NATIONAL SECURITY

Generally recognized both by academic community and official state documents and speeches, there is a fact that nowadays the ways of passing the values and norms from one generation to the next one do not function accordingly. According to the expert sociologist estimates, at the moment the Russians' value system is chaotic, it undergoes transformation and has not formed yet. Russian spiritual tradition as an attribute of the state national security is examined in the following article.

Key words: *national security, spirituality, traditions, factors, crisis, succession, generation.*

SOKOLOVA Maria Sergeevna,
Candidate of Social Sciences,
the Academy of Labour and Social Relations (Moscow)

EFFECTIVENESS OF THE MANAGEMENT DECISION AS ONE OF THE FACTORS OF THE NATIONAL SECURITY

National security of the country depends on the wide range of factors including competent management decisions. In the article the management decision is regarded from the point of view of the social effectiveness and the management activity — from the point of the subject-subject relationship that implies interaction of the subject and object of management. The author points out the absence of social indicators in managerial decision making and insists that while improving the management mechanisms it is important to consider the consequences of the managerial decisions for the society as a whole and for the separate individuals in particular.

Key words: *managerial decisions, management entity, subject of management, cooperation, collective life activity, social indicators.*

SULEYMANOV Artur Ramilevich,
Candidate of Political Sciences,
Head of the Trade Union and Labour Law Chair,
Bashkir Institute of Social Technologies (branch)
of Academy of Labor and Social Relations (Ufa),
Doctoral Candidate of the National and Federal Relations Chair,
Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration

RUSSIAN REGION IN THE STATE NATIONAL SECURITY ORGANIZATION

Deagglomerative tendencies of Russian regions constitute a major threat to the state integrity and are able to intensify in wide variety of regions. A particular role in these processes is given to regional elites. Depending on the circumstances they can act as a guarantor of constitutional integrity of the country or become an agent of the deagglomerative activity of a particular region. The role of the regions in provision of national security of Russia is analysed in the article.

Key words: *federalism, region, national policy, national security, deagglomerative potential, sovereignty, national and federal relations, integrity.*

ANGELI Sofia Sergeevna,
Director of the Public Children Rights Department
under the Bashkir Institute of Social Technologies (branch)
the Academy of Labour and Social Relations (Ufa),
Postgraduate of 2nd year of study, Bashkir State University

XENOPHOBIA AS A THREAT TO NATIONAL SECURITY: USING THE EXAMPLE OF RUSSIA AND GREECE

The examples of xenophobia in the modern societies of Russia and Greece are regarded in the article. The main reasons and types of xenophobia in modern Russian society are analysed.

Key words: *xenophobia, migrant phobia, national security, separatism, ethnophobia, religious intolerance, nationalities policy.*

BELYAEV Maxim Anatolyevich,
Director of the Agency of conciliatory technologies
of the UNESCO and UNEVOC Centre in the Russian Federation
on the base of the Bashkir Institute of Social Technologies (branch)
the Academy of Labour and Social Relations (Ufa)

TYPES OF CONCILIATORY TECHNOLOGIES AS AN INSTRUMENT OF NATIONAL POLICY

The types of conciliatory technologies that are used by the experts in moderation of ethnopolitical conflicts are examined in the article. Also there given their history and modern development in the Agency of conciliatory technologies of the UNESCO and UNEVOC Centre in the Russian Federation on the base of the Bashkir Institute of Social Technologies.

Key words: *conciliation procedure, mediation, negotiations, counselling, intermediation, ethnopolitical conflict, the Agency of conciliatory technologies of the UNESCO and UNEVOC Centre in the Russian Federation on the base of the Bashkir Institute of Social Technologies.*

KAMINSKIY Vadim Sergeevich,
Engineer-researcher of the laboratory
of social research processes and the efficiency of public administration
Institute of socio-economic development of territories
Russian Academy of Sciences (ISEDT RAS) (Vologda)

METHOD OF LEGAL ANALYSIS IN THE STUDY OF EXTREMISM

The article explores the method of legal analysis in the study of extremism. The object of the research is theoretical and methodological approaches to the study of extremism, the subject is method of specific legal analysis. Described secreted by researchers shortcomings international and Russian anti-extremist legislation and recommendations for its improvement.

Key words: *extremism, methodology, the method of specifically legal analysis, the anti-extremist legislation.*

LAUSHKINA Galina Anatolivna,
Senior Lecturer of the Criminal Justice,
Criminal Procedure and Criminal Investigation Chair,
Bashkir Institute of Social Technologies (branch)
of the Academy of Labour and Social Relations (Ufa)

LEGAL AWARENESS AND LEGAL EDUCATION AS AN ELEMENT OF LEGAL CULTURE AND AS AN AREA OF LEGAL CLINIC ACTIVITY

The problem of legal nihilism among various strata of the population is the subject of the article. There are provided the ways of solution of this problem by creating a legal clinic.

Key words: *legal awareness, legal clinic, legal culture, legal education.*

OSMANOV Roman Azerovich,
Assistant Prosecutor (Ufa)

THE ROLE OF THE PROCURACY AUTHORITIES AT THE STRUGGLE WITH EXTREMISM

Fight against terrorism and extremism is the country-wide challenge and the accomplishment this objective requires all the resource deployment. The public danger of extremism lies in provoking the forceful response of the authorities, destabilizing the society's democratic institutions and encouraging the violation of constitutional rights and human liberties. The work of the procuracy authorities in the Republic of Bashkortostan are analysed in the article.

Key words: *public prosecution office, supervisory activities, extremism, terrorism, preventative measures.*

SHAFIKOVA Aigul Rifkhatovna,
Senior Lecturer of Economics,
Information Technologies and Audit Chair,
the Bashkir Institute of Social Technologies (branch)
of the Academy of Labour and Social Relations (Ufa)

BUDGETARY COMPETENCE AS A FACTOR OF THE STATE ECONOMIC SECURITY

Economic security of the country is a fundamental principle of the development of the effective economic relations between the macroeconomy branches. The populace budgetary competence as one of the ways of providing the economic security is discussed in the article.

Key words: *budgetary competence, civic society, economic security, national prosperity, economic policy instrument of the state, national budget.*

TIMOFEEV Stanislav Gennadievich,
Student of the 3rd year of Law Faculty
the Bashkir Institute of Social Technologies (branch)
of the Academy of Labour and Social Relations (Ufa)

Research advisor: ***NIGMATULLINA Tanzilya Altafovna,***
Doctor of Political Science, Assistant Professor, Director
of the Bashkir Institute of Social Technologies (branch)
of the Academy of Labour and Social Relations (Ufa)

REGIONAL STUDY AS A MEANS OF YOUTH CIVIC POSITION FORMATION

Patriotic education of young people, development of their civic position and social responsibility are among the pressing tasks of our days. Using the example of profession-oriented clubs the author examines the role of the regional study in education of spiritual, ethic and tolerant character that possesses the important characteristics of Russian citizen and patriot.

Key words: *patriotism, education, identity, profession-oriented clubs.*

CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY

SOLODKAYA Irina Nikolaevna,
Senior Lecturer of the Criminal Justice,
Criminal Procedure and Criminal Investigation Chair,
Bashkir Institute of Social Technologies (branch)
of the Academy of Labour and Social Relations (Ufa)

BASKAKOV Aleksey Tikhonovich,
Candidate of Philosophical Sciences,
Assistant Professor of the Criminal Justice,
Criminal Procedure and Criminal Investigation Chair,
Bashkir Institute of Social Technologies (branch)
of the Academy of Labour and Social Relations (Ufa)

CERTAIN CRIMINAL, JUDICIAL AND FORENSIC ASPECTS OF VANDALISM COMMITTED BY MINORS

Various criminal, judicial and forensic aspects of vandalism committed by teenager are discussed in the article. Vandalism provided by Article 214 of the Criminal Code of the Russian Federation is relatively unresearched crime because before enactment of the current Criminal Code this kind of the crime was not known for the criminal legislation. Vandalism is a crime usually committed by under-aged specifically by teenagers at the age of 13–14 in addition to that it is a collective crime as the teenagers spend a lot of time together. The danger of the modern vandalism is that this criminal act usually leads to other more serious crimes such as intentional desecration and damage of property, riotous conduct, disorderly conduct, extremism and etc.

Key words: *vandalism, minors, juvenile crime, classification of crime, investigation procedure, property damage, desecration of property.*

MIGUNOV Aleksey Savvovich,
Research Worker, Head of the Research Centre
of Criminalistic Examination,
Bashkir Institute of Social Technologies (branch)
of Academy of Labor and Social Relations (Ufa)

ON TIME LIMITATION OF HANDPRINTS FORMATION

The author of article analyses the problem of determining the age of the handprints. One of the regarded approaches to the topic is an for there are no methods of determining the age of the handprint. The above mentioned experiment is described in the article.

Key words: *time of trace formation, experiment, handprints, sudoral and fatty substance.*

CONSTITUTIONAL RIGHT AND MUNICIPAL LAW

FADEEV Kirill Vladimirovich,
Candidate of Political Sciences, Assistant Professor of the Political Science and History Chair, Bashkir State University (Ufa)

CONSTITUTIONAL RENDERING OF THE HEAD OF THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN ADDRESS AS POLITICAL AND LEGAL DOCUMENT

It is evident that the legalistic rendering of the paragraph 10 to the Article 87, chapter 5 of the Constitution of the Republic of Bashkortostan determines the head of the region's message as a form of address from the point of categorical and legal view. Alongside with the address, there is information on the Republic political leader's report to the State Assembly (Quriltai) within a framework of the constitutional content. That allow us to assume a certain equivalence between the Principal Law of the Republic, the Constitutions and Charter 21 of a constituent of the Russian Federation. The article examines legal nature and essence of the the Head of the Republic of Bashkortostan address in the constitutional context.

Key words: *the Republic of Bashkortostan, region, constitution, legal nature, document, address.*

KHASANOV Fidel Zagirovich,
Candidate of Political Sciences, Assistant judge of the Supreme Court of the Bashkortostan Republic (Ufa)

QUALITY OF GOODS AND SERVICES AS THE ELEMENTS OF CONSTITUTIONAL RIGHTS IN HEALTH PROTECTION

The article is dedicated to the government implementing the constitutional rights in health protection by the means of improvement of goods and services quality in the healthcare area.

Key words: *healthcare, national policy, health care system, health, medical industry, goods, services.*

CIVIL LAW AND CIVIL PROCEDURE

GORELOV Maksim Vladimirovich,
Candidate of Juridical Sciences,
Assistant Professor of Civil Law and Procedure Chair,
Bashkir Institute of Social Technologies (branch)
the Academy of Labour and Social Relations (Ufa)

THE PROBLEM OF DOGMATIC QUALIFICATION OF THE INSTITUTES OF THE THIRD PARTY INTERVENTION IN CIVIL PROCEDURE OF GERMANY

The qualification of the institutes of the third party intervention in the civil procedure of Germany is regarded in the article. It is concluded in the article that there exists "procedural" and "substantive" decisions in third party intervention in the civil procedure.

Key words: *Third parties, civil procedure of Germany, complainant, defendant, formal interest, intervention.*

DEBERDEEVA Damira Maratovna,
Student of Prosecutors Training Institute,
Saratov State Academy of Law

Research advisor: ***BATURINA Natalia Aleksandrovna,***
Candidate of Juridical Sciences, Assistant Professor
Chair Civil Procedure «Saratov State Academy of Law»

PROBLEMS OF REALIZATION OF NATIONAL LAW ON FREE LEGAL ASSISTANCE IN RUSSIAN FEDERATION

The article reveals the problems of law enforcement practice in rendering of free legal assistance. The author analyses the law regulating this legal institution in the Saratov Region and Russia. According to the author the main problems of the analysed topic are poor informing of the citizens on their right in legal assistance, the crudity of the existing legislation, the complexity of rendering of legal assistance.

Key words: *free legal assistance, European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms, National Law on Free Legal Assistance, National Law on Social Services for Senior Citizen and Physically Challenged, the Saratov Region, European Court of Human Rights.*

POLITICAL AND LEGAL CULTURE AND IDEOLOGY

BASKAKOV Aleksei Tikhonovich,
Candidate of Philosophical Sciences,
Assistant Professor of the Criminal Justice,
Criminal Procedure and Criminal Investigation Chair,
Bashkir Institute of Social Technologies (branch)
of the Academy of Labour and Social Relations (Ufa)

THE VALUES OF THE ABSTRACT RIGHT: PHILOSOPHO-LEGAL ASPECT OF THE RESEARCH

The Abstract Right means the right of the free individual, a certain "soul' of the individual. This right is connected with a "person" who demands respect of other "people" as a spiritual "person". As an existential value the value of the abstract right suggests such social structure that is based on legally protected interest. The value of the abstract right itself is connected with a high level of the society's "legal awareness". Law and freedom are inseparable. In this regard the value of the "abstract right" is adjacent with the examining of creative abilities of a person. This value means the protection the "existence" from ideological guardianship. The value of the "abstract" right means the protection of a person's free time which is connected with overcoming of the "possessional" character of mutual relations. Abstract right aims to overcome the rightlessness in the course of social networking. It is connected with the respect of other people rights aiming at the moral imperative and tolerant attitude which are interconnected with the moral spirit.

Key words: *the value of the abstract right, human existence, legal reality, civic society, human freedom, person's creative abilities.*

SULEYMANOV Timur Fuatovich,
Candidate of Philosophical Sciences, Assistant Professor
of General Education and Vocational Disciplines Chair,
Ufa Transport Institution (branch) of the Samara State Transport University

KIRICHOK Natalia Vyacheslavovna,
Principal Software Engineer, vehicle technical inspection
and registry department of State Traffic Safety Inspectorate,
Administration of Interior Ministry of Russia in Ufa

RELIGION AND LIBERTIES WITHIN THE SYSTEM OF SOCIAL REGULATION

(Part I)

(Part II)

The authors of the article regard the religion and liberties as regulatory and value systems regulating the social regulations.

Key words: *religion, liberties, standards, values, features, properties, functions, state, belief, God.*

АВТОРАМ

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

Редакция научного журнала «Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий)» приглашает к сотрудничеству на страницах журнала ведущих ученых, молодых исследователей, аспирантов, соискателей и всех заинтересованных лиц в качестве авторов статей, участников круглых столов, рецензентов и т. п.

Наш журнал новый в мире научной периодики Республики Башкортостан. Основную миссию журнала мы видим в консолидации усилий ученых России и Республики Башкортостан по формированию единого научного информационного пространства.

Целью издания является широкое распространение информации о научной деятельности преподавателей и студентов БИСТ; публикация научных трудов, дискуссионных, аналитических и прогнозных статей ученых и практиков по наиболее актуальным проблемам развития современного общества.

В «Вестнике БИСТ (Башкирского института социальных технологий)» публикуются научные исследования по следующим направлениям:

– экономика;
– юриспруденция;
– регионалистика и этнополитика;
– общественные науки.

Журнал издается раз в квартал. Срок предоставления материалов: до 1 марта, до 1 июня, до 1 сентября, до 1 декабря.

Мы заинтересованы в эффективном сотрудничестве с высококвалифицированными специалистами и будем благодарны всем, кто поможет нам сделать журнал ярким и интересным.

ТРЕБОВАНИЯ, ПРЕДЪЯВЛЯЕМЫЕ К СТАТЬЯМ, НАПРАВЛЯЕМЫМ В ЖУРНАЛ «ВЕСТНИК БИСТ (БАШКИРСКОГО ИНСТИТУТА СОЦИАЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ)»

1. Материалы представляются в редакцию журнала в электронном виде и на бумажном носителе (1 экз.), которые должны быть идентичны. Бумажный вариант не должен содержать рукописных вставок и подписывается на последнем листе всеми авторами. Для тех, кто направляет статью по e-mail: **vestnikBIST@mail.ru**, подпись (авторучкой) сканируется в черно-белом режиме и вставляется в конец документа.

2. Работы аспирантов и соискателей должны сопровождаться отзывом научного руководителя и выпиской с заседания кафедры с рекомендацией.

3. Максимальный объем статьи 15 полных страниц, минимальный — 5 страниц, набранных в соответствии с указанными ниже требованиями:

- текстовый редактор Microsoft Word, шрифт Times New Roman, кегль 14 пт, междустрочный интервал 1,5;
- параметры страницы: левое поле — 3 см, верхнее, нижнее поля — 2 см, правое — 1,5 см;
- абзацный отступ 1,25 см устанавливается автоматически. **Внимание!** Не допускается форматирование абзацев табулятором или клавишей «пробел»;
- ориентация книжная;
- выравнивание по ширине;
- сноски концевые;
- нумерация страниц производится внизу справа, начиная с 1-й страницы. **Внимание!** Не используйте колонтитулы для нумерации страниц.

4. Встречающиеся в тексте условные обозначения и сокращения раскрываются при первом упоминании их в тексте.

5. Таблицы в тексте рекомендуется выполнить в редакторе Microsoft Word. **Внимание!** Не принимаются в работу отсканированные таблицы и в виде рисунка.

6. Графики, схемы, рисунки, диаграммы, фотографии и другие графические объекты должны быть пронумерованы и дополнительно представлены отдельными файлами в формате *.jpg или *.tif в черно-белом изображении с разрешением не менее 300 dpi. Подписи к объектам указываются в основном тексте в месте, куда должен быть помещен объект. Изображения должны располагаться в пределах рабочего поля, допускать перемещение в тексте и возможность изменения размеров. Линии графиков и рисунков в файле должны быть сгруппированы.

7. Формулы должны быть набраны в стандартном редакторе формул.

8. Файл именуется по фамилии автора (например, «Иванов.doc»); графические файлы именуются по номеру рисунка, таблицы и т. п. (например, «рисунок 1.jpg», «таблица 3.doc»).

9. Список используемых в статье источников оформляется в конце статьи в строгом алфавитном порядке (авторов или заглавий). Отдельно выстраивается алфавитный ряд на кириллице (русский язык, болгарский и т. п.) и ряд на языках с латинским написанием букв (английский, французский, немецкий и т. п.).

10. Отсылка к списку используемых в статье источников в тексте статьи заключается в квадратные скобки.

11. К материалу прилагается следующая информация ***на русском и английском языках**:*

- Заголовок статьи.
- Сведения об авторах: фамилия, имя, отчество (полностью), ученая степень, ученое звание, почетные степени и звания, место работы и занимаемая должность, электронный адрес.
- Аннотация текста публикуемого материала (не более четырех предложений). В аннотации указываются предмет, объект исследования; цель и задачи исследования; краткие выводы.
- Ключевые слова (не более семи речевых единиц).

12. Материалы публикуются на безгонорарной основе.

13. Плата за публикацию с авторов не взимается.

14. Авторы полностью несут ответственность за подбор и достоверность излагаемых фактов, цитат, а также отсутствие сведений, не подлежащих опубликованию в открытой печати.

15. Редакция оставляет за собой право на редактирование статей, без изменения их научного содержания.

16. Статьи, не соответствующие указанным требованиям, решением редакционной коллегии не публикуются, рукописи не возвращаются.

17. Для своевременной подготовки журнала необходимо заполнить и предоставить в редакцию на отдельном бумажном носителе и в электронном виде ***регистрационную карту*** по следующей форме:

Фамилия, имя, отчество	
Место работы, занимаемая должность (с указанием кафедры, отдела, лаборатории)	
Ученая степень, ученое звание (при наличии)	
Полное название статьи	
Отрасль научной статьи	
Эл. почта (обязательно)	
Контактный телефон (обязательно)	
Адрес (с указанием почтового индекса; обязательно)	

К сведениям об авторе обязательно прилагается в электронном виде цветная фотография размером не менее 5х6 см, отсканированная с разрешением 300 dpi и сохраненная в формате *.jpg или *.tif.

Информация об авторе (-ах) **обязательна** для заполнения. При отсутствии сведений об авторах статьи не рассматриваются.

Вестник БИСТ

(Башкирского института социальных технологий)

Серия «ЮРИСПРУДЕНЦИЯ». 2015. № 2 (27)

Спецвыпуск

Компьютерная верстка *А.Г. Бурмистровой*
Техническое редактирование: *Т.Е. Бочарова*

Материалы публикуются в авторской редакции

Сдано в набор 15.06.2015. Подписано в печать 29.06.2015.
Формат 60 х 84/8. Усл. печ. л. 22,08. Уч.-изд. л. 23,14.
Гарнитура «FranklinGothicBookC». Бумага офсетная. Печать ризографическая.
Тираж 500 экз. Заказ 101

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС77-34653 от 2 декабря 2008 г.

Адрес редакции:
450054, г. Уфа, проспект Октября, 74/2;
БИСТ (ф-л) ОУП ВПО «АТиСО»;
тел. +7 (347) 237-24-82;
www.ufabist.ru;
e-mail: vestnikbist@mail.ru

Отпечатано в ИП Абдуллина
450059, РБ, г. Уфа, пр. Октября, 27, корп. 2, оф. 21
www.proprint02.ru